

КНИГА 1

История и
легенды

16+

ПОСЫЛЬНЫЙ

СЕРОЙ
«СТАИ»

Сергей и Михаил Задонские

Сергей Задонский
Посыльный «серой стаи»

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Задонский С.

Посыльный «серой стаи» / С. Задонский — «ЛитРес: Самиздат», 2001

В 1945 году, несмотря на заметную панику в высших эшелонах власти гитлеровской Германии, немцам удалось не только вывезти архивные документы своих спецслужб, но и художественные ценности, награбленные в период оккупации западных территорий Советского Союза. И не только вывезти, но и надежно спрятать, настолько надежно, что многие из них до сих пор не найдены! В том числе и знаменитая Янтарная комната. Для раскрытия этих тайн в наше время бывшие и действующие сотрудники спецслужб должны проникнуть в ныне существующие нацистские организации. В книге использованы воспоминания советских и российских разведчиков, а также архивные документы.

Содержание

(Часть первая: Весть из прошлого)	5
Вместо пролога. (Пиллау, 1945 год)	6
Бавария, Федеративная Республика Германия (девяностые годы)	8
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	52
Глава 18	55
Глава 19	57
Глава 20	60
Глава 21	63
Глава 22	67
Глава 22	70
Глава 23	72
Глава 24	75
Глава 25	77
Глава 26	82
Глава 27	85
Глава 28	89
Глава 27	91
Глава 28	94
Глава 29	96
Глава 30	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

(Часть первая: Весть из прошлого)

«Из камней прошлого созданы стены грядущего». Н. Рерих

Вместо пролога. (Пиллау, 1945 год)

... Полковник абвера Густав Роттенау и офицер военно-морских сил германского рейха корветтен-капитан Ганс Штюбе стояли у недостроенного дота береговой обороны и провожали глазами удаляющийся и расплывающийся в темноте силуэт подводной лодки U-041S. Субмарина вот-вот должна была подойти к молам ограждения этой маленькой на первый взгляд, предназначенной прежде всего для рыбацких шхун и прогулочных яхт, бухты, у взорванного маяка перейти в подводное положение и лечь на боевой курс.

Полковнику и сопровождающему его морскому офицеру казалось, что субмарина идет очень медленно, а русские корабли десанта и боевого обеспечения, штурмующих с моря военно-морскую базу рейха Пиллау, уже различимые с берега по вспышкам оружейных залпов и тоненьким пунктирам трассирующих пулеметных очередей, все ближе подходят к берегу. Однако на счастье командира подводной лодки капитан-лейтенанта Генриха Шварцкопфа основное направление удара русских войск приходилось на базу и гарнизон Пиллау. Маленькой прилепившейся на песчаном берегу деревушке, давно брошенной ее обитателями, и бухточке командование советских войск внимание не уделило. Видимо, слишком хорошо поработала войсковая разведка передовых частей фронта генерала Черняховского, а еще больше – специалист по маскировке отряда боевых пловцов и диверсантов “Тюлень” лейтенант Вилли Нортон. Это он забросал всю бухту и берег у деревушки бутафорскими “минами” – большими стеклянными шаровыми рыбацкими поплавками, выкрашенными в стальной цвет с прикрепленными к ним “рожками” – взрывателями. Тем самым складывалось впечатление, что разыгравшийся в море неделю назад шторм сорвал с якорей и минрепов минное поле и выбросил двухсоткилограммовые мины на берег, а часть загнал в бухту.

Любой командир, получив подобные данные от своей разведки, не стал бы рисковать и высаживать десант в темное время суток, опасаясь больших потерь в людях и плавсредствах. На это и был весь расчет Роттенау, Штюбе и Нортон: главными в их теперешнем положении были выигрыш во времени, консервация техники и спасение людей. Задачу же сегодняшнего дня они выполнили – лодка разгружена и ушла выполнять новую задачу, а свидетели никогда больше ими не будут.

... Морской охотник МО-17 под командованием старшего лейтенанта Вахтанга Геловани, выполняя противоракетный маневр, вышел на самый правый фланг морской десантной группы. Обе пушки охотника били по огневым точкам немцев, заглушая все вокруг и освещая вспышками выстрелов лица тридцати пехотинцев, которые полусидя, полулежа держались за всевозможные выступы рубки и палубы корабля, стремясь не сорваться в холодное Балтийское море.

Вдруг на командирском месте ходовой рубки загорелся бледно синий сигнал дежурного гидроакустика.

“Что ему еще надо, не до него сейчас”, – подумал Вахтанг, потому что как раз в это время немецкие батареи засекли обходной маневр группы советских катеров и перенесли на нее свой огонь. Но лампочка продолжала настойчиво мигать. Командир снял заглушку с переговорного устройства и, стараясь перекричать выстрелы корабельных пушек, резко бросил в трубку:

– Что там случилось, акустик?!

– Пеленг двенадцать, дальность сто пятьдесят кабельтовых, шум винтов подводной лодки. Товарищ командир, лодка уходит в открытое море вдоль побережья.

– Не понял! – крикнул Геловани.

– Слышу винты немецкой подводной лодки по пеленгу двенадцать на удалении сто пятьдесят кабельтовых, уходит по направлению в открытое море, – четко доложил акустик.

“Какая здесь еще может быть подводная лодка, все море и берег усеяны минами. Наверное, разрывами снарядов оглушило немного, вот и ошибся гидроакустик, принял бурлящий воздушный след от разорвавшихся снарядов в морской глубине за шум винтов. Такое бывает”, – подумал командир охотника, а акустику приказал:

– Лодка никуда не уйдет, быстро высадим десант, на обратном пути поищем. Но все равно, будь внимателен, как бы торпеду в борт не получить, кто его знает, что она здесь делает. Радист, радиограмму в штаб дивизиона: “В квадрате 38—80 слышу шум подводной лодки. прошу Ваших указаний! Командир семнадцатого”.

Бавария, Федеративная Республика Германия (девяностые годы)

... Лежащий на полу молодой человек очнулся и приподнял окровавленную голову. Послышалось шуршание полиэтиленовой пленки, расстеленной предусмотрительными «хозяевами» под ним, чтобы кровь не испачкала пол. Мутными от боли глазами он осмотрел помещение, в котором находился.

В комнате царил полумрак, и ничего нельзя было разобрать, но парень всем телом ощутил, что он здесь не один. Молодой человек приподнялся на руках. Голова еще немного кружилась, и маленькие молоточки все еще продолжали бить в виски.

События прошедших дней медленно проплывали перед глазами.

«Надо же было так глупо попасться! Учили, учили, а все без толку! Знать бы только, где я и знают ли о моем положении ребята!» – мигом пронеслось в мозгу, и вдруг позади себя он услышал мягкий тихий звук работающего поблизости электродвигателя и шуршание резиновых колес по полу.

Парень резко на одном колене повернулся лицом к еще не видимому, но вероятному противнику.

Луч мощного фонаря или фары ослепил и на мгновение заставил зажмуриться.

– Ну, что, дорогой мой камрад, добились Вы своего? – утвердительно произнес неизвестный обладатель фонаря по-немецки. Голос был скрипучим, старческим, но фраза прозвучала громко и отчетливо, как будто говоривший хорошо знал, что находившийся перед ним человек немецкий язык знает, но не имеет достаточной разговорной практики.

– Что я должен был добиться? И с кем я имею честь разговаривать? – вежливо до неприличия в данной обстановке вопросом на вопрос ответил юноша на таком же четком немецком.

– Как что? Вы хотели увидеть, а может быть и побывать в этом помещении или точнее сказать комнате? Сейчас Вам представится такая редкая, данная не каждому обыкновенному смертному возможность! Пожалуйста, Юрген, включите верхний свет, – отдал тот распоряжение.

Свет начал зажигаться медленно, как в кинотеатре после просмотра фильма.

Юноша затаил дыхание.

Тысячи, десятки тысяч янтарных зайчиков от света верхней хрустальной люстры возникли и становились все более яркими по мере увеличения напряжения в лампочках.

Да, это было то, что он искал. Это была та самая Янтарная комната, когда-то подаренная немецким королем Фридрихом Вильгельмом Первым (Фридрихом Завоевателем) русскому царю Петру Первому (Великому).

За созерцанием всего этого великолепия парень совершенно забыл, где и по какому поводу он находится. Медленно поворачиваясь и с трудом отрывая глаза от мозаичных панно и картин, искусно инкрустированных колонн, он увидел говорившего с ним минуту назад человека.

Перед ним в инвалидной коляске сидел древний старик, и можно было удивиться его голосу, который по сравнению с телом выдавал в своем хозяине пожилого, но волевого и сильного человека.

Его костлявые руки, в которых он крепко без малейших признаков старческой дрожи держал стакан с каким-то напитком или лекарством, туго обтягивала прозрачная кожа, усеянная пятнами, – такие же пятна были на шее.

Старик дышал тяжело прерывисто, отпивая жидкость маленькими глотками в паузах между глубокими вздохами. Его тело с тонкими, хрупкими костями давно утратило гибкость.

Затрудненное астмой дыхание не позволяло ему повышать голос, и поэтому все вопросы звучали как утверждение.

– Я вижу, Вы немного поражены! Вы, наверное, не рассчитывали так скоро оказаться здесь? Но хочу Вас немного охладить: это не настоящая Янтарная комната из Вашего Ленинграда, а всего лишь достаточно приличная копия. Репродукция, если позволительно так выразиться.

– А где же настоящая? – еще не веря всему услышанному и забыв, где он находится, спросил парень.

– Резонный вопрос. Она в этой стране, в одном очень живописном историческом замке. Хозяин ее – сын моего хорошего приятеля, крупный коллекционер старины. Но там, к большому моему и Вашему, сожалению, ни Вы, ни я никогда не побываем.

– Почему? – Вопрос прозвучал настолько наивно, что старик зашелся в тихом хохоте.

– Я туда не приду, потому что у меня есть своя янтарная комната. В свое время мы с приятелем заключили соглашение, согласно которому он финансирует работы по строительству копии этого шедевра немецкой культуры, я, в свою очередь, обязуюсь забыть о существовании оригинала. Прошедшие полвека показали, что мы с ним не отошли от условий договора, – старик сделал большой глоток напитка и отвел руку с пустым стаканом в сторону. Тут же, как из-под земли вырос охранник или телохранитель, по всей видимости, Юрген, принял пустой стакан и подал новый, заполненный наполовину. – С Вами, молодой человек, посложнее. Вы сами понимаете, что я Вам ничего не скажу. А я остался последним человеком в этом грешном мире, который знает, где находится эта комната...

– Вы забыли о сыне Вашего приятеля! – перебил его парень.

– Нет, не забыл. Но и он Вам ничем помочь не сможет. Он от рождения был болен каким-то психическим расстройством, а вступив в наследство и увидев эту красоту, – старик обвел стены рукой, – так перенервничал, что на следующий же день попал в психиатрическую лечебницу с диагнозом «маниакальное расстройство психики». А оттуда он не выйдет уже никогда.

– Значит Янтарная комната погибнет? Неужели Вы это допустите? Вас же проклянут потомки!

– Нет, мой друг! Мое имя войдет в историю. А на моей могиле всегда будут живые цветы, хотя родственников у меня уже давно нет в живых. Потому что немецкому народу достанется эта репродукция. Специалисты, конечно же, определят, что это хорошо выполненная копия, но она в мельчайших деталях повторяет оригинал. А в Вашей стране, – обратился он к парню, – по моему, с 1979 года ведутся работы по восстановлению Янтарной комнаты, но чем дальше, тем больше они затухают. Да и мы не допустим, чтобы Вы смогли ее восстановить в первоизданном виде. Это произведение как было шедевром немецкого искусства, так и на века им и останется.

По виду старика, по этой напыщенной речи парень понял, что он не врет.

Старик включил привод инвалидной коляски, нажал на рычажок и медленно подъехал к молодому человеку. Остановившись в полуметре от него он внимательно посмотрел ему в глаза.

– А ведь Вы приготовились героически принять смерть!

Парень, видимо, уже просчитывал варианты бегства от этого старикашки, но шансы были близки к нулю. Старик же неплохо разбирался в психологии человека, попавшего в экстремальную ситуацию, поднял руку и указал парню на скрывавшихся в тени охранников.

– Мне нравится Ваше стремление защищать интересы своего Отечества, которому, впрочем, Вы мало чем обязаны. Если бы наши люди там, у Вас не продолжали бы плодотворно работать на наше Отечество и наши идеи, этой бы встречи не было. Поэтому я хочу обратиться к Вам и Вашим товарищам с деловым предложением. Нет, – увидев на лице парня гримасу отвращения, – я не вербую Вас для работы против Вашего государств, и даже, в некотором смысле, Вы будете работать на его же благо.

- Что Вы от меня хотите?
- Я хочу, чтобы Вы пробрались в Дигнидад.
- Куда, куда?.. В колонию немцев в Чили? – изумился молодой человек.
- Да, именно туда. Кстати, в тамошних местных архивах хранится подлинник нашего договора с моим приятелем. Ну что, Вы согласны?

Глава 1

Бросив водителю девятки: «Подожди меня здесь в тенечке!», заместитель директора сыскного агентства «Кристи и Пуаро» Небольсин Константин Алексеевич вышел из машины и зашагал к своему одетому в рабочую спецовку подчиненному, который исполнял по одному делу обязанности филера.

Филер сидел на скамейке у подъезда многоэтажного дома и с беззаботным видом оглядывался по сторонам. Вокруг страсти уже улеглись, царили тишь да благодать. Только постоянно снующие здесь старушки-пенсионерки еще собирались кучками и обсуждали события сегодняшнего утра.

Трудно, почти невозможно было себе представить, что жизнь филера и его напарника какой-нибудь час – полтора назад висела на волоске. Такой уж незыблемой и спокойной казалась тишина этого недавно ставшего спутником Москвы провинциального российского городишка, готовая в любую минуту разорваться треском автоматных очередей и взрывом гранат. А ведь еще совсем недавно в сонной атмосфере этого третьеразрядного населенного пункта Московской области огонь открывали только милиционеры, да и то в воздух, предпочитая лучше упустить преступника, чем потом оправдываться перед командованием, партийными и политическими органами своих районных отделов и писать объяснительные записки прокурорам.

«Да, изменилась наша жизнь, размышлял сидя на скамейке старший наряда негласного наблюдения агентства «Кристи и Пуаро» Иван Пашин. Он, в прошлом кадровый офицер вооруженных сил бывшего СССР, а затем России, уволившись из армии и, закончив курсы сыскного дела, работал в фирме уже три года и ни разу не припоминал такой крутой разборки. – Теперь убийство или другое насилие не редкость: гибнут и деловые бизнесмены, и преуспевающие коммерсанты, и разного рода «братва», а случается и простые трудяги – работяги, случайно оказавшиеся в ненужном месте в неподходящее время. Вот и сегодня непонятно, кому понадобился этот налет на квартиру пенсионера – старика, которому на вид лет восемьдесят, а то и больше».

Небольсин подошел к Ивану и поздоровался.

– Ну, Ваня, шеф прислал меня к тебе разобраться на месте во всем, что здесь произошло. Поэтому давай рассказывай по порядку с самого начала. Я твоего рабочего задания по этому делу не видел, так что начинай с него.

– Понял, Константин Алексеевич.

История эта началась четыре дня назад, как раз в понедельник. К нам в офис пришел клиент и предложил работу. Оказалось, он на своем БМВ поехал в воскресенье вечером в гости к своим друзьям.

Выпивать спиртное не хотел, но хозяева настояли на одной – двух рюмках коньяка. Хотя он считал себя абсолютно трезвым, все же закон читил и в таком виде за руль, естественно, садиться не захотел. Закрыл машину, поставил на сигнализацию, и, оставив брелок от нее своим друзьям на тот случай, если она ночью вдруг завоет, словил такси и уехал домой. На следующее утро, то есть в понедельник, он поехал за машиной, но той и след простыл. Друзья были сами удивлены, так как сигнализация не сработала, а соседи ничего не видели.

Наш клиент от своих друзей позвонил в милицию, оттуда приехали гаишники, сняли показания, сфотографировали и обмеряли место угона и уехали, заверив при этом, что в связи с отсутствием страховки, поиски машины могут затянуться надолго.

Тогда друзья клиента посоветовали обратиться в наше агентство.

Там мой начальник группы оформил заказ, я получил аванс и необходимые сведения об автомобиле, взял напарника, Володю Игнатьева, и начали поиски. Долго на этом эпизоде останавливаться не буду, но уже к ночи с понедельника на вторник мы вычислили тех ребят,

которые по всем показаниям угнали БМВ нашего клиента. Это были трое студентов радиотехнического факультета одного из московских ВУЗов.

Однако машины при них не было, наводок у нас пока тоже никаких и мы решили немного за ними понаблюдать и таким образом, если нам повезет, выйти на след угнанного БМВ. Вечером во вторник нас сменили «ночники», которые на следующее утро, передавая нам поднадзорных, сообщили, что в квартиру на четвертом этаже, где обитали студенты прибыло еще пять человек с двумя большими сумками, которыми обычно пользуются челноки. Вся компания вела себя культурно: никаких пьянок, девочек, даже громкой музыки не было слышно. Но, судя по теням на оконных шторах, они о чем—то спорили. Утром, хорошо отдохнув, мы приехали более подготовленными: на нас была униформа рабочих строительных специальностей, краски, кисти, стремянка, а сами мы изображали штукатуров – маляров и намеревались поработать в подъезде, где проживали наши поднадзорные.

Для легендирования своего присутствия в подъезде мы разложили свое имущество, для проформы прошлись грунтовкой и шпатлевкой по стенам и таким образом дошли до нужного нам этажа, приготовили аппаратуру, чтобы послушать, о чем будут разговаривать в квартире.

Мы расположились у окна на промежуточной лестничной площадке между третьим и четвертым этажами так, что одновременно наблюдали за входной дверью квартиры студентов, сквером перед домом, где мы сейчас с вами находимся, и прослушивали через аппаратуру жилище наших вероятных угонщиков.

С восьми до десяти утра было тихо: в квартире, по—видимому, спали или, во всяком случае, в комнате, имевшей общую стенку с лестничной площадкой, никого не было. Жильцы верхних этажей, следуя на работу большей частью пользовались лифтом, поэтому нас никто не тревожил. В это время мы решили, как говорят военные, осмотреться на местности, то есть изучить подходы к подъезду и дому, узнать, кто проживает в соседних квартирах.

В целом, чтобы сократить свой рассказ, скажу, что условия позволяли вести наблюдение за подозреваемыми и, в случае чего, блокировать их в квартире или нашими машинами на улице.

Но больше всего наше внимание привлек один эпизод. Приблизительно немногим после восьми у дома остановился старенький «Москвич-412», из которого с пассажирского места вылез маленький, сухонький, скромно, но со вкусом одетый старичок. В руках он держал небольшой дорожный саквояж. Следом появился водитель, молодой человек лет двадцати пяти, высокого роста и крепкого телосложения. Одет он был более чем скромно: старые джинсовые брюки и куртка, под которой виднелась застиранная футболка.

Парень достал из багажного отсека автомобиля две коробки из-под маленьких импортных телевизоров и один кожаный чемодан, что-то почтительно сказал старику, а тот в ответ указал на скамейку у подъезда, видимо, куда поставить коробки.

Молодой человек казался внуком, которому сердобольные родители поручили ухаживать за ветхим престарелым, но непоседливым и шустрым дедушкой. Казалось парню вполне по душе подобная миссия. Он старался проявлять внимание и предупредительность и ничем не огорчать своего любимого деда. Но, когда одна из коробок из-за неустойчивого положения на узкой скамейке упала на асфальт и раскрылась, старик схватил свою клюку с набалдашником в виде головы рычащего тигра и прижал ею «внука» к спинке скамейки так, что тот, не смотря на свое явное физическое превосходство, никак не мог подняться. Да, видно, и не особенно хотел, потому что лицо его стало вмиг бледным и выражало неподдельный страх.

Старик нагнулся к парню и, хотя их разговор не был слышен, по жестике старческих губ можно было догадаться, что «дедушка», как змея, шептал в лицо «внука» наставления. Затем, отпустив бедного парня, жестом приказал посмотреть, все ли в порядке в коробке.

Мы были поражены. То, что находилось в коробке, никак не связывалось с внешним видом этой парочки, их автомобилем и жилищем старика (то, что старик живет один в квар-

тире под нашими студентами, не имеет родственников и ни с кем не дружит, мы узнали еще в предыдущий день у старушек, которых в этом дворе превеликое множество).

Из коробки появились три персональные портативные компьютеры, маленький принтер, планшетный сканер, несколько коробочек с дискетами и еще много всяческой миниатюрной радиоэлектронной аппаратуры. Мы прикинули, что содержимое этой коробки потянет на восемь – десять тысяч баксов.

Упаковав все обратно, юноша схватил коробки, старик чемодан, и они направились домой. Мы, естественно, сразу же стали имитировать работу, озвучивая ранее заготовленные роли рабочих маляров, к тому же послышался перестук спускавшихся откуда-то сверху женских каблучков.

Хотя лифт был в исправности, парочка, как ни странно поднялась пешком. Поздоровавшись с поднимавшимся стариком, девушка пробежала мимо нас, не удостоив нас ни малейшего внимания. «Дедушка», поднявшись на свою площадку, как-то странно на нас посмотрел и хрипловатым голосом произнес:

– Наконец-то РЭУ нашло время и деньги для ремонта нашего подъезда, а то живем здесь как в катакомбах или при царе Горохе, – и стал возиться со своей дверью.

Здесь нас тоже ждало удивление. «Дедуля» вынул из кармана пластиковую карточку, приложил ее к определенному месту на своей рваной драпировке двери; в ней что-то щелкнуло. Старик произвел еще какие-то манипуляции, и дверь открылась.

Все это время парочка старалась загородить нас своими телами от входной двери квартиры, но наша камера по чистой случайности была направлена на них. А после того, как они скрылись в квартире, мы просмотрели запись и перемотали обратно пленку. Но я, во всяком случае, помню все манипуляции старика.

Как только эта странная парочка скрылась у себя в дома, заработало наше прослушивающее устройство и мы, забыв о соседях снизу, вплотную занялись студентами.

Глава 2

...Самолет сделал несложный маневр и яркое майское солнце стало светить в иллюминаторы его правого борта, тем самым разбудив многих пассажиров этого обычного пассажирского рейса в одну из столиц, как теперь у нас принято называть, стран ближнего зарубежья.

Приятный голос бортпроводницы на русском и английском языках предупредил о наступившем времени обеда. Через несколько минут симпатичные стюардессы и стюарды с профессиональной вежливой улыбкой раздавали подносы с пищей всем желающим. И хотя лайнер оторвался от взлетной полосы каких-то час с лишним тому назад, большая часть пассажиров сразу же после взлета комфортабельно устроилась отдыхать.

Сергея Михайлова это нисколько не удивило, а его сосед, типичный южанин, дал этому факту вполне приемлемое объяснение, при этом несколько коверкая русские слова, что, впрочем, нисколько не портило колоритность его рассказа:

– Все мы здесь родственники: дяди, тети, племянники и племянницы, в общем, седьмая вода на киселе, как сказали бы русские. – Южанин потянулся в своем кресле. – Свадьба у нас была в Москве. Целую неделю гудели, днем и ночью. Сейчас домой едем.

– Неужели все пассажиры этого рейса родственники? – удивился Сергей.

– Все, все, за исключением, конечно, некоторых. Вот тебя, например, уже чисто по-русски, без южного акцента добавил сосед.

Взглянув на несколько смущенного Сергея, словоохотливый южанин добавил:

– Вы извините, что я на “ты”. У нас на “Вы” обращаются только к верховной власти или верхушке интеллигенции. А остальные у нас или соседи, или родственники, или знакомые. А вы к нам как, в гости или по делам? – поинтересовался незнакомец.

– В командировку, – не вдаваясь в подробности, ответил Сергей.

“Да, жизнь! – подумал Михайлов, – а мне в департаменте ближнего зарубежья МИДа говорили, что народ в этой республике живет бедно и цивилизации никакой: вот уже почти три года нет света, тепла и газа. А посмотри-ка? только на самолет каждый из пассажиров в оба конца больше лимона потратил, да и на подарки, наверняка, не меньше. Недаром директор департамента МИД предупреждал, что эта нация еще в советское время жила при коммунизме”.

После обеда пассажиры салона эконом-класса и сосед опять заснули, а Сергей смотрел в иллюминатор и восхищался прекрасным видом гор и долин, медленно проплывающих под крылом самолета.

Через час стюардесса объявила о заходе самолета на посадку. Еще через двадцать минут пассажирский лайнер мягко коснулся посадочной полосы столичного аэропорта и подкатил на стоянку прямо напротив центрального аэровокзала.

– А это что такое? – сам себя вслух спросил Михайлов.

Как только к самолету подали трап, вокруг самолета образовалось живое кольцо человек в сто пятьдесят – двести мужчин. У большинства были неприятные, заросшие многодневной щетиной лица, неопрятный внешний вид. Присутствующие здесь же сотрудники милиции и пограничной службы (их можно было сразу узнать по старой блестящей в буквальном смысле слова форме еще времен Советского Союза) никакого внимания на толпу не обращали.

Сосед Михайлова уже стоя в проходе пассажирского салона и натягивая на себя легкую ветровку наклонился к иллюминатору и пояснил:

– Это нас и вас встречают. Не удивляйтесь – у нас в республике совсем работы нет. Вот и приходится людям, у кого есть служебные или личные машины заниматься частным извозом. Вы их не бойтесь, это мирные люди. Да, кстати, как вы будете добираться до города? Если вам нужна машина, то когда выберите шофера, то при этом запрошенную им плату сразу же делите

пополам – практически, получится нормальная такса за проезд. Он, кстати, поможет вам вещи получить, донести до машины и занести в дом или номер гостиницы. Деньги отдавайте только после выполнения работы. Лучше оплачивайте услуги шофера русскими рублями: наши национальные купоны не ценятся, а зеленые рубли, то есть доллары, если они у вас есть, могут вызвать к вам излишний интерес.

– Нет, машина мне не нужна. Меня должны встречать. – Сергей пристально вглядывался в толпу, окружившую самолет, и пытался выделить среди нее своих встречающих.

При выходе на трап пограничник лишь бросил беглый взгляд на обложку дипломатического паспорта Михайлова. Зато стоящие вокруг трапа люди, видимо, “хорошо знающие” международное право и основы дипломатической службы, наперебой стали предлагать Сергею свои услуги, на подобие “Если тебя не встречают, я отвезу, у меня машина шикарная”, “Возьми меня, ты мне сразу понравился, с тебя мало возьму, будешь доволен”, “Друг, поедем со мной, быстро довезу, куда скажешь”. Сергей вежливо парировал предложения и продвигался к грузовому люку самолета, из которого служащие аэропорта уже вытаскивали багаж и складывали в кучу прямо на самолетной стоянке. Пассажиры московского рейса подходили к куче чемоданов, сумок, свертков и коробок, беспцеремонно разбрасывая их в поисках своих вещей, предъявляли полупьяному работнику аэровокзала (ничем не отличавшемуся от окружающих) багажные ярлычки и забирали свою поклажу. Тут же на них налетали стоявшие в стороне подростки и предлагали свои услуги в качестве носильщиков.

Сергей быстро отыскал свои две сумки и было направился к сектору прилета, как его окликнули по фамилии. Михайлов обернулся и увидел продвигавшегося сквозь гудевшую толпу мужчину с высоко поднятой рукой. Внешний вид этого человека резко контрастировал с окружающими: лицо славянского типа, пепельного цвета волосы, серый костюм, светлая сорочка, строгий темный галстук.

“Свои”, – подумал Сергей. Ему в действительности не хотелось добираться до Посольства на частной машине в незнакомом городе, да еще кишевшем криминальными элементами и беженцами.

– Васильченко Сергей Валентинович, – представился незнакомец, – помощник Посла по вопросам безопасности, специально прислан для Вашей встречи.

– Михайлов Сергей Альбертович, с этой минуты, действительно, третий секретарь Посольства, – отрекомендовался Сергей.

– Почему “действительно” третий секретарь?

– Меня еще в МГИМО учили: при убытии в командировку во время взлета самолета ты уже НИКТО, в полете – ты еще НИКТО, а в аэропорту пункта назначения – ты в действительности уже НЕКТО!

– Вообще то, правильно! – усмехнулся Васильченко. – Прошу к машине!

Они вдвоем отнесли вещи к стоявшей тут же неподалеку голубой “шестерке” с дипломатическими номерами.

Через десять минут по дороге из аэропорта к городу Васильченко коротко рассказывал о стране и столице, об обстановке в ней, о Посольстве и его обитателях.

Глава 3

– Разговор наших подопечных привожу почти дословно, – продолжал свое повествование заместителю начальника сыскного агентства Иван Пашин.

Говорили всего трое. Слышны были и голоса остальных, но не по сути разговора. Кроме того, был слышен лязг каких-то металлических конструкций и механизмов, и я даже предположил, что это какие-то системы оружия. Впрочем, как показали дальнейшие события, я оказался прав.

Первый. Все, мужики, время пошло! Назад дороги нет! Проверяем часы!

Второй. Не проверяем, а сверяем. И помолчи: операция начнется только после звонка шефу.

Третий. Ну так звони! А то здесь сидеть уже терпения нет. Кроме того сессия на носу.

Первый. Ты посмотри, он еще за свою успеваемость волнуется. Какая тебе разница, Палыч? Получишь, что тебе причитается и кати себе в Европу или Штаты, там доучишься и получишь нормальное образование.

Палыч. Сколько раз тебе говорил: все западники признают – лучше нашей высшей школы и немецкой нет. И на Запад лучше всего ехать с головой, в смысле со знаниями, и с деньгами. В такой упаковке ты там будешь нарасхват. В противном случае, ты и здесь никому не нужен.

Первый. Я с тобой согласен. Вот только мне науки тяжело даются.

Палыч. Хватит прибедняться, не пожалеем. Или комплементы очередные услышать от нас хочешь? Все знают, что в радиотехнике, компьютерах и вообще в технике тебе нет равных даже среди профессорско-преподавательского состава нашего ВУЗа.

Первый. Да, но если бы не существовала еще куча предметов, которые мне совсем не нравятся. То ли дело на Западе – посещаешь только те дисциплины, которые тебе будут нужны в будущем!

Второй. Потихе, балаболки! Лучше проверьте еще раз амуницию и обстановку во дворе. Возможно с «Доктором» прибыл еще кто-нибудь для прикрытия.

Послышались шаги. По-видимому, говорившие направились в разные комнаты, а их главная штабная комната соседствовала через стенку с лестничной площадкой, на которой находились мы. Поэтому в других комнатах мы ничего не слышали.

Второй стал набирать номер по мобильному телефону. Звук набора цифр слышен был отчетливо, поэтому, когда вернемся на фирму, будет возможно восстановить телефонный номер.

Второй. Юрий Николаевич, у нас все в порядке. Готовность операции – двадцать четыре часа. Соизвольте дать свое благословение... Так... Отсчет начать с десяти часов утра. Вас понял, выполняю... Техника в порядке, ждет в условленном месте... Здесь только три подкидки, перекладные стоят в подобранном мною месте... БМВ и две «пятерки»... Кроме водителей никто не знает... После операции следуем по своим конурам и носа не высовываем... Все... Да не волнуйтесь, Юрий Николаевич, уже через полчаса первые результаты операции будут у вас или в обусловленном месте. Спасибо... К черту!

– Палыч, – позвал напарника Второй, – как у нас с продуктами?

Палыч. Все запасено и приготовлено, как и договаривались.

Второй. Смотри. Время «Ч» – десять часов завтрашнего утра. Никто ни шагу за порог квартиры. Если чего-то нет – курева там или еды – будем перебиваться. И ребят предупреди – телевизор включать на самую маленькую громкость.

Первый. Командир! Все проверил. Техника в порядке и готова к применению. Дух у ребят боевой. Рвутся в дело, а то с прошлой вылазки засиделись.

В т о р о й. А для нас главное редко, но метко. Да, вот еще. Шеф передал всем привет и пожелал ни пуха, ни пера.

П е р в ы й и П а л ы ч хором. К черту! И в квартире воцарилась тишина.

Но самое главное, место и время операции мы уже знали. Быстро собрали свои вещи и не спеша удалились.

Сначала мы предполагали, что это будет их очередная операция по угону автомобиля. Настораживало то обстоятельство, что, во-первых, они собирались бросить машины, которые стояли во дворе и вроде бы предназначались к угону, в другом, подобранном их командиром, месте. Во-вторых, время операции было назначено на светлое время суток. Это говорит о том, что-либо они до такой степени наглые и все им сходит с рук, либо уверены в успехе своего дела. Поразмыслив с напарником мы пришли к выводу, что это должен быть не угон, а какое-то другое мероприятие. В-третьих, Володя заметил, что разговаривать в квартире и звонить своему шефу они начали после приезда «дедушки» и «внука». Но это казалось нелепым – совершать налет на квартиру старика – пенсионера, что мы только рассмеялись.

...День и ночь прошли спокойно. Наши подопечные, как и наместили, носу не казали из своего жилища. Сосед снизу со своим «внуком» вышли в магазин, а домой с покупками вернулся только старик. «Внучок» его весь день с перерывом на обед просидел в сквере напротив дома, читая книжку. Обедал он, кстати, не у «дедушки», а в кафе на противоположной стороне улицы, а вместо него на время обеда скамейку заняла парочка, видимо «племянник» и «племянница» старика. «Племяннице» мы не удивились, так как это была та самая девушка, которая вчера утром спускалась пешком по лестнице. Так что, если бы появились и другие ближние и дальние «родственники» «деда», мы бы уже не удивились.

Хочу обратить ваше внимание на то, что службу эта троица несла грамотно: вели непрерывное наблюдение за квартирой и машиной старика, прикрывали его, когда он выходил или входил в дом, своевременно и правильно реагировали на изменявшуюся обстановку, особенно на появление патрульных милицейских машин и нарядов, людей в форме, группы молодых людей, пьяниц, которые появились уже с утра.

К следующему утру мы подготовились более основательно: загодя ночью установили камеры скрытного наблюдения на деревьях и в подъезде, «жучки» на скамейке, где обычно сидели телохранители старика, расставили свои машины так, чтобы, если что начнется, заблокировать выход подозреваемых или не упустить их, вовремя сесть на «хвост» и сопровождать до пересадки, возможно, в БМВ нашего клиента.

...В девять с четвертью старик вышел из дома и тут же мы услышали команду Второго студента, по-видимому, старшего всей этой компании: «Всем внимание! Готовность номер один!» и больше ничего не смогли услышать – в комнате громко заиграла современная молодежная музыка. Это был тяжелый рок.

На улице к старику подошел сначала «внук», потом «племянник» и, видимо, получили какие-то указания. «Внучок» подошел к «Москвичу», осмотрел двигатель, днище и ходовую часть, завел машину и почтительно открыл водительскую дверь. Старик сел за руль машины и выехал со двора. Из стоявшей рядом «шестерки» «племянник» вынул две спортивные сумки и одну из них отдал «внуку».

Еще раз осмотревшись «родственники» – телохранители разошлись по двору и расселись по скамейкам.

Глава 4

... Здание Посольства произвело на Сергея слегка подавленное впечатление.

Во-первых, вокруг посольского здания, если точнее сказать, здания, где размещались четыре посольства, включая российское, в качестве охраны бродили какие-то люди, очень похожие на тех, кого Сергей встретил у трапа самолета. Все они были одеты, кто во что горазд, носили черные вязаные спортивные шапочки, были вооружены автоматами, и поэтому складывалось впечатление, что здание захватили террористы, которых в последнее время стали довольно часто показывать по телевидению.

Во-вторых, во дворе этого здания на площадке для посольских автомобилей, которых было не мало, у кучи мусора бегали дети из близлежащих домов, стояли какие-то многотоннажные фуры с транзитными номерами. К тому же крик и визг детворы заглушала работающая на полную мощность дизельная электростанция одного из посольств.

В целом, наличие в этом здании каких-либо дипломатических учреждений свидетельствовали лишь свисающие из окон разных этажей государственные флаги России, Украины, Турции и Израиля.

С российским Послом, Владимиром Васильевичем Трубецким, Михайлов познакомился еще на Смоленской площади, когда Трубецкой (первый Посол России в этой республике) набирал себе штат Посольства.

Тогда Сергей только что вернулся из командировки из одной арабской страны Аравийского полуострова, где проявил свои способности на дипломатическом поприще во время войны между “восточным” и “западным” правительствами, за что был повышен в дипломатическом ранге и стал третьим секретарем.

Попивая чаек на Смоленке Владимир Васильевич рассказывал о предстоящей работе, не скрывал, что будет очень трудно и в житейском смысле, и в профессиональном. Умело направляемая чьей-то невидимой рукой антироссийская деятельность на территории бывшего СССР сильно подорвала российские позиции в регионе, и все возникшие в этих условиях конфликты и разногласия, порою даже вооруженное противостояние, необходимо было в срочном порядке урегулировать дипломатическим путем.

Трубецкой также пообещал, что Сергея при такой же по качеству и результативности работе, как в Аравийской пустыне, ждет повышение в должности и ранге и прямая ротация в одну из трех выбранных Михайловым в конце предстоящей командировки стран.

Сергей знал по рассказам сослуживцев Трубецкого в других Посольствах, что Владимир Васильевич свои слова на ветер не бросает и обещания выполняет свято. Поэтому к нему с большим удовольствием ехали работать как молодые дипломаты, так и однокашники Трубецкого по МГИМО.

Встречая в этот день Михайлова Трубецкой был немногословен (все уже было сказано в Москве), поздравил с прибытием, поинтересовался по селекторной связи у завхоза и бухгалтера, где намечено разместить вновь прибывшего дипломата. Присутствовавшему тут же Васильченко дал указание закрепить за Сергеем служебную машину. На прощание пожелал побыстрее вникать в новые обязанности и успехов в работе.

Остаток дня Михайлов провел в хозяйственных хлопотах. Васильченко отвез его на квартиру, где ему предстояло жить во время этой командировки.

По обстановке в квартире можно было представить, как жили ее хозяева в советское время. В каждой комнате этой довольно просторной двухкомнатной квартиры (даже на кухне) висели хрустальные люстры. Деревянная резная мебель ручной работы в стиле барокко, паркетные с замысловатым национальным орнаментом натертые восковой мастикой полы, просторные лоджии, выходящие одна на набережную, другая – в тихий тенистый двор.

Большая комната была уставлена шкафами с книгами, по которым можно было судить о пристрастиях хозяев квартиры в прошлые времена. На стеллажах стояли книги по градостроительному искусству и архитектуре начиная со средних веков и до наших дней на местном, русском, английском, итальянском, испанском, немецком и даже арабском языках.

Самыми экзотическими в комнате были две керосиновые лампы явно изделия мастеров прошлого столетия в виде японских гейш с хрустальными абажурами.

Увидев заинтересованность Сергея хозяйка, интеллигентная, вся в черных одеждах лет шестидесяти, но хорошо сохранившаяся женщина, спросила:

– Наверное, молодой человек знает иностранные языки? Здесь у него будет много времени попрактиковаться в лингвистике и филологии.

– Дипломату просто необходимо знать иностранные языки. Это его орудие труда. В институте я изучал арабский и английский, в первой командировке освоил испанский и итальянский, в Москве прошел начальный курс немецкого языка. – Ответил Михайлов. – Хочу в каждой командировке учить по одному – два языка. Вот и сейчас попробую осилить до конца немецкий и ваш язык.

– О, зачем вам нужен наш язык, он очень сложный, – вздохнула хозяйка, хотя всем видом хотела показать, что ей приятно слышать слова Сергея. – Да и всякий раз с людьми можно объясниться на русском, кроме тех, конечно, кто живет высоко в горах. Но и мы с ними не всегда понимаем друг друга.

Выйдя на лестничную площадку за своими сумками Сергей спросил Васильева:

– У этой женщины, наверное, какое-то горе, она вся в трауре? Да, кстати, как ее зовут?

– Зовут ее Светлана Яковлевна. А по поводу одежды – нет, это не траур, это одна из национальных особенностей народа, в частности, его прекрасной половины. Здесь ты сможешь увидеть и молодых красивых девушек в черном. Просто черный цвет очень почитаем среди женского населения. Хотя, правды ради, надо сказать, в последнее время, действительно, стало очень много вдов. Ничего не поделаешь – война, криминальные разборки, беспредел. Но жизнь потихоньку налаживается. Я, конечно, более лучших времен не застану – в скором времени отчаливаю отсюда в связи с окончанием срока командировки, а ты сам сможешь в скором времени убедиться!

Когда они вдвоем занесли поклажу Сергея и полученные у посольского завхоза японский керосиновый обогреватель и канистру с керосином, в большой комнате был накрыт скромный стол. На обеденном столе стояло несколько тарелок с национальными блюдами, пахучий продолговатый хлеб, а посередине возвышался графин с домашним вином.

Сергей сразу же отметил, что стол сервирован только на двоих. Васильченко угадал немой вопрос Михайлова:

– Здесь не принято, чтобы женщина сидела за одним столом с мужчинами.

После застолья Васильченко еще некоторое время побыл с Сергеем, пока хозяйка вымыла посуду и затем они уехали в Посольство подписывать договор найма жилья, а Михайлов решил пораньше лечь, так как на улице уже темнело, а электричество городские власти еще не дали.

А на завтра Сергею Михайлову предстоял первый рабочий день на новом месте, день, который стал началом крутого перелома в его карьере и дальнейшей судьбе.

Глава 5

...Наши нервы были взвинчены до предела, так как подошло указанное время начала операции студентов. Наверное, по счастливой случайности или по воле Проведения и Всевышнего во дворе кроме нас, красящих невдалеке от дома мусорные контейнеры, телохранителей и пару – тройку старушек на скамейках у подъездов, никого не было.

Вдруг, в начале одиннадцатого, один из динамиков запиликал. Мы с Володей переглянулись, ничего не понимая – устройства с подобными функциями у нас не было. Но по действиям «внука» догадались, что маячок сработал у него, наш «жучок» лишь ретранслировал сигнал. Парень, это было видно издали, тоже находился в недоумении. Перекинувшись взглядом с «племянником», схватил сумку и скорым шагом направился к подъезду, где проживал его «дед». «Племянник» в это время достал радиостанцию и что-то в нее проговорил. Откуда ни возьмись во дворе оказалось еще четыре парня и знакомая нам девушка со спортивными сумками и скорым шагом направилась к дому.

В это время заработал второй динамик и паническим голосом Палыча сквозь ритмы рока прокричал: «Алеко! Иди сюда, быстро!»

Алеко, он же по голосу Второй, прокричал: «Что там еще? Мы уже на месте и ребята начали работу!»

П а л ы ч. Смотри! Должно быть это по нашу душу!

А л е к о. Милиция? ФСБ? Не похоже. Не могли они выйти нас за столь короткое время!

П а л ы ч срывающимся голосом. Они, наверное, идут сюда!

А л е к о. Не знаю... Но сейчас узнаем. Давай общий вызов всем!

П а л ы ч. А если это не то, если ты ошибаешься?

А л е к о. Выполняй без слов и без паники. Разберемся! Я сейчас выгляну в окно, а ты следи за их действиями. Если их реакция на мои действия будет не адекватной этой мирной идиллии во дворе, начинаем операцию отхода и прикрытия. Но все равно нам нужно еще минут пять – десять, а то вся наша работа пойдет насмарку и Юрия Николаевича подведем!

П а л ы ч. Понял, командир, выполняю!

А л е к о. Будь внимателен! У нас на ответную реакцию только секунды.

Мы подошли к мусорным кузовам, чтобы видно было окна студентов, где обещал показаться Алеко. Но там не шелохнулась ни одна штора.

Зато этажом ниже в квартире старика распахнулась занавеска и показался молодой человек.

Реакция «внуков», «племянников» и других «родственников» была, как и предполагал Алеко, не адекватна и своеобразна. Увидев человека в окне квартиры их «дедушки», они на ходу вытащили из сумок короткоствольные немецкие автоматы с глушителями и короткими перебежками от укрытия к укрытию стали приближаться к дому. Самый главный «внук» уже вбежал в подъезд.

Реакция студентов тоже была своеобразна и не адекватна, и, по-видимому, очень удивила «родственников»: распахнулись окна верхней квартиры и показались студенты – в их руках тоже были не ручки с конспектами.

... Первый залп студентов получился удивительно стройным, хотя в их руках было оружие различных систем и типов. Сразу же в разных местах двора взметнулись столбики песка и пыли, завывли сирены припаркованных автомобилей. Явно боевой подготовке учащиеся ВУЗов внимания не уделяли вовсе, а оружие держали больше для поднятия духа и морального воздействия на потенциального противника.

«Родственники» были подготовлены куда лучше. Их выстрелов не было слышно, но по крикам и звону разбитого стекла можно было предположить, что очереди их автоматов более – менее достигают цели.

«Ай-й-й!» – раздался сдавленный крик Палыча в динамике и тут же стих. По—видимому в Палыча попали, но ранен он или убит было не известно – в динамиках ни звука.

Одна очередь студентов прошла «ракушку», находившуюся в трех метрах от нас и в ней заработала автомобильная сигнализация. Мы с напарником, видя такой расклад дел, бросились на асфальт и отползли за гараж и до конца боя не поднимали головы, надеясь, что видеокамеры зафиксируют все моменты этой перестрелки. Лежа на спине Володя набрал номер милиции и сообщил дежурному о проходящем бое. Принимавший вызов милиционер, записав адрес, где проходило сражение, начал было спрашивать анкетные данные, но мы его культурно послали подальше и предложили через мобильный телефон послышать «музыку» автоматных очередей, к которым прибавился «бас» взрыва ручной гранаты.

Бой был скоротечным и длился всего минут десять, но результаты его оказались страшными.

Когда все стихло, мы не поднимались до тех пор, пока с воем сирен с разных сторон во двор не въехали несколько милицейских машин. Хотя их реакция была довольно таки медленной (с момента нашего вызова группа реагирования ФСБ и спецназ УВД прибыли через двадцать пять минут) на месте происшествия они действовали оперативно и умело. Но толку от этого было мало.

Милиция протянула между деревьями палисадника и детской площадкой желтую ленту ограждения и, когда мы, немного почистившись, подошли к «району боевых действий», успели лишь заметить две машины скорой помощи, в которые грузили раненых. Убитые же в этой перестрелке лежали во дворе. По всей видимости, это были наши студенты, так как на земле не было видно никого из «родственников»: если и были среди них «безвозвратные» потери, то они успели до приезда милиции собрать и увезти своих раненых и убитых.

У самой стены лежали три трупа, по-видимому, выброшенные из окон четвертого этажа. Там же на подоконнике лежал еще один убитый, державший мертвой, в прямом и переносном смысле, хваткой охотничий карабин.

«Шестерка» «племянника», припаркованная напротив подъезда, выполняла роль прикрытия. Она была похожа на сито. Кроме того, услышанный нами взрыв гранаты явно предназначался укрывшимся за ней людям. Взрыв гранаты произошел как раз над капотом машины, выбив взрывной волной стекла не только автомобиля, но и расположенных вблизи квартир. Как себя чувствовали нападавшие «родственники», остается только догадываться.

Мы еще немного постояли, но когда прибывшие оперативники ФСБ начали опрос свидетелей, мы, сославшись на то, что ничего не видели, поспешили ретироваться.

Вот, в принципе, и все! Более подробно об этом побоище можно будет узнать попозже вечером, когда здесь все стихнет и мы сможем снять камеры и дешифровать запись. Сейчас нашей машине нет никакой реальной возможности выехать не привлекая к себе внимания.

– Хорошо! – выслушав рассказ филера после недолгого молчания произнес Небольсин. – Не торопите события. Будьте предельно осторожны. Выезжайте в центральный офис только как стемнеет. Я с начальником и ребятами из технического отдела будем вас ждать, пока не появитесь, хоть до утра.

– Понятно! Я думаю, кино будет очень интересным и многое разъяснит, – оглядываясь произнес Иван. – К тому же есть потенциальная возможность послушать, что обнаружили фээсбэшники в квартире и, вообще, что они об этом деле думают.

– Да, история мне эта не нравится. На всякий случай я пришлю к вам на подмогу пару машин с ребятами. Но с ними общаться я запрещаю – конспирация прежде всего.

– Понял, не первый раз замужем. Грамотные.

Этими словами их встреча закончилась и Небольсин поспешил в контору на доклад к директору агентства.

Глава 6

Утром следующего дня Владимир Васильевич Трубецкой по старой традиции представил Сергея всему дипломатическому и техническому составу Посольства.

– Господин Михайлов будет отныне заниматься вопросами, то есть получает в свое ведение реферат, защиты интересов наших соотечественников, проживающих на территории республики, а в особенности, в преддверии праздника Победы, ветеранами Великой Отечественной войны, труда и вооруженных сил. Это не самый легкий участок работы, хотя в нашей с Вами сегодняшней деятельности трудно сказать, где легче, а где труднее. Сергей Альбертович будет территориально располагаться в консульском отделе и в порядке внутреннего расписания подчиняется заведующему консульским отделом господину Степашину Александру Александровичу, а за работу по реферату буду спрашивать с него я и советник—посланник Артузов Виктор Михайлович. Всему дипломатическому и техническому составу прошу оказывать господину Михайлову любую помощь в части, его касающейся. Да, чуть не забыл, Сергей Валентинович, – обратился Трубецкой к своему помощнику по вопросам безопасности, – включите в список на поездку в Турцию и нового дипломата, пусть присмотрится к нашим соседям.

На этом утреннее совещание закончилось и Сергей приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Дел накопилось очень много. В первую очередь необходимо было разобраться с награждением ветеранов к 50-летию Победы. Родное правительство нисколько не волновала судьба этих людей, брошенных здесь на произвол судьбы. В противоположность российским верхам Трубецкой экономил небольшие денежные средства на различного рода приемах и банкетах и раздавал их частями особо нуждающимся нашим согражданам.

Прослышав о такой гуманной деятельности Посла России в дипломатическое представительство хлынула масса обездоленных людей. Тогда Трубецкой принял решение о выделении материальной помощи только российским гражданам. И хотя число посетителей в одночасье схлынуло, желающих попасть на прием, приобрести российское гражданство и получить хоть какие-либо деньги было еще много.

Вот и сейчас у входа в здание у фонтана стояла толпа людей. Среди них сразу же можно было определить категории посетителей: те, кто постарше возрастом и победнее одет – в наше Посольство, кто одет попримличнее или даже по нынешним временам богато – тот в израильское или турецкое.

Степашин перед началом приема граждан зашел к Михайлова в кабинет и сразу же предупредил:

– Сергей Альбертович, извини, что я буду на “ты”, но хочу предупредить и дать добрый совет. С просьбами и нуждами наших граждан, я имею ввиду стариков – пенсионеров, будешь работать только ты. Изредка тебе будут давать кого-либо в помощь, но в основном полагайся на себя. Твой контингент – очень бедные, всеми брошенные, забытые и обиженные люди, и прежде всего это ветераны. Со всеми добр не будешь. Их очень жалко, но у тебя на приеме в день будет до пятидесяти человек. Обязательно выслушай их, если есть, чем помочь в Посольстве – смело обещай – это как-то их поддержит. Если нет – сразу не разочаровывай и не огорчай, не убивай последнюю надежду – расскажи о возможности помочь в какой-то неопределенной перспективе. И еще! Ни в коем случае не предлагай чай или кофе. Эти люди часто бывают голодны – пенсии ветерана в этой республике хватает на двенадцать буханок хлеба. И только, чтобы хотя бы раз в день немного перекусить, они будут приходить в Посольство чуть ли не ежедневно. И мы превратимся на подобие благотворительной харчевни по раздаче бесплатной пищи. А за ними в очереди может быть стоят действительно нуждающиеся люди. Но ты учти, это всего лишь совет – работать тебе. Удачи! – и вышел из кабинета.

– Спасибо! Она мне понадобится, – бросил в вдогонку Сергей.

Так потекли будни работы, в которых было много места горю, слез, тревоги, но было пусть и немного человеческой радости.

В канун Дня Победы, 8 мая, уже после приема граждан, когда Сергей заносил анкеты посетителей в компьютерную базу данных, к нему в кабинет постучался охранник консульского отдела Саша:

– Сергей Альбертович, там пришел еще один ветеран. Я ему объяснил, чтобы приходил после праздника, но он говорит, что у него к Вам срочное дело. Примите его или попросить местную охрану выпроводить его?

– До конца рабочего дня еще есть минут двадцать. Я думаю, он не надолго. Пусть заходит, – ответил Сергей и стал собирать бумаги со стола.

Через пару минут в кабинет вежливо постучали, Саша приоткрыл дверь и впустил запоздавшего ветерана.

Перед Сергеем стоял посетитель в старом, но добротном, некогда (лет двадцать тому назад) модном сером плаще и темно-синей фетровой шляпе, затеняющей лицо. На правом боку шляпы красовались разноцветные перья альпийских жителей. Когда старик снял шляпу, расстегнул плащ и сел на предложенный стул, то перед молодым дипломатом предстал изможденный временем и жизненными испытаниями старик с пышной копной седых молочно-белых волос, с лицом, испещренным крупными и сетью мелких морщин, с наплывшими на глазные яблоки красными болезненными веками. Под плащом был виден черный костюм, на лацкане которого блестели орденские колодки. Сергей в детстве увлекался изучением русских и советских орденов и знаков отличий и поэтому сразу распознал среди прочих три ордена Боевого Красного Знамени, орден Ленина и два Красной Звезды.

“Заслуженный старик”, – подумал Михайлов и тут же представился:

– Михайлов Сергей Альбертович, третий секретарь Посольства, чем могу быть Вам полезен?

– Называйте меня Трофимовым Игорем Вячеславовичем, во всяком случае так записано в моем паспорте, – скрипучим старческим голосом ответил посетитель и положил на стол паспорт гражданина СССР.

– Вы так говорите, уважаемый Игорь Вячеславович, будто это не Ваши имя и фамилия. Или хотите меня с первого взгляда заинтриговать?

– Разве это интриги? Когда мы поближе познакомимся, тогда, может быть, Вы больше заинтересуетесь моей скромной персоной. Но сейчас я не хочу отнимать у Вас драгоценное время – завтра наш святой праздник, и у меня, и у Вас будет много хлопот. Поэтому сразу приступаю к делу. Я пришел к Вам от имени своих боевых друзей, которые, по сути дела, до сих пор не сложили оружия.

“Ну вот, принесло какого-то ненормального, теперь сиди и слушай”, – подумал Сергей, но не стал перебивать Трофимова.

Тот продолжал:

– Нас немного, всего семь человек, вместе с женами – двенадцать, с внуками и правнуками – тридцать три. Немного отвлекусь – заметьте, какие удачные числа. С Вашего позволения я продолжу. По моим расчетам я должен уложиться в пять – семь минут. Так вот, мы все хотели бы устроить праздник – домашнее застолье – в честь Дня Победы. И от Вас, именно от Вас, зависит, когда оно состоится.

– Честно говоря, я не понимаю, как от меня может зависеть Ваш праздник, – перебил собеседника Сергей, – присутствовать я не могу – 9 мая расписано у меня по минутам; выдать какую-либо материальную помощь я без решения Посла Трубецкого я в любом случае не смогу.

– Молодой человек, – дребезжащим от справедливого негодования сказал Трофимов, – Вы меня перебили не дослушав до конца. Нам не нужны, хотя это в нынешних условиях странно звучит, деньги. Все, что нам дают по местным законам, нам хватает. Мы бы хотели, чтобы Вы оформили нас, ветеранов, на получение медали или ордена Георгия Константиновича Жукова, нашего многоуважаемого полководца, и вручили бы их во время нашего застолья. А причитающиеся нам деньги, мы слышали, что наш любимый российский Посол Владимир Васильевич Трубецкой их немного выдает вместе с наградами, просим передать инвалидам войны, список которых я принес с собой.

– Конечно, раз такое дело, я сейчас же оформлю Ваши документы, но награды сможете получить только через месяц, когда их пришлют из Москвы.

– Очень хорошо! Тогда и вручите их 24 июня в очередную годовщину парада Победы. Получится прекрасный двойной праздник, – сказал Игорь Вячеславович, выкладывая на стол паспорта и удостоверения ветеранов войны. Отдельно он положил список, кому, по его задумке, должны были выдать деньги.

Михайлов быстро занес данные в анкеты, но, когда отдавал обратно паспорта, вспомнил, что в глаза ему где-то мельком бросилось неправильное их оформление. Сергей снова взял в руки паспорта и стал внимательно их перелистывать. “Нет, как будто все нормально”, – только подумал он, как увидел, что в паспорте своего собеседника отсутствуют отметки о принятии российского гражданства.

– Извините, Игорь Вячеславович, – обратился Михайлов к старику, – но у Вас нет штампа о гражданстве, поэтому лично вас я оформить не могу, не имею права. Вы же знаете наши порядки!

– Но я принимал гражданство, – взволнованным, но вместе с тем твердым голосом возразил Трофимов, – проверьте, пожалуйста, по своему компьютеру. Если не сегодня, то после праздника. При необходимости сделайте запрос в компетентные организации, и пусть они проверят меня по всем видам учета. Уверяю Вас, что это недоразумение сразу же уладится.

Сергей заверил, что во всех вопросах Трофимова разберется, еще раз проверил правильность написания адреса. На том и распрощались.

Глава 7

Три недели назад Матвеем Борисовичу Суздальскому исполнилось восемьдесят пять лет. Дата, вроде бы, и не круглая, но каждый год, отодвинувший приход Вечности, приравнивается к юбилею.

Однако во всем мире не было ни души, которая могла бы даже отдаленно или приблизительно вспомнить о юбиляре. Все, кого мало-мальски можно было назвать друзьями или знакомыми, отошли в мир иной, а родственников не было и нет. За всю свою нелегкую жизнь Матвей Борисович так и не удосужился завести семью и обзавестись детишками. Но это его не угнетало – за эти долгие годы он привык к одиночеству. Время от времени он приводил в дом женщин и у него были планы на дальнейшую с ними совместную жизнь, но все они куда-то бесследно исчезали – сказывалась работа. А когда прошли годы и Суздальский сам стал на вершине построенной им самим пирамиды власти, брак и семья стали уже не нужны.

То, что практически полвека жизни за Суздальского кто-то принимал решения, как и с кем ему жить, старика особо не волновало. Зато вот уже скоро будет двадцать лет, как он один стоит у штурвала одного из громадного политического, экономического и уголовного корабля, о котором практически никто никогда не слышал, но действия которого на своей шкуре ощутил почти каждый гражданин бывшего СССР и который и сегодня продолжает оказывать влияние на почти все внутрироссийские события.

Вернее сказать, до сих пор не слышал. Во всяком случае, так думал Матвей Борисович. Но как раз в день рождения он получил поздравительную телеграмму из одной бывшей союзной республики: «Дружок! Поздравляю тебя с восьмидесятипятилетием. Очень рад, что ты дожил до этого времени. Скоро увидимся. Я надеюсь, что в этот раз ты мне расскажешь все. Курт.»

Эта телеграмма насторожила юбиляра. Во-первых, никто не знал и не должен был знать о его личном празднике. В его теперешнем паспорте стоит другая дата рождения, как, впрочем, и имя и фамилия – так нужно было для дела. Истинная дата была указана только в двух документах: личном деле командира Рабоче-Крестьянской Красной армии, погибшего в финскую кампанию сорокового года, и оперативном деле офицера зондеркоманды батальона специального назначения абвера «Нахтигаль». Оба эти документа Матвей Борисович не скупясь на взятки, подкупы и подарки сумел заполучить себе и теперь хранил в надежном сейфе одного из крупных столичных банка.

Во-вторых, настораживал тон последнего предложения. Суздальский был высокообразованным человеком – кроме военного училища он имел за плечами Оксфорд и МГУ – и понимал, что богатство русского языка позволяет построить предложение с одним и тем же набором слов, но с совершенно противоположным смыслом. И посылавший поздравительную телеграмму человек знал об этом. Поставь он слово «все» на другое место, и предложение имело бы другой смысловой оттенок. А в данном случае от него исходила какая-то непонятная, а по тому опасная Суздальскому угроза.

В-третьих, пославший поздравления знал нынешние фамилию, имя и отчество Матвея Борисовича и адрес, где он проживает. Фамилию он сменил еще в 1942 году в школе немецкой военной разведки «Абверштелле-102» и ее знали только два человека: непосредственный руководитель капитан Литке и начальник школы подполковник Борст.

Ничего также не говорила и подпись на телеграмме. Суздальский знал много людей по имени Курт, но они были столь малозначительны, что он сейчас не мог себе даже представить, при каких условиях они встречались, и как они выглядят.

Вечером того же дня рассыльный одного из дорогих ресторанов Москвы привез Матвеем Борисовичу роскошный торт и цветы и в стихах поздравления с днем рождения. Старик веж-

ливо поблагодарил и поинтересовался, от кого столь щедрые подношения бедному пенсионеру. Посыльный ничего толком не сказал, сославшись на то, что в его обязанности входит только выполнение поручений хозяев ресторана. Парень оставил визитную карточку своего заведения общественного питания, попросил Суздальского расписаться в бланке заказа, и, немного помявшись у входной двери, видимо, рассчитывая на чаевые, и ничего не дождавшись, быстро покинул стариковскую квартиру.

После ухода рассыльного Матвей Борисович достал небольшую продолговатую коробочку, нажал какие-то две кнопки и подошел к окну.

В глубине двора стояли два молодых человека и о чем-то оживленно разговаривали, незаметно наблюдая за входной дверью. В это время из подъезда вышел парень – рассыльный, достал папку с бланками заказов, карту Москвы и, сверившись с ней, сел в свой служебный «рено» – пикап с рекламой «доставки вкусной и здоровой пищи на дом» по бортам выехал со двора.

Старик еще раз нажал кнопку на устройстве и двое парней сразу же скрылись в арке соседнего дома.

К торту, этому поистине шедевру кулинарного искусства, Матвей Борисович не притронулся – не тот возраст, чтобы тянуло на сладенькое, да и сладкоежкой он никогда не был. Кроме того, Суздальский перешел на диету.

Вечером в дверь позвонила соседка, старушка из квартиры напротив и передала завернутый в цветную оберточную бумагу большой пакет. Распросив ее, словоохотливая пенсионерка рассказала, что, возвращаясь из булочной, которая расположена в трех домах от их места жительства, ее встретил симпатичный молодой человек в прекрасно сшитом костюме и, извинившись, попросил передать посылку с сюрпризом Матвею Борисовичу. Затем он сел в поджидавшую его иномарку (какую, она не заметила) и укатил.

Суздальский поблагодарил соседку и занес коробку домой. С помощью того же устройства он вызвал еще одного человека. Тот тут же появился из потайной двери около ванной комнаты.

К слову надо сказать о квартире Матвея Борисовича. Суздальский проживал в просторной двухкомнатной квартире с высокими потолками и лепными карнизами – мечта любого гражданина бывшего СССР. Ее он получил вполне легально как ветеран Великой Отечественной войны, простояв, для отвода глаз, в очереди на нее около пятнадцати лет.

Большая комната, где жил он сам, была обставлена весьма скудно – полуторная деревянная кровать с горкой подушек, старый платяной шкаф на кривых ножках, старый продавленный диван, такое же кресло, цветной телевизор советского производства «Рубин» да приемник «VEF» на подоконнике. На стене висело несколько старых пожелтевших фотографий в рамках, на которых с трудом можно было узнать хозяина квартиры.

Вторая комната, поменьше, была превращена Матвеем Борисовичем в рабочий кабинет. Все стены комнаты были уставлены застекленными шкафами с книгами. В дальнем от окна углу стоял дубовый стол сталинской эпохи, оббитый зеленым сукном, на котором кроме пресспапы возвышался старый, той же эпохи телефонный аппарат из черного эбонита. Кроме наборного диска телефон имел восемь клавиш, которые светились как белозубая улыбка на смеющемся лице негра.

Но главной особенностью было не это.

Еще в недавние времена вождя всех времен и народов эта квартира была построена и оборудована для конспиративной подготовки сотрудников одной из спецслужб. Если бы кто-нибудь попытался посмотреть или послушать, даже с помощью нынешних современных средств, квартиру, его ждали бы разочарование и полная неудача. Не смогли бы домушники и прочие злоумышленники попасть в нее через окна и двери, которые, кроме того, что были бронированными, открывались специальными замками и кодами. Современная жизнь внесла

ряд корректив в оборудование жилища «заслуженного» пенсионера: Суздальскому пришлось поставить различного рода электронные приспособления от несанкционированного Матвеем Борисовичем посещения квартиры.

Но и это еще не все. Точно такая же квартира, соединенная хитроумным переходом с квартирой Суздальского, была в соседнем подъезде. Она также принадлежала Матвею Борисовичу, вернее была записана на подставное лицо, а сдавалась скромной бездетной супружеской паре, к которой часто ходили в гости их однокашники по институту. Впрочем, почти никто и никогда не видел ни самих квартиросъемщиков, ни их гостей.

Весь этот квартирный комплекс достался Матвею Борисовичу после довольно таки сложной и в финансовом отношении затратной операции. Пришлось приложить максимум усилий, чтобы эта жилплощадь была списана с баланса одной из спецслужб в связи «непригодностью для оперативной работы и проживания в ней», передана на баланс местного РЭУ, а городской совет выдал ордер на нее «активному участнику Великой Отечественной войны», приурочив эту акцию к очередной годовщине Победы над Германией.

В этот день в ней находилась группа помощников Матвея Борисовича, среди которых был и специалист по разного рода взрывающимся предметам. Его срочно вызвали для проверки переданного утром торта. Суздальский, здраво размыслив, что торт еще не последний сюрприз, оставил взрывотехника в смежной квартире.

Получив доклад о содержимом коробки со вторым подарком Матвей Борисович встревожился не на шутку. В ней оказалось три бутылки грузинского красного вина «Киндзмараули» и несколько кусков свежего овечьего сыра.

Дело было в том, что по совету светила российской медицины Суздальский перешел на диету, которая заключалась в двухразовом (утром и вечером) ежедневном приеме стакана красного вина (предпочтительно марок «Киндзмараули» или «Хванчкара») с овечьим или козьим сыром. В конверте, прилагаемом к подарку, на принтере было напечатано короткое сообщение: «Извини, друг! Забыл, что ты давно уже не ешь сладкого. Поправляй здоровье – сейчас оно для тебя, пожалуй, самое главное. Курт».

Наглое содержание и намеки записки чуть было не вывели из себя старика. Но, мудро решив, что гибель его нервных клеток только на руку его неизвестному «доброжелателю», Матвей Борисович сразу же успокоился, сел за рабочий стол и набросал план обеспечения собственной безопасности, безопасности дела, которому он посвятил большую часть своей жизни, и противодействия пока неизвестно кому. Обдумав сложившуюся ситуацию все же решил вызвать и поговорить со своим помощником Вадимом Олеговичем Котовым.

Глава 8

... Праздничные дни прошли без лишних и ненужных эксцессов: все ожидали выступлений националистов или провокаций экстремистов, но все обошлось.

Так как буквально накануне в консульском компьютере завелся вирус и его лечили кто как умел и чем попало, получить доступ к базам данных консульского отдела не представлялось возможным.

– Тебе, дружище, легче отправить запрос в Москву, – посоветовал Степашин. – Когда еще излечим нашу персоналку? А в Москве и гражданство твоего Трофимова проверят, и все его паспортные данные пролопатят. Кстати, Сергей, мне наш охранник Саша говорил, что этот твой дед Трофим регулярно раз в месяц появлялся в Посольстве, но, что странно, Саша не помнит, чтобы он обращался к нам за какой—либо помощью. Ты бы порылся в наших бумагах с обращениями граждан. Может мы его нечаянно чем-то обидели.

– Мне он как будто не жаловался.

– Вот придет на твое или мое имя ответ этому старику из Администрации Президента или от самого “первосвященника”, – Степашин выразительно указал большим пальцем в потолок, – тогда будем перерывать по листочку все дела за недолгое наше существование в этой стране. Так что, друг мой, попотей немножко. Ради общего дела. А!

– Хорошо! – с трудом скрывая недовольство ответил Михайлов, представив на минуту, сколько документов ему придется перевероршить.

Но в этом деле ему нежданно – негаданно помогла машинистка консульского отдела Зина. Оказывается, она, как ее учили на компьютерных курсах, делала резервные копии базы данных обращений граждан в Посольство.

Сергей, поблагодарив Зину и вручив ей плитку шоколада, схватил дискету и бросился искать свободный компьютер.

Изучив содержание дискеты, Сергей нигде не увидел установочных данных Трофимова. “Значит, он никогда в Посольство лично не обращался. А теперь посмотрим коллективные письма и заявления”, – сам себе скомандовал Сергей.

Тут же компьютерная поисковая система нашла ему информацию, из которой Михайлову стало известно, что фамилия Трофимова встречается двести шестнадцать раз. Сергей быстро указал для более конкретного поиска нужные имя и фамилию и компьютер ему выдал, что Трофимов Игорь Вячеславович ставил свою подпись под коллективными письмами граждан восемнадцать раз. Причем фамилия Трофимова в базе данных всегда стояла на последнем месте, а организация, от имени которой было составлено восемнадцать обращений, имела довольно странное название — “Независимая группа ветеранов”.

Сергей переписал учетные номера писем и направился в канцелярию консульского отдела, где хранилась вся переписка с местными и российскими гражданами.

– А, так Вам нужны письма этих “независимых”? – узнав, что ищет молодой дипломат, воскликнула заведующая канцелярией (или просто завканц) Лариса Петровна Порфирьева. – Честно говоря, мы все их считаем немножко не то, что ненормальными, но немного не в себе.

– Почему? Они нам здесь чем-то досаждают?

– Вы сами убедитесь, когда прочтаете. Вообще то их можно понять: война, потрясения перестройки, развал Союза, нищенское существование человека второго сорта, или как сейчас модно говорить – гражданина не титульной нации, и ... возраст – он дает о себе знать, – Лариса Петровна стала быстро вытаскивать папки с делами. – Сергей Альбертович, Вы можете подойти минут через десять – пятнадцать, я сниму для вас копии с этих документов.

Сергей поблагодарил завканца и направился доложить Степашину, что его поручение почти выполнено.

– Да, да! Помню! Была такая “независимая” группа. Предлагали какие-то нереальные планы оказания помощи всем малоимущим и нуждающимся и просили назначить посредника из числа дипломатического состава Посольства.

– А с ними кто-нибудь работал? Может, действительно, у них есть какое-то дельное предложение?

– Если хочешь знать мое мнение, то это немного больные люди, свихнувшиеся на почве резких перемен в бывшем Союзе. Но если у тебя есть свободное время, можешь покопаться в этом деле – может, что и выйдет, – как-то устало предложил Степашин.

– А если “может что и выйдет”, что будем делать дальше?

– Если “независимые” предлагают что-то дельное, то лучше их переадресовать военным, в аппарат военного атташе – там толковые ребята. Вот пусть и займутся ветеранами.

– А если военные их снова отфутболят к нам? – не отставал Сергей.

– Тогда считай, что дед Трофим, то бишь гражданин России Трофимов Игорь Вячеславович, твоя личная общественная нагрузка и преимущественно в твое свободное время. И переставай теребить меня по мелочам, ты уже большой. Иди дружище к себе и работай. Успехов! – бросил Степашин, давая понять о закончившейся аудиенции.

Сергей вышел в коридор и столкнулся с заведующей канцелярией, которая с любезной улыбкой передала ему еще теплые ксерокопии обращений из организации деда Трофима.

Закрывшись в своем кабинете Михайлов начал их читать.

“Послу Российской Федерации господину Трубецкому В.В. от группы ветеранов Великой Отечественной войны, объединенных в общественную организацию под названием “Независимая группа ветеранов”.

Уважаемый, господин Посол!

Мы, ветераны последней войны, возмущены тем состоянием дел, которое сложилось с проблемой социальной защиты ветеранов и военнослужащих российской армии. Поэтому просим Вас, дорогой Владимир Васильевич, ходатайствовать перед Президентом и Правительством России о том, чтобы наделить членов нашей организации соответствующими полномочиями в поисках финансовых ресурсов для осуществления этой высокой и благородной цели.

Уверяем Вас в том, что выполнение поставленной будет в строгом соответствии с нашими российскими законами и законами других республик.

Просим также назначить кого-либо из дипломатического корпуса российского Посольства для координации наших с Вами совместных усилий.

С уважением к Вам

Исполнительный комитет “Независимой группы ветеранов”.

Всего двенадцать подписей, среди которых последней стояла подпись Трофимова И.В.

Остальные письма были примерно того же содержания, но Сергея поразило то обстоятельство, что, во-первых, приходили они регулярно раз в месяц, во-вторых, стояло одинаковое число подписей – двенадцать, в-третьих, ни одна подпись под письмом не повторялась дважды во всех восемнадцати обращениях, в-четвертых, на последнем месте всегда стояла подпись деда Трофима, в-пятых, письма были отпечатаны с помощью компьютера и лазерного принтера на хорошей бумаге с водяными знаками в виде возвания героев-панфиловцев: “Велика Россия, а отступать некуда!”

“Если в ветеранской организации имеется компьютер и лазерный принтер, своя фирменная бумага и в координационном комитете “Независимой группы ветеранов” состоит аж сто девяносто девять членов (не все же они больны манией величия!), то, наверное, стоит с ними познакомиться поближе, – размышлял Сергей, листая бумаги. – Адрес есть, можно в конце рабочего дня навестить деда Трофима”.

Глава 9

Наблюдение за собой Матвей Борисович заметил четыре дня назад. Выявить его не представляло особого труда – сказался большой опыт старика в подобных делах и дилетантство наблюдателей. Он решил пока ничего не предпринимать, а сначала для порядка выдрать и наказать свою службу безопасности и контроля обстановки. Но, придя домой и немного отдохнув в массажном кресле, закамуфлированном под старое колченогое произведение мебельного искусства советских времен, за чашкой зеленого чая, к нему на доклад запросился начальник службы безопасности Котов Вадим Олегович, бывший когда-то в додемократический период не последним лицом в службе наружного наблюдения всемогущего КГБ.

Из системы КГБ Котов ушел по патриотическим мотивам. В эпоху развала Союза он не мог смириться с предательством не столько руководства страны, сколько собственного, кагэбэшного. Он открыто указал, что факт передачи планов закладок подслушивающих устройств в ряде посольств стран НАТО является, по сути дела, пособничеством иностранным спецслужбам и приведет к непредсказуемым последствиям.

Так оно и случилось. Американцы и их европейские союзники в ответ на наш «дружеский» шаг не пожелали раскрывать свои секреты в области безопасности перед нашей страной (Нашли дураков!), а иностранные граждане, которые работали по линии внедрения этих устройств в здания посольств на Западе, были арестованы национальными органами государственной безопасности, преданы суду и получили большие сроки тюремного заключения. Некоторые из тех, кому удалось отвертеться от суда, по странным обстоятельствам погибли или бесславно закончили свой жизненный путь. Другая часть приняла предложения спецслужб о сотрудничестве и весьма успешно работали сначала против СССР, а затем и России.

Виновные в этом преступлении, естественно, наказаны не были, а, наоборот, вознесены на гребень демократической волны.

После ухода в отставку Вадим Олегович пытался и на «гражданке» применить свои знания и умения. Он связался с людьми, которым не была безразлична судьба его страны. Но просуществовали они недолго и были разбиты на голову.

Котову повезло больше других. В этот период он попал в автомобильную катастрофу, будучи в командировке в одном из средневожских городков, и поэтому не попал под жернова органов «демократической» государственной безопасности. Его начальник, тоже бывший генерал КГБ, на допросах указал, что Котов погиб, а дознаватели не считали нужным перепроверять эти факты.

Тех, кого взяли в связи с делом их организации, осудили и отправили в различные исправительно-трудовые учреждения, хотя как работников спецслужб их должны были содержать вместе в единственной зоне для такого контингента. Там они в течение одного месяца погибли на стройках, лесоповалах и других объектах эконской экономики при весьма странных обстоятельствах. Само собой разумеется, что «расследование» не принесло никаких результатов.

Котова предупредили родственники отставного генерала КГБ, выполнив его последнюю волю. Вадим Олегович сумел выбраться из этой передрыги, правда, с помощью Матвея Борисовича, который, по сути дела, подобрал бывшего топтуна, обогрел, накормил и пристроил к хорошему месту своей структуры на испытательный срок.

Это было шесть лет назад. Но уже через полтора года Котов возглавил службу безопасности и контроля обстановки всей корпорации Суздальского или как тот называл по старинке – конторы. Единственное условие, которое выдвинул Вадим Олегович при «приеме» на работу в структуру Матвея Борисовича, это была пожизненная пенсия его детям его товарищам по той организации, которую разгромили гэбэшники и эмвэдэшники.

Матвей Борисович скептически высказался по поводу сентиментальности Полковника (так стал именоваться Котов среди сотрудников фирмы), но условия принял, потому что ни кто иной, как Суздальский приложил руку к разгрому организации бывших сотрудников КГБ И МВД, которая пыталась своими методами и способами бороться против засилья коррумпированных элементов и предателей в верхних эшелонах власти.

Суздальский тоже поставил ряд условий, которые Вадим Олегович сразу же принял.

Работа на фирме Суздальского была тяжелой и муторной. Полковник перестроил работу подчиненных заново, благодаря чему шеф ни разу не имел ни малейшего повода усомниться в своей безопасности и надежности окружающих его людей.

Вот и сейчас Полковник шел, опережая нагоняй от Суздальского, с аналитическим докладом о ситуации вокруг Матвея Борисовича.

Из доклада Вадима Олеговича следовало, что по результатам оперативной разработки посыльного и руководства ресторана, а также соседки пока удалось лишь получить описание человека, заказавшего торт и передавшего коробку с вином. При этом Полковник отметил, что согласно химико-биологической экспертизе все продукты – торт, вино, сыр – были отменно высокого качества, а по поводу продуктов в коробке, переданной соседкой, добавил, специалисты склоняются к мнению, что они произведены в той республике СНГ, откуда пришла и поздравительная телеграмма.

Выслушав доклад Полковника по первому вопросу, Матвей Борисович огорченно произнес:

– Маловато, уважаемый Вадим Олегович. Разработайте, пожалуйста детальный план поиска нашего «благодетеля» и мы вместе его сегодня вечером обсудим.

– Матвей Борисович, к сожалению, мы располагаем довольно таки скудным фактическим материалом. Согласно Вашим же указаниям, все, что касается вас лично, мы будем выполнять только по вашим распоряжениям. Следуя законам оперативного розыска...

– Знаю я, все я знаю, Вадим Олегович. Поэтому разработайте план так, как будто не я главный фигурант этого дела, а кто-либо другой. Мы его обсудим, и я посмотрю, что можно будет вам рассказать!

– Мне все понятно. План будет готов в девятнадцать часов. Могу я рассчитывать на аудиенцию в это время?

– Да, конечно! Это сейчас первостепенная задача! Давайте ваш второй вопрос!

– Наша служба наружного наблюдения и контроля за обстановкой выявили странный интерес лично к вам со стороны группы молодых людей. Их личности мы установили и проверили по нашей базе данных. У нас они не значатся. Не значатся они и в картотеках МВД и ФСБ – через своих людей мы проверили по их центральным компьютерам. Мы склоняемся к мнению, что эта группа студентов – а все они студенты одного из московских ВУЗов – новички в деле наблюдения за объектом, хотя и имеют начальную или поверхностную подготовку. Наблюдение они стараются вести скрытно, но наши люди их выявили и установили, что против нас, а точнее против вас затевается какая-то операция. Для этой цели «студенты» – я так их буду и впредь называть – на черном рынке и у подпольных торговцев приобрели несколько видов стрелкового оружия и боеприпасов. Судя по тому, что они купили один автомат Калашникова, ППШ, СВД, карабин «Сайга», переделанный для стрельбы боевыми патронами, несколько охотничьих и помповых ружей, применять весь этот разнокалиберный арсенал они не намерены.

Кроме того, практически под нашим контролем вчера в Москве в разных районах города ими были угнаны четыре автомобиля представительского класса. Мы получили дополнительные ориентировки из ГАИ и прочесали весь наш городок: три машины найдены в пределах нашего населенного пункта, одна – белая БМВ – стоит замаскированная ветками в лесу у мос-

ковской трассы. Я дал команду подтянуть к нашей штаб-квартире дополнительные силы и средства.

– А сейчас, в данный момент существует для нас реальная угроза с их стороны?

– Я думаю, что пока нет.

– Почему вы так уверены?

– По двум причинам. Во-первых, чтобы совершить покушение на вас нет такой необходимости почти легально покупать столь разнообразное оружие. Ведь мы знаем, что черный рынок практически весь контролируется агентами МВД и ФСБ. Следовательно, оружие им необходимо если не для «поддержания собственных штанов», то, во всяком случае, для самообороны. Во-вторых, если бы они что-то подобное задумали, то не стали бы снимать квартиру над вами...

– Что? Они живут на четвертом этаже?

– Да, уже около двух месяцев. Мы их отслеживали, поэтому считаем, что их главная цель не покушение, а что-то другое. Если вы дадите разрешение на ввод в действие плана активных мероприятий против этой группы, то через пару дней мы будем кое-что о них знать.

– Раз так, я полагаю, что брать их преждевременно. А не связаны они с этими поздравлениями?

– Нет, не думаю.

– А эти рабочие в подъезде? Вы их проверяли?

– Это такие же рабочие, как я президент России, – позволил себе отпустить шутку Полковник. Заглянув в один из документов, разложенных на столе, он продолжил. – Они являются сотрудниками частного сыскного агентства «Кристи и Пуаро» и выполняют задачу по наблюдению за нашими «студентами». Дело в том, что к ним обратился хозяин угнанной белой БМВ и эти ребята довольно быстро вышли на угонщиков. Один из них – бывший армейский офицер, другой – сыскарь из столичного уголовного розыска.

– Это, пожалуй, даже очень хорошо – будем прикрыты и с этой стороны. Итак, пока никого не трогаем, посмотрим, как будут развиваться события. Жду вас вечером с планом, – дал понять Матвей Борисович Котову, что прием закончен.

Глава 10

В конце рабочего дня Михайлов немного задержался по неотложным делам и, когда сел в машину, чтобы ехать к Трофимову, солнце уже спряталось в горах. Сергей недолго ездил по городу в поисках дома, где проживал Трофимов, и был приятно удивлен, увидев, что Игорь Вячеславович проживает в престижном районе в частном двухэтажном доме на трех хозяев с небольшим садиком и гаражом.

На стук в дверь Михайлову открыл сам хозяин.

– Быстро же вы управились с моими делишками. Неужели посольский компьютер починили или почта из Москвы пришла раньше срока? – явно с нескрываемой издевкой спросил старик.

Эти слова деда Трофима заставили Сергея простоять некоторое время у распахнутой калитки в полном изумлении и недоумении. “У деда информация поставлена на высшем уровне. Сведениями пользуется только последними и хорошо проверенными. Иначе не задавал бы таких вопросов”.

– Извините, Сергей Альбертович, что так сразу Вас огорошил. Подумал, что просто необходимо развеять миф о нашей или моей душевной болезни, о которой Вам, наверняка, наговорили в Посольстве. Извините еще раз старика. Проходите в дом.

Сергей вошел в крытый двор, в котором стояли довольно таки новый уазик и “Волга”. Двор был чистый и уютный – чувствовалась рука хозяина или хозяйки. Единственное, что вносило некий дискомфорт в эту идиллию, гора коробок из-под импортных сигарет. “Или бизнесом мелким занимается дед Трофим, или переезжать куда вздумал. И что не сидится старикам на одном месте в такое тяжелое и смутное время?” – подумал Сергей.

Тут Михайлов услышал позади себя нечеловеческий, звериный зев, который заставил бы любого человека втянуть голову в плечи и сделаться менее заметным. Медленно обернувшись, он увидел у калитки ворот разлегшегося на специальной подстилке огромного пса с толстой густой шерстью белесо-серого оттенка. Собака голоса не подавала, но и не спускала с Михайлова настороженного взгляда, а подрагивающие щеки свидетельствовали о том, что эта громадная псина, по меньшей мере, хотела обляять непрошеного гостя.

– Не бойтесь его, Сергей Альбертович, это добрая собака, наш верный друг и защитник. Зовут Бакс – в духе нового времени. Бакс, – позвал старик собаку, – иди познакомься, это наш друг, ты понял, друг!

Бакс быстро поднялся, подбежал к Сергею, сделал вокруг него круг, непрерывно обнюхивая гостя, потерся о ногу и отправился на свое место. Знакомство состоялось, хозяину никто и ничто не угрожало и пес, казалось, потерял всякий интерес к людям.

– Хорошая собака, – прокомментировал Сергей.

– Бакс еще малыш, всего год от роду, но уже обучен по специальной методике и программе немцев. Теперь он Вас знает, но если меня рядом или дома не будет, по возможности, остерегайтесь с ним контактировать, все равно набросится.

– Обрадовали меня, Игорь Вячеславович. В таком случае, нам лучше встречаться в Посольстве.

– Не все то золото, что блестит, не все то хорошо, что кажется очевидным. Я думаю, Вы вскоре сами в этом убедитесь. Ульяна Генриховна, накрывай на стол, к нам гость дорогой заехал, – позвал, видимо жену, хозяин.

Так как были уже сумерки, а городские власти не торопились давать своему населению электричество, Сергей так и не понял планировки дома и каким путем дед Трофим провел его в большую комнату.

Окна комнаты были прикрыты снаружи ставнями и поэтому в ней было особенно сумрачно и непонятно, куда они выходили – во двор или на улицу. В комнате угадывались большая витрина или сервант, круглый обеденный стол, четыре стула вокруг него, в углу небольшое канапе, два кресла и небольшой журнальный столик с современным телефоном. На подставке перед канапе стоял старый громоздкий “Горизонт” или “Электрон”. У противоположной от окна стены стоял книжный шкаф с какой-то башенкой посередине.

– Моя супруга, Ульяна Генриховна, – представил Трофимов пожилую, но статную седую женщину в брюках и легкой блузке. В руках она держала зажженную керосиновую лампу в виде китайского домика – пагоды.

– Очень приятно! Михайлов Сергей, сотрудник российского Посольства, – с легким поклоном отрекомендовался молодой дипломат.

– Уля! накрой нам легкий ужин. Сергей Альбертович холост. Ему наверняка хочется чего-нибудь домашнего, как умеют готовить только русские матери для своих сынов. Верно? Разрешите я Вас буду называть просто Сергей или Сережа? Вы мне по возрасту как внук, – в глазах Трофимова Михайлов увидел проблеснувшую слезу.

– Игорь Вячеславович, у Вас дети, внуки есть или Вы живете одни? – спросил Михайлов, пытаясь при слабом свете разглядеть книжные полки.

– Сразу хочу отметить, Сережа, у Вас очень проницательный взгляд. Вы сразу отметили старческую слабость и проявили такт. Что касается вашего вопроса... У нас с Ульяной Генриховной есть дети и внуки, и даже правнуки, мы их очень любим и в меру наших сил о них заботимся. Но они заняты своими делами, у них своя жизнь. Сыновья имеют представление, чем мы занимались раньше и занимаемся сейчас, но не хотят вмешиваться в ход событий, или, если можно так сказать с пафосом, в ход истории. Но охотно выполняют отдельные наши поручения...

– Игорь Вячеславович, извините, что Вас перебиваю. Почему Вы сейчас по отчеству назвали Вашу супругу Генриховной. Получается какой-то дисбаланс: Ульяна – чисто русское имя, Генриховна – чисто немецкое отчество. Как-то не звучит, не так ли?

– И здесь Вы правы, Сережа. Мою супругу зовут Урсула Генриховна, девичья фамилия Бютнер, что по-нашему означает Бондарь. Она чистокровная немка: не из Поволжья, а из самой Германии, из-под Магдебурга, есть там небольшой такой городок – Хальберштадт. Вот, кстати, на День Победы мы с ней отметили золотую свадьбу.

– О, поздравляю Вас и Вашу супругу!

– Что-то ты сегодня разговорился, дед, – слышался откуда-то из глубины дома, по видимому, из кухни, польщенный голос Ульяны Геннадиевны, то есть Урсулы Генриховны.

– Дорогая, ты меня не критикуй, а побыстрее накрывай на стол. Нельзя гостя потчевать одними моими байками.

– У меня все готово, уже несу, – донеслось в ответ.

Глава 11

Исмаил до весны лечил Дениса травами, и рана в плече зажила удивительно быстро. Старый черкес утешал парня:

– Жить на Кавказе в нынешнее время да под пулю ни разу не угодить – это, брат, ты много захотел... Полежи и не рыпайся. Место здесь тихое, никто к нам не сунется, живем как у Аллаха за пазухой.

... Горы в этом году рано засыпало снегом. Старик Исмаил сменил лошадь на собачью упряжку в долине и отправился к себе в горный аул, где его подждал верный Арслан, девятидесятилетний горец, которого Исмаил подобрал в брошенном селении умирающим от голода и холода. Выходил его, вылечил и стал жить Арслан в «имении» Исмаила на правах «управляющего» хозяйством.

Вообще-то место жительства Исмаила назвать аулом, значит сильно преувеличить. В пятидесятых – шестидесятых годах людей переселяли из горных районов в долины, соблазняя благами городской жизни и жизнью в плодородных долинах. В большинстве своем народ повел за партией и правительству и спустился с гор и быстро ассимилировался в местных условиях. Теперь выросло уже два поколения людей, ставших коренными жителями долин, и никого из них никаким пряником не заманишь в горы.

В аулах остались жить лишь некоторые старики и единицы молодых людей, таких как Исмаил. Но отсутствие связи с «большой землей» и, особенно, медицинской помощи сделали свое дело – в наше время в горах можно встретить лишь человека с черными мыслями.

Но здесь уже преимущество было на стороне Исмаила – пожалуй, никто не знал горы, как он. Этим он и зарабатывал себе на жизнь. Очень многим понадобился проводник в горах, знающий все маршруты в обход появившихся здесь с распадом Союза пограничных застав.

Старик сам разработал сложную систему проводки караванов: на первом этапе местный житель с той или другой стороны хребтов переводил нуждающихся вместе с их скarbом в горную долину и в первую же ночь скрытно покидал стоянку. Это было гарантией того, что караванчики не задумали ничего плохого против Исмаила и не изменят своего решения.

Утром появлялся старик, брал ранее оговоренную плату и вел караван через горные долины и главный хребет. На последнем переходе, о котором не знали караванчики, Исмаил оставлял записку о дальнейшем пути и тайно уходил. Об этом привычке старика обычно знали все караванчики, но как ни пытались следить за ним на последнем переходе, задержать его не могли.

Исмаил знал много тропинок, троп и караванных путей через горы, и каждый раз, в зависимости от людей и их груза, вел караван различными путями и разное время, так что караванчики не могли точно определить конец своего путешествия.

Кроме того, Исмаил знал, где и какие можно использовать транспортные средства: вьючных животных, собачьи упряжки (местную экзотику) или автомобили (во время войн и беспорядков на Кавказе один из местных удельных князьков перебросил ему в горную долину вертолетами тройку «уазиков» и старик очень дорожил ими).

Горы он знал с детства. Да и как их не мог знать и любить человек, родившийся и выросший в горной стране. Еще мальчиком, в революционное лихолетье, отец был вынужден отдать сына в услужение к одному местному знатоку – Князю. К слову сказать, новый господин Исмаила не испытывал никаких чувств ни к новой, ни к старой власти, поэтому его никто не трогал. Был он и в почете у местного населения и имел среди старейшин горских народов высокий авторитет, хотя и был православным.

Но самой главной его особенностью, выгодно отличавших его от других горцев, было прекрасно знание гор: от Каспийского до Черного морей. К тому же на протяжении всего этого горного отрезка он находил общий язык со всеми народностями, населявшими эти горы.

Единственными недостатками, по его собственному выражению, были два. Это, прежде всего, возраст. Когда маленький Исмаил впервые приехал к Князю, тому шел уже восемьдесят седьмой год, и старик подумывал о наследнике, которому необходимо было передать все знания. Своих детей у него не было – Бог не дал. Десять лет назад был у него ученик, но возомнил о себе слишком многое: в отсутствие Князя вызвался вести караван через горы тайными тропами и сгинул. Впрочем не нашли и караван, в котором, как потом выяснилось, перевозили ворованные золото и украшения.

Во-вторых, природная готовность Князя пойти на помощь любому первому встречному не раз играла с ним злую шутку: его добротой одинаково пользовались и царские военачальники для прохода войск кратчайшим путем через горы, и разного рода политические и революционные организации для нелегальной доставки крамольной литературы, оружия и взрывчатки, и абреки для переправки в горы награбленных и ворованных богатств, и беглые преступники и каторжане, чтобы спрятаться от властей в горных пещерах или переправиться в соседние страны.

Исмаил был хорошим учеником и уже через пять лет под присмотром Князя водил караваны или отдельных людей через горы. В свою очередь, Князь учил его и русскому языку, и другим наукам, если высказаться по-современному, в масштабе средне школы. Неплохо маленький Исмаил разбирался и в религиях, как в исламе, так и в христианстве. По-русски говорить стал свободно, с едва заметным акцентом, выучил несколько основных языков и наречий местных народов.

Перед смертью старый Князь основательно проверил знания Исмаилом гор, географии, истории и других наук.

– Когда спустишься с гор в долину, чтобы не казался диким, – наставлял Князь.

Чувствуя скорую кончину, он призвал к себе своего ученика и, указав, где Исмаил должен похоронить старика, наконец-то рассказал о себе. Но самое главное поведал, о сокровищах, которые скапливались в горах в результате гибели богатых караванов и путешественников еще с древних времен.

– Учти, Исмаил, – промолвил последние свои слова в земной жизни Князь, – золото откроет перед тобою все двери в этом мире, но оно никогда не сделает тебя счастливым. Лучше используй его во благо людей и оставайся свободным.

... Знания, переданные ему Князем, особенно пригодились во время Великой Отечественной войны, когда Исмаил водил в тыл немецким горным егерям из корпуса «Эдельвейс» советские разведывательные и диверсионные группы. Немцы тоже знали о существовании столь знаменитого проводника и не раз подсылали к нему агентов с заданием завербовать Исмаила, играя при этом на националистических чувствах горца. Но проводник не поддавался на уговоры оккупантов, а с их агентами поступал по-своему – по закону гор – и те навеки остались пленниками горных вершин.

Но однажды случилась беда. Исмаилу поручили провести группу разведчиков-диверсантов, которые должны были воспрепятствовать восхождению немцев на Эльбрус и водружению там нацистского флага. По вине командира группы вся она погибла под лавиной. В расположение войск Красной Армии вернулся один Исмаил. Естественно, в штабе дивизии, откуда была снаряжена группа, нашелся ретивый особист из отдела «Смерш», которого уже наказали за ставшее всемирно известным восхождение немцев на высочайшую вершину Кавказа. Он арестовал Исмаила и представил дело так, что Исмаил, желая навредить Красной Армии и советскому государству, специально уничтожил нашу группу. А помогали ему в этом старейшины тейпов горских народов.

Но один добрый человек, знавший Исмаила и Князя с давних времен и служивший переводчиком в штабе дивизии, предупредил проводника о готовящемся аресте. Исмаил сразу же почти без припасов ушел в горы.

А через некоторое время началось выселение кавказских народов за их «пособничество» гитлеровцам. Но многие люди прятались в горах, и Исмаил взял на себя заботу об их защите и благополучии. К тому же в горах (какой парадокс!) продолжали действовать советские и партийные органы, а хозяйства даже выполняли план по овцеводству и заготовке кормов для организованных на местах колхозов и совхозов из переселенных сюда беженцев из России и Украины.

Прощение за свои прегрешения перед Советской властью он получил только после того, как к древним родным очагам потянулись изгнанные народы, но Исмаил, зная коварство властей, не торопился спускаться с гор, а продолжал жить жизнью горца-затворника.

...Осенью прошлого года, закупив необходимые припасы и возвращаясь к себе на зимовку, Исмаил нашел в горах раненого и замерзающего парня. Старик был удивлен тому, что этот русский паренек сумел, не зная гор, дороги и местных условий, географических и национальных, дойти до этих мест. Перетаскивая его на нарты, Исмаил заметил, что, ко всему прочему, парень был серьезно ранен в плечо и кое как перевязан тряпками, бывшими когда-то рукавами его тельняшки.

Когда парень очнулся, его первым желанием было бежать из дома старика, но силы тут же оставили его. В последствие, немного пообвыкнув он понял, что здесь ему ничто уже не угрожает.

Окрепнув и поднявшись на ноги Денис стал помогать Исмаилу и Арслану, в чем мог: кормил овец, ухаживал за собаками и лошадьми, убирал дом и время от времени готовил пищу. Потом Исмаил стал доверять парню под присмотром «управляющего» совершать пробные выезды упряжек по леднику, покрытому крепким снежным настом, чтобы собаки по первопутку вспомнили свои обязанности.

Денис с искренним уважением относился к старикам не только из-за почтенного возраста, но и за то участие, которое те приняли в судьбе восемнадцатилетнего юноши. Исмаил никогда не расспрашивал, какое обстоятельство вынудило городского паренька бросить все и кинуться в горы, справедливо предполагая, что время рассудит и, если Денис захочет, то расскажет свою историю сам без посторонней помощи.

А пока Исмаил стал задумываться над возможностью превратить Дениса в своего приемника или, в крайнем случае, помощника. Но это требовало довольно большого промежутка времени, а старик чувствовал, что у парня на душе лежит какой-то тяжелый камень.

Исмаил прекрасно понимал, что наш мир состоит из хороших и плохих людей. А в наше время плохих становится все больше и больше. И даже он, чтобы прожить в горах, сам оказывал им помощь. Но рассказ Дениса вызвал в нем какие-то необъяснимые чувства, и он решил во что бы то ни стало помочь парню.

Глава 12

... После скромного семейного ужина и произнесенного Сергеем тоста “за золотых новобрачных” городская мэрия все-таки дала электричество и в комнате стало намного уютнее. Хозяева и гость расположились в удобных креслах и канапе и хозяин дома продолжил разговор.

– Сережа, Вы видите, что мы люди в уже очень преклонном возрасте, а сейчас положение таково, что здоровье не сможет обеспечить нам ту необходимую работоспособность и жизнедеятельность, которую мы вели до сих пор. Поэтому я решил обратиться к Вам. Нас, стариков – ветеранов, осталось очень мало, а тех, кто работает в нашей организации, еще меньше...

– Но я же видел множество подписей под обращениями Вашей организации в Посольство!..

– Нас было много. Но ситуация в этой республике заставила нас отправлять людей в Россию, обустраивать их там, обеспечивать приемлемое, подобающее ветеранам войны существование. вы можете проверить по свои каналам через Посольство и МИД, что эти люди живут нормально, хотя их с превеликим трудом, не без взяток, прописывали в различных областях России – матушки, обеспечивали пенсиями и пособиями. Поэтому, если Вам говорят, что наши рассказы “про финансовые возможности” – старческий бред, согласитесь с ними, но... обязательно проверьте и удостоверьтесь лично. Ведь кроме Вас за все время никто из Посольства не удосужился с нами побеседовать, поговорить и разузнать о наших “финансах”.

– Но почему тогда Вы не уезжаете отсюда к детям, внукам и правнукам, а, как Вы пишете, продолжаете бороться или воевать с фашистами и их прихвостнями?

– Потому что, во-первых, фашизм, а если быть точнее, национал-социализм, снова активно возрождается и еще ни один государственный или политический деятель не указал, откуда и по какой причине он появился вновь в Европе, Америке и у нас в России. Во-вторых, ни одно государство, ни одна политическая партия не имеет четко выраженной программы борьбы с этим злом. В-третьих, они просто этого не хотят, потому что из этого можно извлечь свои выгоды, как для государства, так и для любой партии. В-четвертых, ни один из тех, кто сегодня “наверху”, не знает, что такое фашизм так, как знаем его мы с Ульяной Геннадиевной. И, наконец, в-пятых, неонационал-социалисты или фашисты, называйте их как Вам угодно, имеют значительные денежные средства в золоте и валюте (слышали, наверное, о немецком “золоте партии”), которые в нынешних условиях они тратят на подкуп государственных чиновников и политических и партийных функционеров по всему миру.

– И Вы против этого зла боритесь? Тогда могу Вам сразу предрекать фиаско.

– Это мы понимаем: без существенной поддержки с чьей-либо стороны, хотя бы моральной, мы в конечном итоге все равно окажемся в проигрыше. Но бороться нужно. Наша организация располагает большими архивами, которые подразделяются на военные архивы, архивы спецслужб, финансовые, культурные и другие архивы. По материалам каждой папки из этих архивов можно написать или увлекательный приключенческий роман, или детектив, или наставление по бухгалтерскому и банковскому делу, или диссертацию по какой-нибудь отрасли истории, естествознания или культуры, а, может быть разгадать какую-то тайну, например, Янтарной комнаты, золота партии (нацистской или коммунистической) и Наполеона или золотого запаса последнего русского царя. Буквально ежемесячно в каждую папку архива ложилась небольшая, два – три листочка, справка по тому или иному вопросу.

– Кто же основал и занимался этим архивом? – изумленно спросил Сергей. – Чтобы собирать такие данные в те годы необходимо было быть, как минимум, Генеральным Секретарем.

– Не ерничайте, Сережа. Основал его мой прямой начальник времен войны, а на рубеже 60-70-ых годов он с поражающей точностью описал сегодняшнюю ситуацию, основываясь на событиях в Германии, Венгрии и Чехословакии. Да и вообще, о многих событиях, которые

свершились после его смерти, он в те времена рассказывал так, как будто прибыл к нам из будущего, при этом погрешности во времени и других нюансах были довольно незначительными. Мы его за глаза прозвали “Провидец”. Многие из тогдашнего руководства страной и ЦК хотели получить от нашего отдела и него лично различного рода аналитические материалы. Наш “Провидец” работал над представленными ими материалами, сопоставлял со своими данными, над которыми работал весь личный состав отдела, и давал анализ и среднесрочный или долгосрочный прогноз по требуемому вопросу. Смею Вас заверить, Сережа, прогноз оправдывал себя, но этот факт, в основном, не радовал “верхи”. Поэтому в середине семидесятых “Провидец” был уволен со службы, а его, то бишь наш, отдел расформирован. Часть сторонников нашего начальника уволилась вместе с ним, часть – была разбросана по разным уголкам Союза. Но и в этой ситуации “Провидец” продолжал трудиться. Он вновь собрал своих людей в один кулак и мы стали работать с большей энергией и энтузиазмом, но как бы нелегально, в подполье, а помогали нам бывшие коллеги по службе в центральном аппарате и в региональных органах. Одной из наших главных задач была – следить за ныне действующими организациями национал-социалистов во всем мире и теми, кто с ними сегодня контактирует, и тем самым не допустить их возрождения в той или иной форме. Однако и эта “пенсионная” деятельность “Провидца” не понравилась власть предержащим, потому что наши расследования привели к значительным денежным средствам нацистов, да и коммунистов, однако никто из нас ни копейки не брал себе и не давал “верхам”.

Однажды в 1978 году мы прочитали в одной районной газете, что наш “Провидец” “допился до белой горячки и покончил жизнь самоубийством”. При этом хочу заметить, что он никогда не злоупотреблял спиртным, но при необходимости мог перепить любого, оставаясь при этом абсолютно трезвым. Но что более настораживало, что из его тайника бесследно исчез его личный архив и дневники. Следствие по делу о самоубийстве “Провидца”, якобы, установило, что он дошел до крайней степени опьянения, а свои архивы, дневники, награды и фотографии продал каким-то посторонним людям за бутылку “Столичной” и в этот же день застрелился из именного “вальтера”.

Как нам удалось узнать, районная, областная и республиканская прокуратуры приложили максимум усилий под нажимом сверху, чтобы закрыть это дело: сфальсифицировали документы судебно-медицинской и баллистической экспертиз; угрозами заставили соседей дать показания о, якобы имевшем место, хроническом алкоголизме и беспробудном пьянстве “Провидца”; подменила пистолеты, так как “вальтер” “Провидца” им же был запаян со стороны патронника во избежание несчастного случая, если бы кто-нибудь, особенно дети, стали бы им играть. Так что мы были полностью уверены, что это самое обыкновенное, прикрытое “верхами” убийство.

На могиле нашего начальника мы поклялись дальше продолжать начатое им дело, но теперь и впредь быть вдвойне осторожными. “Провидец” однажды предупредил нас, что настает время, когда нас со всех сторон будут бить и наши, и недруги. Поэтому основную часть архива он решил переместить сюда, а у себя оставил несколько папок.

Вот сейчас мы с ними и работаем, а особо важные материалы уже переправили в надежное место. Но у нас не хватает молодежи, причем заметьте, надежной, в некотором смысле националистически настроенной молодежи. Сегодня молодым людям выгоднее идти в бизнес, во власть, в политику, чем на военную и государственную службу. Ведь признайтесь, Сережа, у вас было, по крайней мере, до пяти хороших в денежном отношении предложений, но Вы от них отказались в пользу службы России в далеко не благоприятных условиях: юг арабского мира и здесь, где еще никто точно не знает – будет война или нет.

“Или дед Трофим читает мысли на расстоянии, или за мной следят с момента окончания МГИМО, – подумал Сергей, ощущая, как предательские холодные мурашки побежали по телу. – Этот старик не так прост как кажется!”

– Я вижу, мой рассказ Вас заинтриговал, – продолжал Трофимов. – В папках нашего архива есть много интересного и ценного с точки зрения выражения их содержания в денежном эквиваленте. Но продавать архивы мы никогда не будем, потому что они – достояние нашей Родины. Это равносильно тому, что творится с российской экономикой, ничего не производим или производим очень низкого качества, а продаем нефть, газ и другие полезные ископаемые, а на вырученные деньги, если они попадают в государственную казну, покупаем необходимые нам машины и товары. Нет, архивы “Провидца” нужны для истории государства российского, если, конечно, родится новый Карамзин и напишет ее.

– Честно говоря, Игорь Вячеславович, я подумал, что все ваши финансовые возможности вытекают из продажи каких-либо документов третьим лицам или, извините за прямоту, шантажа какого-либо высокопоставленного чиновника или мафиози. Откуда же ваши средства, о которых Вы пишете в своих обращениях?

– О, Сережа, это не самая интересная история. Но, если хотите об этом узнать подробнее, пожалуйста. Я Вам дам несколько папок из архива Провидца. Это копии. Если Вы ничего не поймете из них, то мы побеседуем более обстоятельно вместе с нашим казначеем. Документы в папках на немецком и английском языках. Так как в немецком вы не сильны, то в конце имеются все переводы, – Трофимов зашел в соседнюю комнату и через минуту вышел, держа в руках коробку из-под бумаги для ксерокса. – Вот я Вам заранее приготовил, Сережа. Что не ясно, делайте пометки. Да, кстати, Вы хотели здесь изучать немецкий и местный языки. Насчет местного я бы Вам не советовал зря тратить время, а с немецким мы с Ульяной Генриховной охотно Вам поможем. Поверьте, через год вы уже будете сносно объясняться на баварском или северном диалектах – по Вашему выбору. А за это время вы и нас немного узнаете. Соглашайтесь, Сережа!

– Конечно, Сережа, – донесся голос супруги хозяина, – у нас разработаны уникальные методики изучения языков. Если хотите, есть и компьютерные программы, – произнесла Ульяна Генриховна выходя из соседней комнаты.

В открытую дверь Сергей увидел старомодный резной письменный стол с громоздившимся на нем включенным компьютером. “Да, компьютер со всеми наворотами и “прибамбасами”, – изумился про себя, неплохо разбирающийся в этом деле Михайлов, – выходит старики не сочиняют о своих финансовых возможностях. Пока поверим и проверим”.

– Твердо обещать не буду, – вслух произнес Сергей, – но подумаю над Вашим предложением и в ближайшее время сообщу.

– Я Вас, Сережа, не тороплю ни с изучением этих документов, ни с ответом на наше предложение. Как будет свободная минутка, заходите, мы Вам всегда очень рады.

Михайлов стал прощаться с хозяевами, подхватил коробку с документами и свертком с “чем-то очень вкусным”, как пообещала хозяйка, и погрузил все в машину.

Бакс все это время сидел вдали от калитки, бросая беглый взгляд то на Сергея, то на хозяина, то куда-то вглубь двора и на забор дома. Михайлов про себя отметил, что пес, заняв столь удобную позицию, в любой момент мог оказаться рядом с Трофимовыми или какими бы то ни было непрошеными визитерами. А когда дед Трофим открыл ворота для выезда со двора михайловской машины, Бакс быстро нырнул в щель между открывавшимися воротами на улицу, осмотрелся в разные стороны, видимо, оценивая обстановку, и коротко дважды тявкнул, давая знать хозяину, что беспокоиться не о чем – опасности нет.

Глава 13

... Денис рос в нормальной московской семье. Кроме него у его отца с матерью была дочь, младшая сына на два года. Жили они со средним, по советским меркам, достатком. Но с приходом демократии их жизнь превратилась в кошмар. отца с матерью, по сути дела, уволили с работы, отправив в неоплачиваемый отпуск на неопределенный срок. Государство поступило хитро: уволенный таким образом работник не мог получить статус безработного, получать худо-бедно пособие по безработице, а устроившись куда-нибудь на временную работу мог вылететь с прежней в первую очередь.

Это несчастье надломило родителей и они ударились в беспробудное пьянство, пропив почти все, что было в доме.

Но все таки Денис смог закончить школу, хотя ему и приходилось часто пропускать занятия в школе, подрабатывая на рынке и в автомастерской. Очень рано каждым утром он бегал на рынок и за мизерную плату помогал торговцам ставить палатки, а вечером их снимать. В промежутки между этой работой он подвизался на должность мальчика – «куда пошлют» к известнейшему мастеру, автослесарю с большой буквы Викентьичу, который взял Дениса в подручные мастера. От Викентьича перепадало не так много, но этих денег вполне хватало на продукты, тетради и ручки для сестры. Кроме того, Викентьич, видя как парень надрывается, чтобы хоть что-то заработать своей семье и оценив природный ум, сообразительность, техническую смекалку, память и настойчивость Дениса, пообещал тому, что уже через полгода тот станет его, Викентьича, компаньоном в деле с достойной оплатой труда.

Жить они перебрались к соседке по лестничной площадке, сердобольной старушке, которая их жалела и приняла к себе жить до лучших времен. Родители не обратили внимания, что дети почти перестали приходить со школы домой, потому что всегда были пьяны или «болели» с похмелья.

Денис перетащил к соседке вещи сестры, которые еще не успели пропить отец с матерью и потихоньку зажили новой семьей.

Но на этом их испытания не закончились!

В Москве прокатилась волна «вербовок» учениц старших классов школ и студенток в качестве наложниц, актрис порнофильмов и в бордели. Бизнес этот в нашей стране был новым и армии «вербовщиков» бросились в московские школы и институты подбирать для себя и богатой клиентуры необходимый контингент.

Появились они и около школы, где учился Денис со своей сестрой Мариной.

Однажды сестра сказала, что ее одноклассник познакомил Марину с парнем лет двадцати трех – двадцати пяти, который представился Максимом и предложил ей хорошую, высокооплачиваемую работу в своей фирме. При этом школу бросать необходимости не было – в его фирме должны работать только образованные девушки.

Денис понимал, что скрывалось под «высокооплачиваемой работой» и категорически запретил сестре встречаться с Максимом, а сам стал более внимательно относиться к младшей сестренке. Ему приходилось, к великому неудовольствию Викентьича, после уроков встречать и провожать Марину. К тому же сестра по вечерам занималась в школьном кружке английского языка, и таким образом Денис потерял работу на рынке.

Но и на этом их бедствия не кончились. В духе демократического времени и реформы среднего образования в школе изучение английского языка сделали платным удовольствием.

Здесь опять объявился Маринин одноклассник и предложил ей поправить трудное финансовое положение семьи с помощью его друга Максима. Он весьма красочно объяснил девушке, что она по всем статьям подходит одному очень богатому и известному человеку в

стране и, после соответствующей «учебы и подготовки» она сможет работать в эскорте своего нового боса либо выступать на подиуме в качестве модели или манекенщицы.

Денис вечером того же дня отыскал этого одноклассника и в «популярной» форме объяснил ему необходимость оставить сестру в покое. Парень, вытирая кровь, струившуюся из расщепленной губы, «пообещал» передать их разговор Максиму. Денис уловил угрожающие нотки в его словах, но значение не придавал – Денис был крепким парнем и мог один спокойно противостоять пятерым нападающим. Этому мастерству он обучился посещая секцию русской самообороны, которую вел их учитель физкультуры, бывший офицер – спецназовец и афганец, втайне от директора школы.

Но ответный удар Максима и компании был круче.

Сначала на следующий день к ним на квартиру заявился участковый и показал заявление Маринино одноклассника о «бандитском» поведении Дениса. Денис спокойно и подробно начал рассказывать пожилому капитану, в связи с чем возникла драка. Но участковый его слушать не захотел и грубо перебил:

– Не знаю и не хочу знать, что вы не поделили, но, если хочешь жить без приключений, найди общий язык с этой компанией.

– Но вы же понимаете, что эти сволочи хотят на самом деле? – распалился Денис. – Наверное, вы спите и во сне видите такую судьбу для своей дочери?

– Моя дочь никогда не попала бы в такую историю!

– А если бы попала, что бы вы делали: били рожи этим гадам или преспокойно пересчитывали полученные от них деньги?

– Сопляк! – сорвался участковый. – Как ты смеешь меня в чем-то упрекать и учить? Разбирайся сам! И смотри, на моем участке, чтоб такого впредь, я имею ввиду драку, ни-ни! А то мигом окажешься в кутузке и срок схлопочешь. А в местах, не столь отдаленных, тебя научат уму разуму! Умник!

Денис не был умудренным опытом житейской мудрости человеком. Но здесь он понял, что в этом визите что-то не так: неужели из-за какой-то незначительной драки, к тому же без свидетелей, так распалился участковый.

После ухода капитана Денис подошел к окну и был поражен: вышедший из подъезда участковый направился к иномарке, возле которой стояли одноклассник Марины и ... Максим, которого сестра показала в школьном дворе несколькими днями раньше. Компания молча слушала представителя органов правопорядка, они пожали друг другу руки, и капитан показал на окна квартиры, где проживал Денис с сестрой. Максим, видимо, не сразу нашел нужные окна, и одноклассник ему показал точнее. Заметив в окне Дениса, Максим с наглой улыбкой помахал ему рукой, компания села в машину и укатила, оставив на тротуаре у подъезда старого участкового.

Денис опустил в стоящее тут же у окна кресло и стал лихорадочно соображать, что делать в сложившейся ситуации, когда даже милиция на стороне этих подонков.

И здесь он вспомнил свою крестную, которая сейчас проживала в одной из южных республик СНГ. Она давно приглашала их к себе в гости, но времена изменились и с развалом Советского Союза все связи с крестной были утеряны. Но необходимы были деньги, а где их взять?..

Глава 14

... Прошел май, наступил июнь. В пришедшей в начале месяца из Москвы дипломатической почте ответа на запрос Михайлова в отношении Трофимова не было. Поэтому Сергей решил не беспокоить стариков – ветеранов до следующего приезда дипкурьеров. К тому же Сергею было немного стыдно перед ними: за все время так и не удосужился просмотреть полученные от них документы.

“Если Трофимовы не беспокоятся, то смогут потерпеть и до июльской почты. Посол на совещании объявил, что награды для ветеранов войны и материальная помощь придут только в следующем месяце. Но все же надо послать дежурную машину к старикам домой и предупредить, что все переносится на месяц”.

Сергей тут же на компьютере набросал письмо к Трофимовым с извинениями, в котором сообщил последние новости по их вопросу и пообещал навестить в начале июля.

Однако какое же удивленное выражение лица было у Сергея, когда водитель дежурной машины сообщил, что письмо не передал, так как по указанному на конверте адресу Трофимовы не проживают и никогда не жили.

– Так мне сказал хозяин дома, местный житель, – добавил водитель.

Михайлов забрал письмо и, обдумав сложившуюся ситуацию, решил вечером сам съездить к старикам, резонно рассудив, что произошла какая-то ошибка.

Вечером подъехав к уже знакомому дому и помня наставления деда Трофима о хозяйской собаке Сергей постучал в калитку ворот и отошел к своей машине. Через мгновение Михайлов услышал поскуливание пса и его мощные удары лап по калитке с внутренней стороны двора.

“Я так и думал, что рассыльный ошибся”, – пронеслось в голове Сергея.

Через минуту послышалась человеческая речь, непонятная Сергею, калитка открылась и на пороге молодой дипломат увидел ... своего соседа по воздушному путешествию из Москвы в столицу республики.

Бывший попутчик очень обрадовался, увидев Сергея.

– Заходи, заходи, гостем будешь. Как мир стал мал и узок! В таком большом городе встретились два случайных попутчика. Тебе, друг, не кажется, что по этому поводу есть необходимость произнести очень красивый тост, – с заметным акцентом произнес тот.

Сергей стал отказываться, сославшись на занятость и необходимость вернуться в Посольство, но попутчик, представившись Георгием, уже подвел его к дому. Михайлов окончательно пришел в себя от столь неожиданных событий и, представившись, сказал:

– Извините, Георгий, очень приятно снова с Вами встретиться, но я не к вам в гости. Я приехал сюда по посольским делам к Трофимову Игорю Вячеславовичу, а Вы его знакомый?

– Нет, – с явным удивлением ответил собеседник, – не знаю я никакого такого Трофимова.

– Ну как же, – начал снова Сергей, – мы с ним встречались буквально недели две – три тому назад именно вот в этом доме. Я познакомился здесь с его женой. Здесь мы поужинали, а потом целый вечер беседовали. Не мог же я ошибиться домом. К тому, насколько я знаю, у Вашего народа не принято строить два абсолютно одинаковых дома.

– Конечно, дорогой, у нас никакой хозяин не потерпит, чтобы где-то, пусть даже на другом конце республики, стоял точно такой же дом. Это полностью исключено. Ты просто, наверное, ошибся. Или в тот день выпил немного больше, чем положено. Всякое бывает.

– Да, нет же, я был именно в этом доме, – и Сергей вкратце описал комнату, где он находился с четой Трофимовых в тот вечер.

– Ну так зайдем и посмотрим. История, прямо тебе скажу, как в кино про Шурика. Помнишь, как оно называлось?

– “Операция “Ы” или новые приключения Шурика”, – ответил Сергей, все более убеждаясь, что он здесь уже был, хотя мебель и обстановку не узнавал.

– Вот в этой комнате мы сидели. Там, – Сергей указал на одну из дверей, – должна быть кухня – хозяйка оттуда приносила угощения. Здесь, – Сергей повернулся к другой двери, – кабинет хозяина.

– Ты все правильно говоришь, дорогой. Вот у нас кухня и столовая, вот – мой кабинет. Но здесь никогда не жил твой Трофимов, здесь живу я, – с пафосом ударив себя в грудь, произнес Георгий.

– Ну тогда я вообще ничего не понимаю!

– Не бери в голову, дорогой. Ты у меня в гостях, присаживайся, указал “теперешний” хозяин дома на роскошное кресло в углу комнаты.

Георгий подкатил к гостю столик на колесиках, на котором были различные напитки, конфеты и фрукты.

– Оригинально мы с тобой, Сергей, познакомились, да? – хозяин сел напротив. – Что будешь пить? Есть прекрасное домашнее вино.

– Нет, спасибо, я за рулем.

– Сергей, ты меня просто удивляешь, у тебя такие номера, что ни один гаишник не остановит. Вон американские дипломаты не ездят, а летают и плюют на всех наших постовых. Одни вы, русские, правила соблюдаете. Так что налить?

– Тогда, пожалуйста, стакан апельсинового сока.

– Что, совсем не пьешь?

Михайлов улыбнулся:

– А что делают с соком? Едят?

– А у тебя неплохо с чувством юмора, – рассмеявшись Георгий достал пачку “Мальборо”, размял сигарету, сунул ее в рот, закурил. – В таком случае я тоже пожую сок.

– Извините, Георгий, спасибо за угощение, но я должен идти. Из-за сегодняшнего вечера у меня может быть завтра довольно хлопотный день, да и ночь тоже.

– А в чем дело дорогой?

– Я думал, что здесь проживает один старик – ветеран, и должен был передать ему письмо из Посольства, а теперь, где мне его искать, если я действительно ошибся?

– А ты, Сергей, оставь письмо у меня. Вдруг с вашим стариком подобная, как у тебя, история случится и он заглянет ко мне в гости. Я его тогда и обрадую. Как тебе мое предложение?

– Предложение хорошее, но на случай рассчитывать не приходится. Как говорят военные, снаряд дважды в одну и ту же яму не попадает.

– В воронку, дорогой, в воронку, – поправил гостя Георгий. – Ну, хорошо, как хочешь.

Сергей поблагодарил хозяина и поспешил собираться. Георгий особо не настаивал и провел Михайлова во двор. И здесь Сергей обратил внимание на пса. Кавказская овчарка была та же и сидела на том же самом месте, что и в прошлый раз, и внимательно наблюдала за действиями людей, не забывая при этом осматривать двор, ворота и забор.

– Бакс, Бакс, – негромко позвал собаку Сергей. – Ведь это же Бакс, собака Трофимова, я же Вам говорил, что бывал здесь, а Вы меня почти убедили, что я ошибся адресом.

Обрадованный Михайлов сделал несколько шагов по направлению к собаке, но неожиданная реакция пса на его движение заставила Сергея поспешно ретироваться к наблюдавшему за всем происходящим хозяину дома. Овчарка с оскаленной пастью приняла боевую стойку в готовности атаковать непрошеного наглеца, действия которого были для нее не совсем понятными.

– На место, Фунт, – приструнил пса Георгий и обратился к своему гостю. – Не бойся его, дорогой, это по своей натуре хорошая и добрая собака, наш защитник. Фунтом называли

– так это, чтобы было в духе времени. Фунт, – позвал овчарку Георгий, – ко мне. Это друг, иди познакомься.

Фунт быстро поднялся, подбежал к Сергею, сделал вокруг него круг, обнюхал, потерся о ногу и не спеша с достоинством побрел на свое место – знакомство, как и в случае с Баксом деда Трофима, состоялось.

– Вот и хорошо, вот и познакомились. Теперь Фунт будет тебя узнавать.

Михайлов продолжал внимательно следить за поведением пса Георгия и Фунт в точности повторил все действия Бакса, когда хозяин дома открывал калитку ворот.

Сергей улыбнулся, достал из папки письмо для Трофимова и протянул Георгию.

– Что это, дорогой?

– Я принимаю ваше предложение, – с улыбкой сказал Сергей, – вдруг, действительно, к Вам старик – ветеран зайдет, как и я, тоже по ошибке и обратится к Вам. Тогда передайте ему от меня привет и скажите, что я решил брать у него уроки немецкого языка.

Глава 15

Денис был на грани отчаяния – нигде не удавалось раздобыть хоть какую-то мало-мальски приличную сумму для поездки к крестной. Понимая, что его с сестрой так просто из столицы не выпустят, юноша всем, к кому обращался за помощью, говорил о трудностях в связи с необходимостью оплаты занятий по английскому языку для сестры.

Шайка Максима обнаглела до крайности: при встрече вежливо здоровались, интересовались здоровьем и успехами Марины в учебе, выражали готовность оказать посильную помощь, предлагали деньги в качестве беспроцентной ссуды. Денис, памятуя наказ участкового, в свару с людьми Максима не вступал. Но парень чувствовал, что долго так продолжаться не может, и темные тучи все больше сгущаются над его головой.

Марина тоже изменилась, оценив всю заботу брата, когда подружки рассказали одну историю, связанную с компанией Максима.

Оказывается, эта банда в одной из столичных школ организовала самый настоящий притон. Некоторые ученицы были вовлечены в занятие проституцией, а клиенты посещали школу под видом пап, старших братьев или других родственников. Дело было поставлено на широкую ногу. Сутинерами работали одноклассники девочек, а выручка доставалась Максиму и иже с ним. Говорили, что, якобы, в доле были и директор школы с завучами, но потом на следствии это предположение вроде бы не подтвердилось.

Никто не знает как, но один из родителей девочек узнал о подпольном школьном публичном доме, собрал таких же, как и он сам, пострадавших отцов, и они решили, переговорив с директором школы, сделать засаду и вывести всех на чистую воду.

Но не тут-то было. Об их намерении каким-то образом узнала группировка, куда входила банда Максима. Вечером того дня, когда родители собрались в школе для сведения счетов с шайкой, прямо в одном из школьных кабинетов на них напало человек сорок подростков, вооруженные деревянными и железными колами. Используя фактор внезапности и свое численное превосходство они избili бедных отцов, которые не смогли оказать никакого серьезного сопротивления. При этом нападавшие старались причинить как можно больше боли и несчастья поверженным: после побоища они подходили к каждому из лежавших и ломали кости, нанося удары железными прутьями. При этом каждому отцу, если уместно так выразиться, досталось по одному увечью.

Следствие, естественно, ничего не вскрыло и никто наказан не был, а прокурор открыто заявил, что виноваты взрослые, которые заранее не обратились в милицию с заявлением, сами пытались устроить разборку с подростками, тем самым спровоцировав драку. А на вопросы, каким образом банда оказалась в школе, где и кто ее прятал до прихода родителей, поименный состав банды, прокуратура ответ не дала, сославшись на тайну следствия.

Но подобное происшествие многому научило именно группу Максима: они стали действовать более осторожно, а контингент вербовали себе только на принципах добровольности, все больше заманивая легкими деньгами, импортными шмотками, спиртным, а то и наркотиками, создавая непереносимые условия жизни в семье и обучения в школе.

Марина понимала, какая угроза нависла над братом, и всячески старалась ободрить и поддержать его. Она пыталась сама решить свои проблемы, но одна из подружек, которая уже год работала на Максима, намекнула ей, что сколько бы Денис не тужился, ни защищал и провозжал сестру, плетью обуха не перешибешь, и Марина в недалеком будущем окажется в максимовом «гнезде». Так что лучше раньше, зато получишь больше. Кроме того, ее сосватали какому-то крутому бизнесмену, и, по словам подружки, он через пару – тройку лет отпускает своих наложниц (а по научному, эскорт-девушек), одаривая квартирами, машинами, нарядами

и хорошими деньгами, пристроив их к неплохим людям. О том же, примерно, говорили и другие ее знакомые девчонки и подруги.

Марина не выдержала столь сильного психологического прессинга и сломалась. Однажды после очередного разговора с приятельницами на эту тему девушка вынуждена была дать предварительное согласие подумать над предложением Максима. Тут же на переменке между уроками к ней подошел одноклассник и заверил ее, что, если она примет предложение Максима, будет всю жизнь кататься, как сыр в масле, и благодарить их. А пока они согласны подождать ее решение ровно две недели. При этом выражение его лица было весьма довольным и ему, по всей видимости, не терпелось побыстрее доложить своему шефу столь прекрасную новость.

Видя неприкрытую радость на физиономии одноклассника, Марина расплакалась, схватила сумку и убежала с уроков домой. Дениса в это время, естественно, не было дома. Расстроенной девушке необходимо было кому-то излить душу, или, как говорят, поплакаться в жилетку. И она обо всем рассказала их квартирной хозяйке.

Старушка выслушала ее и к удивлению Марины сказала:

– Это судьба, внучка, а от судьбы не уйдешь! Соглашайся, может так и найдешь свое счастье в этой жизни! Ты на себя глянь-ка в зеркало, тебя будто из масла с медом в шарик скатали. Да и на брата посмотри: извелся весь Денис, тебя охраняя, и на учете в милиции стоит. А годков-то сколько ему? Восемнадцать в начале лета стукнуло. Значит осенью забреют парня в солдаты. Ты останешься одна, а кругом эти бандиты! Как ты с ними совладаешь? Силой возьмут где-нибудь в кустах или подъезде, тогда никому нужна уже не будешь

– А если уехать из Москвы? – воспрянув духом предположила Марина.

– А куда? Ведь у вас ни одной родной души нет в мире!

– Есть! Брат говорил, что где-то живет наша крестная мать. Она давно нас уже приглашала к себе в гости. Я думаю, не откажет и пожить нам немного в своем доме.

– А где она живет? – поинтересовалась старушка.

– Не знаю. Но Денис точно ее адрес знает. Он сейчас деньги собирает на поездку, – сказала Марина и тут же осеклась – Денис строго на строго предупреждал никому – ни родителям, ни подругам, ни их квартирной хозяйке – не говорить, куда они собираются поехать.

– Ну, да ладно! Будем думать, что парень знает, что творит. Дай Бог! – сказала старушка и перекрестилась, глядя на образа, висевшие в красном углу комнаты.

Хозяйка собралась на рынок за продуктами, а Марина позвонила в автомастерскую брату предупредить, что она уже дома и за ней не нужно заходить в школу. Денис спросил только: «У тебя все нормально?» – и, услышав положительный ответ, положил трубку.

Домой он пришел радостный – Викентийч обещал помочь деньгами, выдать аванс за три месяца вперед без всяких условий. Но услышав рассказ сестры о событиях в школе и беседе с хозяйкой расстроился. Особенно ему не понравилось то, что Марина рассказала об их планах.

– Но ведь она старая и добрая, – стала защищать квартирную хозяйку девушка, – видишь, приютила нас, квартплаты не требует.

– Вот то-то и оно, что не требует, – произнес Денис. – Странно! Человек живет на одну пенсию, а еще посадил двух человек себе на шею. Странно это!

– Набожная она, в Бога верит, живет библейскими законами и ценностями, – продолжала защищать старушку Марина. – Да и ты к столу какие ни на есть, а приносишь деньги. Значит, мы вовсе не сидим у нее на шее. И с родителями нашими она хорошо знакома, дружила с ними еще в те, хорошие времена.

– А про милицию откуда она знает?

– Может участковый перед тем, как с тобой поговорить, расспрашивал ее о нас с тобой? Во всяком случае так в детektивах пишут.

– Ну, хорошо! Поживем, увидим! Садись за уроки, детектив. Я сегодня после ужина пойду в мастерскую к Викентьичу – работа у нас срочная. К тому же, Викентьич обещал помочь в финансовом отношении, – устало потягиваясь сказал брат.

Глава 16

Дальнейшие события не заставили себя долго ждать.

На следующий день Посол вызвал Михайлова со всеми документами по работе с ветеранами войны и другими общественными организациями русской диаспоры.

В кабинете Трубецкого к удивлению Сергея кроме консула Степашина, непосредственно отвечающего в Посольстве за этот участок работы, находились советники Головачук и Станков (среди посольского персонала ходили слухи, что они официальные представители некоторых наших силовых структур и по совместительству советники в подобных местных учреждениях), офицер безопасности Васильченко и военный атташе Голубев.

Трубецкой начал совещание с общих фраз о необходимости особого внимания к вопросам жизни, а вернее существования и выживания, в этой республике российских граждан. В этой связи он предложил, чтобы группа ответственных работников Посольства регулярно выезжала к каким-нибудь ветеранам войны или вооруженных сил и знакомилась с бытом и нуждами наших соотечественников, а при необходимости и оказывала посильную помощь.

– Дайте-ка нам, уважаемый Сергей Альбертович, кого-нибудь из Ваших списков, а вас, – обратился он к присутствующим, – господа, прошу сегодня съездить по двум – трем адресам, которые даст господин Михайлов, и встретиться с ветеранами фронтовиками.

– Список у меня с собой, – ответил Сергей, – а адреса возьму из досье. Только давайте выберем, к кому ехать.

Советники взяли списки, бегло просмотрели указанные в них фамилии и Станков на листочке записал несколько фамилий.

Михайлов не глядя взял протянутый Станковым листок и поспешил в консульский отдел выписать адреса. По пути он забежал к дежурному коменданту Посольства и предупредил, чтобы водитель – механик подготовил его машину к выезду. Однако оказалось, что утром от офицера безопасности поступило указание проверить техническое состояние автомобилей младшего дипломатического состава и при необходимости провести обслуживание. И как на зло, в михайловской машине обнаружили неисправности в тормозной системе и рулевом управлении.

– Теперь недели две промурыжат Вашу машину, Сергей Альбертович, – посочувствовал Виктор Иванович – дежурный комендант, – потому что техосмотр затеяли не вовремя – у бухгалтера нет денег в кассе, а когда будут – неизвестно. Но, если Вам понадобится машина после рабочего дня, я Вам дам какую-нибудь разгонную.

Сергей обрадовался, что на период ремонта безлошадным не останется, и пошел выполнять поручение.

Придя в свой кабинет и взглянув на список Станкова Михайлов аж присвистнул – на листке красивым канцелярским почерком было выведено: Суднев, Драгомиров, супруги Трофимовы.

“Повезло же деду Трофиму, опять к нему гости собрались, – подумал Сергей, но тут же снова удивился. – А ведь в моих списках Игорь Вячеславович Трофимов и его супруга не указаны, потому что я туда вносил данные только тех, на кого у меня есть подтверждающие документы о российском гражданстве. Тогда откуда Станков взял фамилию Трофимова? А если у него есть данные на Трофимова, то в чем интерес Станкова к старику? И если эти господа заинтересовались Трофимовым, то значит, что все о чем мы говорили с дедом в тот вечер – правда! И как сейчас быть, ведь дед Трофим по указанному адресу не проживает!”

Сергей еще некоторое время поразмышлял, схватил листок с фамилиями, порылся в своих досье, сделал несколько записей и поспешил к Послу.

– Вот, Владимир Васильевич, приготовил. Но я заменил одну фамилию, так как этот ветеран сменил место жительства. Вчера я посылаю к нему дежурную машину и водитель сказал, что семья гражданина Трофимова по указанному мною адресу не проживает, а других данных по нему нет: ни где проживают родственники, ни где работает.

Докладывая Послу Михайлов наблюдал за Станковым и Васильченко: на лице Станкова не дрогнул ни один мускул и, казалось, он к докладу Сергея не проявляет никакого интереса, по лицу же офицера безопасности пробежала лишь тень наподобие улыбки или ухмылки.

Посол сделал небольшое внушение, что необходимо более внимательно подходить к вопросу работы с нашими гражданами с тем, чтобы мы могли найти их в любое время для оказания им помощи или защиты их интересов.

– А это не тот Трофимов, который бомбил нас своими патриотическими обращениями. Если тот, то на бланках его писем есть адрес их ветеранской организации, – вставил реплику ранее молчавший консул Степашин.

– Я проверил, Сан Саныч: юридический адрес указанной организации ветеранов оформлен на домашний адрес Трофимова.

– Вообще-то странно, Владимир Васильевич, – наконец-то вставил слово Головачук. – Выходит, мы потеряли не только семью ветеранов – пенсионеров, но и целую организацию, официально зарегистрированную в республике.

– Я думаю, – обратился к Послу Степашин, – что, судя по частоте обращения этого Трофимова в консульский отдел, можно ожидать его появления у нас в конце этого месяца. Так что, еще не все потеряно и Сергей Альбертович сможет отыскать своего пропавшего ветерана. Консульских сотрудников на этот счет, Владимир Васильевич, я поставлю в известность.

– Сан Саныч, я проверил: вот уже два месяца от Трофимова не поступало никаких обращений, – сказал Михайлов.

– Да-а-а, – протянул Трубецкой глядя на Станкова, – детектив или шпионский роман какой-то получается. Остается нам только ждать – вдруг ваш ветеран объявится. Все, если вопросов нет, то советника Шевцова и офицера безопасности попрошу остаться, а остальные могут быть свободны.

Глава 17

Немного отдохнув после ужина, Денис направился к себе на работу. Подходя к гаражам, где размещалась автомастерская Викентьича, он еще издали увидел, что в автомастерской произошло несчастье. Из ворот боксов, где стояло оборудование и ремонтировали машины, валил дым. Кругом носились люди, владельцы соседних с автомастерской гаражей, таскали воду из противопожарных бочек и тушили горевшую в боксе у Викентьича машину.

– Что случилось? – спросил Денис у пробежавшего мимо дорожного дядьки с буденовскими усами.

– Да, хулиганье, вроде тебя, Викентьичу в гараж бутылку с зажигательной смесью бросили. Прямо в машину клиента попали. Но это ничего! Осталось бы здоровье, а машину Викентьич сделает, лучше новой будет!

– А с Викентьичем что? Жив?

– Жив-то он жив, да уж сильно его, бедолагу, побили, а за что никто не знает – широкой души человек ведь! Его скорая в Склиф отвезла, а мы с одним из его подмастерьев, Григорием, пожар тушим. Давай и ты включайся в работу, а то как бы не перекинулось на гаражи, и пожарные что-то задерживаются, никогда их вовремя не дождешься, – мужик, бурча себе под нос, побежал к пожару с ведром воды.

Через минуту, завывая сиренами, к гаражам подкатили пожарные машины. С огнем пожарники справились за пять минут, залив его пеной. Затем вместе с подоспевшей опергруппой милиции составили протокол укатили в депо. Молодой оперативник, переписав все анкетные данные Григория и Дениса, приказал им быть завтра утром в отделении на допросе.

Григорий сказал, что заночует здесь же в гаражах у приятеля, да и за автомастерской присмотрит – ведь оборудование-то цело, сгорела лишь одна машина, да и то только салон. Денис сказал, что зайдет за ним рано утром, принесет чего-нибудь перекусить, и они вместе пойдут в милицию к следователю. На том и расстались.

Подходя к дому, Дениса кто-то окликнул по имени. В сумерках он не видел этого человека, но голос показался знакомым. Из темноты к нему вышел их участковый. «Что ему надо в такое позднее время?» – подумал с тревогой юноша. Участковый был одет в форму, подпоясан портупеей, на которой болталась кобура с пистолетом. В руках он держал старую потертую кожаную папку, с которой, находясь на службе на своем участке, не расставался никогда. Денису показалось странным экипировка милиционера, которого никто и никогда не видел опутанного ремнями и с оружием.

Участковый был высоким худым человеком лет пятидесяти с сероватым лицом, лысоватым, полуседым, с глубокими морщинами на лбу и щеках. Патрулируя свой участок, он всегда был в форме, правда, старого образца и никогда не брал с собой оружия. Старый милиционер знал, что с оружием в наше трудное время он будет отличной приманкой для преступников и просто шпаны, которой развелось на наших улицах предостаточно. А применить свой табельный «макаров» он и не смог бы – не хватило бы смелости выстрелить в человека. Еще в послевоенный период будучи младшим лейтенантом и получив участок в одном из старых районов Москвы, при задержании преступника молодой милиционер вынужден был открыть огонь по убегающему бандиту. Тогда у него был мощный армейский ТТ. Но на беду в створе с бегущим преступником на линии огня оказалась девушка-студентка, возвращавшаяся после занятий на вечернем отделении университета.

Три пули, выпущенные милиционером, попали точно в цель, но две из них, пробив грудь бандита, полетели дальше и попали в девушку, внезапно появившуюся из-за угла дома.

Эта история тяжелым камнем до сих пор лежала на душе и совести капитана. И с тех пор капитан не носил с собой пистолет. А в нынешнее тяжелое время она получила продолжение.

Однажды к нему заявился посетитель, парень лет двадцати пяти, и заявил, что он является сыном той девушки, которую по неосторожности или по трагической случайности подстрелил милиционер. И хотя участковый был тогда по окончании специального внутреннего расследования МВД признан невиновным, он сразу же почувствовал, что ответственен за этого парня. А тому, видно, это и было нужно.

Капитан, в буквальном смысле, заплясал под его дудку – стал выполнять его некоторые поручения, хотя и понимал, что в ряде случаев нарушает Закон. Но и парень в долгу не оставался. Каким—то непонятным для старого участкового образом помогал тому раскрывать правонарушения и мелкие преступления на его участке, за что последний не раз премировался руководством и считался лучшим участковым в московском ГУВД.

Вот и сейчас, по просьбе своего нового знакомого, он второй раз шел к Денису. Милиционер понимал, что предстоящее дело противозаконно, но отказаться не мог, потому что был уже достаточно втянут в мелкие нарушения законодательства, о которых, в случае его отказа, по словам его знакомого, тут же станет известно руководству. Настоял этот парень и на том, что участковый должен быть обязательно вооружен, дал ему пистолет и пояснил, что нужно делать.

... – Зайдем-ка, Денис, на пару минут к тебе. Разговор есть, – начал милиционер.

– А здесь нельзя поговорить? – сразу бессознательно почуввав тревогу, огрызнулся юноша.

– Нет, лучше поговорить спокойно, в домашней обстановке за чашкой чая.

– Тогда милости просим, – с широким жестом пригласил Денис своего участкового.

Дома никого не было. На столике в прихожей Дениса ждала записка от Марины, в которой говорилось, что она пошла на телеграф вместе с хозяйкой, которая получила приглашение на телефонные переговоры.

Денис провел гостя в свою комнату и приготовил чай. капитан от угощения отказался и сразу перешел к делу:

– Хочу с тобой, Денис, поговорить открыто, по-мужски. Ты меня послушай и постарайся не перебивать. Времена сейчас наступили тяжелые и не все зависит от нас. Так вот, долго объяснять тебе не буду, но твоя сестра сильно уж понравилась одному хорошему человеку и он хотел бы взять ее к себе на проживание и в услужение. Это очень известный и очень богатый человек, имеет большой вес в обществе, да и знакомства у него, сам понимаешь... Короче говоря, как бы ты не тужился, а сестра твоя, Маринка, рано или поздно уйдет от тебя. И еще не известно, куда и в какие руки она попадет. Так что мой тебе совет: покорись судьбе, отпусти сестру. Лучше будет для всех.

– И для вас, наверное, тоже! – вспыхнул Денис. – И вам отвалили от общего пирога. Раз вам нравятся такие хорошие условия, то почему бы вам не предложить этому «известному и богатому» человеку одну из своих дочерей: и ей под ним хорошо, и вы, может быть, майора по благу получите! А?!..

– Заткнись, щенок! Я хотел с тобой по-хорошему, а ты нарываешься на неприятность. Ну, тогда пеняй на себя! Я тебе еще не все сказал. Твой Викентьич поплатился своим здоровьем и мастерской за то, что захотел, видите ли, в обход боса денег тебе, дураку, дать на поездку к тетке или крестной, не помню. Но ты сам это лучше меня знаешь. И знаешь, кто это устроил, такой же подмастерье, как и ты!

– Кто? Григорий?

– Он самый! Он тоже их человек! Есть у них еще один человек, который знает, куда вы собираетесь наводить лыжи. Догадываешься, кто?

– Хозяйка! – грохнул по столу кулаком Денис. – И зачем только Марина открылась ей?

– Верно! И если мы сейчас с тобой не договоримся по-хорошему, тебе будет ой как плохо, понял?! Да и для тебя заготовлена уже повестка в армию, и могу тебе сказать, куда ты попадешь служить. В Чечню! Но обратно ты уже не вернешься. Вернее, вернешься, но в цинковом ящике.

А если попробуешь сачкануть службу в наших доблестных вооруженных силах, то ждет тебя примерное наказание, годика на три – пять исправительно-трудового учреждения где-то на Магадане. А там тоже не любят дезертиров. Так что и оттуда ты тоже не вернешься.

– Ах, ты, старая сволочь! Продался этим гадам, а теперь... – сжимая кулаки, привстал парень. – Теперь ты меня послушай! Я завтра пойду к твоему начальству и расскажу обо всем, что ты мне здесь нарасказывал. А как только получу повестку, буду знать, что это подарок от тебя, старая б....., и твоих хозяев. И пусть меня посадят, если словят, конечно, но твоей милой семейке не жить. А тебя не трону, чтобы ты жил и радовался за своих дочек – они тоже получают «богатого и знаменитого» в моем лице! Сволочь! Убирайся из моего дома!

– Значит, угрожаешь еще, сопляк! Видно, не понимаешь, с кем связался! Тогда получи! – поднимаясь крикнул участковый.

Их разделял стол. Капитан, поднимаясь, толкнул стол на парня. Тот, не ожидая нападения, не удержал равновесия и завалился на диван. В это время милиционер достал из папки газетный сверток и швырнул его содержимым в Дениса. Тот инстинктивно закрыл лицо руками и отвернулся к стене, лишь услышал какое-то непонятное цоканье, напоминавшее звук рассыпавшихся пуговиц, по стенам и полу. Затем что-то довольно тяжелое ударило по колену.

Денис сгруппировался и повалился на пол, быстро огляделся и не заметив явной опасности быстро вскочил на ноги. Участкового уже не было, а на полу блестела золотыми звездочками россыпь патронов. На диване валялся больно ударивший его пистолет.

«Надо быстро все собрать и выкинуть, а то эта сволочь пришьет хранение оружия!» – подумал Денис и, опустившись на колени, стал лихорадочно собирать разлетевшиеся в разные стороны по комнате патроны.

В это время раздалась трель звонка. Денис, прижимая к груди пистолет и дюжину патронов, бросился к входной двери. Но его тут же остановил голос из-за дверей:

– Откройте, милиция, сопротивление бесполезно! – и сразу же затрещала дверь под напором чьего-то сильного тела.

Денис бросился обратно в комнату, лихорадочно соображая, что делать? Паники не было. Было лишь чувство необходимости собственного спасения, чтобы потом, в будущем, отплатить этим негодьям. На какую-то долю секунды он вспомнил о Марине. «Нет! – размышлял одно мгновение парень. – Ее они не тронут, пока меня не поймают, побоятся! Сейчас главное спрятаться, залечь где-нибудь и переждать некоторое время. Но прощать им этого нельзя, никогда. И карать, карать, карать!!!»

Засунув одну пригоршню патронов в карман джинсов, а пистолет в кожаную папку, которую в суматохе забыл на столе участковый, Денис открыл балконную дверь, перебросил свое тело через решетку, сильно оттолкнулся и прыгнул на ветку, свисавшую к их балкону, и через пять секунд он уже бежал через сквер к соседним домам.

Наступившая ночь моментально скрыла его от глаз преследователей.

Глава 18

На следующий день Михайлов вместе с Головачуком, Станковым и военным атташе съездили к ветеранам. Во время этой поездки никто в разговорах не возвращался к теме вчерашнего совещания у Посла, и Сергей стал думать, что произошла обычная в этих делах случайность.

По возвращении в Посольство от дежурного коменданта Сергей узнал, что Васильченко через день – два заменяется и уезжает в Москву, его заменщик уже сегодня прибыл, а сам Сергей Валентинович после работы устраивает прощальную вечеринку.

На гулянке, где собралось почти все посольское население, было шумно и весело. Сергей, прилично припоздав, незаметно зашел в банкетный зал, на время созданный из комнаты для посетителей консульского отдела.

Веселье было в разгаре и, казалось, никто не заметит появления Михайлова, но тут неожиданно к Сергею подошел мужчина лет сорока с фигурой известного актера Жан-Клода Ван Дамма. Накаченные мышцы его шеи не давали голове поворачиваться и поэтому он поворачивался всем корпусом, а когда он шел к Сергею, то складывалось такое впечатление, что навстречу приближается не человек, а скульптура.

– Макаров Василий Семенович, – представился незнакомец, – новый помощник Посла по вопросам безопасности, а проще – заменщик Сергея Валентиновича.

– Очень приятно, – ответил Михайлов представляясь.

– О, Сережа, ты что-то опаздываешь и выглядишь каким-то измученным, – раскачивающейся походкой и с рюмкой водки к ним подошел Васильченко.

– Да, нет же, я в хорошей форме, тебе просто кажется.

– Вы, я вижу, уже познакомились. Вот и хорошо. Вам же работать вместе почти три года. И еще, Сережа, я тебя попрошу сегодня не пить. Видишь ли, я по случаю замены позволил себе немного перебрать и поэтому кому-то необходимо после вечеринки доставить мой организм домой в целостности и исправности, а других трезвых, кроме тебя, нет.

– Но моя машина на техобслуживании, – напомнил Сергей.

– Поедешь на моей, а потом ты поставишь ее к себе в гараж, а завтра утром приедешь прямо в Посольство не заезжая за мной, – продолжал еле ворочая языком Васильченко.

– Но ведь можно взять и дежурную машину, – вставил Макаров держа в руках невесть откуда взявшуюся второй стакан со спиртным, по-видимому, для Сергея.

– Сегодня вечер для дежурного дипломата, сам ты видишь, выдался довольно-таки напряженным, поэтому лучше будет, если машина останется у него – всякое может случиться. Мой тезка водит нормально, мою машину ему можно доверить. Мы сначала отвезем тебя в гостиницу, Василий, потом ко мне, а далее, Сережа, действуй по своему плану, – лукаво усмехнулся Васильченко, – дело молодое.

Михайлова это несколько не устраивало. Он хотел лишь отметить и тихонько свалить домой почитать документы Трофимова, но что-то подсказывало ему не перечить Васильченко.

Когда вечеринка закончилась и девушки из техсостава Посольства приступили к уборке застолья, Сергей с Василием, крепко держа под руки основательно нагружившегося спиртным уже бывшего офицера безопасности Васильченко, направились к его машине.

Во время застолья Сергей обратил внимание на некоторые отличия в поведении Васильченко и Макарова. Сергей Валентинович пил мало, но быстро пьянел так, что к концу мероприятия был уже, что называется, готов; целый вечер веселился и цеплялся ко всем, кроме Михайлова, с разными шуточками и подколками. Василий Семенович, в свою очередь, был собран, сдержан и немногословен, видимо, сказывалась новая обстановка, произнес к месту пару тостов, но выпивал свою рюмку до дна после каждой кем-то произнесенной речи. И, как

показалось Сергею, несколько раз бросал на него пристальный взгляд, будто пытался прочитывать мысли Михайлова на расстоянии.

Глава 19

Никого, кроме родителей, школьных друзей и Викентьича, у кого можно было бы спрятаться на какое-то время, в городе у Дениса не было. Но если его уже разыскивают, то наверняка им известны все адреса, где можно найти Дениса. Так думал юноша, все дальше убегая от своего жилища.

Он и не заметил, как ноги инстинктивно привели его к дому школьного учителя по физкультуре.

«То, что мы занимались боевым самбо, кроме членов нашей секции не знал никто. Учитель всегда скрывал наши тренировки от зорких глаз директора школы. Может эти бандиты и не смогут хотя бы какое-то время выйти на него!» – размышлял Денис и, приняв решение, направился к подъезду, где проживал его тренер по рукопашному бою.

– Николай Александрович, – с порога выпалил Денис, – я влип в скверную историю и мне не к кому идти, кроме вас. Может быть вы что-нибудь мне посоветуете в этой ситуации.

– Да, ты проходи, Денис. Что ты стоишь на пороге? Заходи на кухню, а там за чаем все и расскажешь, – глядя на взволнованного парня сказал учитель.

За чашкой крепкого чая Денис рассказал свою историю, а в конце рассказа вынул из папки милиционера пистолет и патроны к нему.

– Да, ты прав, история очень скверная. Я тебе верю и понимаю, что тебя, по большому счету, подставили и объявили вне закона. Но вот тебе мой совет. К крестной ехать бесполезно. Во-первых, они знают, а, если не знают, то скоро будут знать ее адрес. Во-вторых, через границу без документов тебе не пробраться. А тебе надо уходить именно за границу, иначе на российской территории тебя будут искать и бандиты, и милиция с госбезопасностью. С документами я тебе помочь не могу – нет у меня в Москве таких знакомых, а путь-дорожку укажу и немного деньжатами помогу. Но, если где-то проговоришься, что был у меня и получил здесь кров и помощь, мне придется очень плохо. Ты должен это понимать.

– Я теперь все это очень хорошо понимаю, Николай Александрович, на мой счет можете не беспокоиться – могила! – горячо заверил наставника парень.

– Я тебя, Денис, знаю и верю в твою правоту и порядочность. – Физрук вынул из кухонной стенки маршрутные карты российских областей, расположенных южнее Москвы и в течение часа нарисовал маршрут, по которому Денису предстояло двигаться в ближайшую неделю.

Николай Александрович подробно объяснил, какими видами транспорта следует добираться до того или иного населенного пункта, где пересаживаться, сколько, примерно, стоит проезд, где следует купить продуктов, где останавливаться на ночлег. Особенное внимание он уделил горам.

Глядя на уставшее и взволнованное лицо юноши, тренер сказал:

– Лучше было бы, конечно, если бы ты, Денис, выучил все это наизусть, но у нас нет времени. Бери эту карту и береги ее как зеницу ока. С ней ты доберешься до хороших людей, там же получишь помощь. Когда здесь все стихнет, я через них дам тебе знать. Когда устроишься, я постараюсь таким же путем переправить к тебе и Марину, но наверняка тебе этого обещать не могу – видишь в каких условиях мы с тобой живем. Ну, да, ладно! Не вешай нос, командор! Надо верить в правоту своего дела, и тогда победа будет за нами. Если меня вдруг не окажется на месте, держи со мной связь через жену мою, понял?

Николай Александрович достал туристский рюкзак, сложил в него пару тельняшек, туалетные принадлежности, несколько банок консервов, хлеб, соль и перочинный нож.

– А пистолет и патроны ты должен оставить у меня, я их спрячу. Они приведут тебя в лапы этих сволочей.

– Спасибо вам, Николай Александрович! Присмотрите за Маринкой, а то она пропадет.

– Постараюсь. Но главное, береги себя. Будет с тобой все в порядке, тогда и сестру из этого дерьма вытащишь. Так что, дерзай! Удачи! – они обнялись и попрощались.

– Папку участкового я вам тоже оставлю. Мне она в дороге ни к чему.

– А что в ней? – поинтересовался физрук.

– Не знаю, посмотреть не успел.

Николай Александрович быстро раскрыл папку, достал из нее несколько стандартных листов бумаги, исписанных мелким почерком, и быстро пробежал их глазами.

– Вот это да! – воскликнул он. – Твой участковый довольно подробно описывал все случаи своего неблагоприятного участия в деятельности банды этого самого Максима. И про тебя и твою сестру здесь есть кое-что. Так что это твоя охранная грамота; как только ты доберешься до надежных людей и дашь мне об этом знать, я сниму копии с этих документов и отправлю куда надо, а потом посмотрим, чья возьмет! А пока прощай и торопись! Теперь, надеюсь, до скорого свидания!

Из города юноша выбрался удачно и всю дорогу, пока ехал пригородной электричкой, учил маршрут своего предстоящего вынужденного путешествия. Но на следующий же день какие-то бомжи или воры вытащили у него из кармана карту и деньги.

О деньгах Денис не так расстроился, как о карте, но, заставив работать память, на газете огрызком карандаша заново нарисовал весь маршрут движения. И обрадованный двинулся в дальнейший путь. Но пропажа карты вскоре дала о себе знать.

Однажды ночью он проснулся на скамейке краевого железнодорожного вокзала от неясной тревоги. Вокруг было все тихо. В полупустом зале на скамейках дремали, ожидая ночной поезд, пассажиры с чемоданами и сумками. Осмотревшись и не обнаружив ничего подозрительного, Денис хотел было продолжить внезапно прерванный сон – ему предстояло преодолеть один из последних участков своего маршрута – но взгляд его привлек клочок бумаги, лежавший рядом с ним на скамейке.

Это была вырезка из одной бульварной газетенки столицы. Кто ее положил рядом с ним, Денис не видел. Час назад он занял эту скамейку в зале ожидания и не видел этого клочка бумаги. Парень взял ее в руки и в душе его похолодело: с газетной фотографии на него смотрел ... улыбающийся Денис.

Денис лихорадочно начал читать небольшую газетную статейку.

«Все более изоциренными становятся способы расправы молодых парней над своими родителями. На днях в Москве произошел ужасный случай. Восемнадцатилетний Денис Пересветов во время ссоры двумя выстрелами в голову убил своих родителей. Из-за чего произошла разборка между членами семьи неизвестно, но последствия ее оказались ужасными. Сестра Дениса, Марина, узнав о содеянном братом, потеряла сознание и долго не могла прийти в себя. Сердобольные родители одного из ее одноклассников взяли девочку к себе в семью. Вечером этого же дня работники милиции выследили молодого убийцу: тот захватил в заложники своего учителя физкультуры в собственной квартире, его жену и восьмилетнего сынишку. Уговоры на преступника не действовали. Тогда группа быстрого реагирования местного отделения милиции приняла решение штурмовать квартиру педагога. Пересветов открыл стрельбу, в результате чего был убит учитель физкультуры школы, где ранее учился Денис, и смертельно ранен участковый, на территории которого проживала семья Пересветовых. Преступнику при загадочных обстоятельствах удалось скрыться. Мы публикуем фотографию Дениса Пересветова и контактные телефоны отделения милиции. правоохранительные органы просят граждан оказать помощь в задержании преступника.»

У Дениса все поплыло перед глазами. «Этот клочок газеты не спроста оказался рядом со мной. Тогда кто его положил: друг или враг? Но до друзей еще далеко! Значит враги. Тогда нельзя находиться на вокзале ни минуты», – так размышлял про себя Денис, медленно, якобы, с ленцой направляясь к выходу с трудом сдерживая себя, чтобы не побежать. Ничье внимание

не привлек выход Дениса из помещения вокзала, никто из ожидающих поезда даже не шелкнулся, но парень чувствовал, как чей-то взгляд уперся ему в спину. Этот взгляд неизвестного сыграл свою роль – Денис опять обрел уверенность в своих силах и теле.

Уже будучи далеко от вокзала и отдышавшись, Денис стал обдумывать сложившуюся ситуацию.

Откуда неизвестные узнали, что Денис примерно в это время будет находиться в этом месте? Здесь Денис еще мог дать более – менее вразумительный ответ: им в руки каким-то образом попала его маршрутная карта. Тогда они могут встретить его где-нибудь по пути и расправиться.

Кто убил его родителей, Николая Александровича, участкового и за что?

В чьи руки попала Марина? Того ли одноклассника Максима?

Почему статейка из газеты датирована числом, когда Денис уже два дня был в пути? Кто это подстроил?

На эти вопросы он не мог себе дать ответ. Были одни лишь догадки.

Как он оказался в горах у Исмаила, когда и при каких обстоятельствах был ранен, кто его перевязывал, Денис также ничего не мог сказать вразумительного.

Да, и Исмаил не очень-то и старался. Но он прекрасно понимал: если уж нашли парня там, в долине среди людей и населенных пунктов, то в горах специалистам найти его будет не так уж и трудно.

Глава 20

Сопроводив Макарова домой и отъехав от гостиницы Васильченко вдруг протрезвел, перелез на ходу с заднего сиденья на переднее пассажирское и обратился к Сергею:

– Сережа, ты извини меня, я видел, что тебе поскорее хотелось уйти, но нам необходимо с тобой серьезно поговорить. Дело обстоит так, что поговорить тет-а-тет нам не удастся, просто не дадут, а недавние, известные тебе события стали разворачиваться с такой быстротой, что никто не сможет предугадать ход их развития.

– Какие еще события? Ты, наверное, немного сегодня вечером с этим делом, – Сергей выразительно щелкнул себя по горлу, – переборщил.

– Ты не думай – мое пьяное состояние, это всего лишь ширма. Необходимо было кое-кому пустить пыль в глаза.

– Этому Макарову, что ли?

– Верно примечаешь. Алкоголь его не берет и вымотать его невозможно. Крепкий парень, черт его побери. Так что слушай меня внимательно, братец. Моя машина была все время под присмотром надежного человека, поэтому поговорить без посторонних ушей мы сможем только здесь и только сегодня, – при этом Васильченко развернул зеркало заднего обзора на себя и внимательно осматривал дорогу.

Было уже темно, уличное освещение давно уже не работало, а улицы были пустынными.

– Сейчас, Сережа, поверни направо и остановись у этого дома прямо на тротуаре. Поговорим здесь, а заодно и посмотрим на разные телодвижения наших друзей.

– Да, о чем ты говоришь? Как будто за нами кто-то охотится. Как в кино прямо!

– Ты слушай лучше и не перебивай. У меня есть друзья в Москве, верные друзья, Афганом проверенные. Так вот, они меня предупредили, что новый офицер безопасности, этот самый Макаров, сотрудник ФСБ – Федеральной службы безопасности.

– Ну и что, я думаю, это вполне логично.

– Да, логично. Но такого раньше не бывало. Обычно эту должность и должности телохранителей Посла занимают офицеры департамента комплексной безопасности МИДа. Кроме того, нынешних ребят телохранителей тоже заменяют на оперативников из того же ФСБ. Трубецкой этот факт мне пояснил необходимостью укрепления безопасности Посольства. Но ты заметь, Посол говорил это мне, глядя куда-то в сторону. Ты к нему еще не пригляделся, а я знаю его не первый год. Если Владимир Васильевич под чьим-то давлением говорит своим сотрудникам неправду, он никогда в глаза не смотрит. Таким образом он дал мне понять, что приезд в наше Посольство четырех оперативных работников ФСБ не случаен.

– Ну, хорошо! А я причем здесь? – не так уверенно возразил Сергей. Он уже стал догадываться, о чем пойдет дальше речь.

– Ты мотай себе на ус и сопоставляй. С последней почтой пришли какие-то “ценные указания” Головачуку и Станкову. Они посоветались о чем-то между собой и попросили у Посла копии всех запросов, которое делало Посольство в прошлом месяце. Заведующая канцелярией принесла необходимые документы, в том числе и ...

– ...на Трофимова.

– Молодец, кумекаешь хорошо. Слушай дальше. Так как все бумаги были за подписью Посла и консула, то им, Головачуку и Станкову, понадобилось узнать, кто готовил запрос на Трофимова. Степашин указал на тебя. Под видом необходимости оформления каких-то кадровых вопросов в МИДе тебя и еще, для пущей видимости, пару молодых дипломатов заставили написать подробные автобиографии. Но они легли на стол не чиновника в МИДе, а Станкова. Затем Станков потребовал от меня, чтобы я и мои люди присмотрели за тобой “для обеспечения твоей безопасности и выяснения, чем ты дышишь и что у тебя внутри”, – Васильченко

умело скопировал хриплый голос советника. – Я ему сказал, что скоро заменяюсь и функциями, которые не свойственны моему департаменту, заниматься не буду. Тогда Станков сказал, что своим отказом я подал ему отличную идею, поблагодарил меня и отпустил.

А два дня назад я получил письменное распоряжение за подписью советника – посланника и Станкова об отправке твоей и еще одной машины на техническое обслуживание. Усекаешь, Сережа, просто им, а я уверен, что здесь высвечивается не только фигура Станкова, необходимо лишить тебя мобильности. Ну, а сегодня пришлось мне накачать свой организм алкоголем и казаться в дупель пьяным, чтобы Макаров не подумал, что я хочу с тобой о чем-то пошептать в сторонке. У тебя дома на телефоне автоответчик имеется?

– Да, неделю назад поставил новый аппарат с автоответчиком и автоматическим определителем номера.

– Не удивлюсь, если наши покровители проявят о тебе заботу и надиктуют какие-то сообщения для тебя. Но продолжу. Не удивляйся, но я был знаком с Трофимовым. Игорь Вячеславович мне рассказывал про свои архивы, а вот, где он раньше работал или служил – ни слова. Поэтому я предполагаю, что вся канитель вокруг Трофимова связана с тремя вещами – непосредственно с документами архива, непосредственно с прежней работой или службой Трофимова или с теми реальными финансовыми возможностями его организации, о которых он писал в своих письмах. А может со всеми тремя вместе взятыми.

Ну, а с Трофимовым я встретился год – полтора назад совершенно случайно. У нас в Посольстве дипломатов и технического персонала было мало, и Посол поручил мне, даже не поручил, а попросил заняться вопросом подбора служебного жилья для наших сотрудников. Вот мы и подыскивали служебную квартиру для дипкурьеров. И в одной из них я встретился со стариком. Он представился давним другом хозяйки. Квартира была слишком хороша для курьеров, прибывающих всего на два – три дня, и мы решили забронировать ее для прибывающих членов нашей миссии. Догадываешься, кто сейчас въехал в эту квартиру?

– Неужто я?

– Вот именно. Не буду вникать в подробности наших встреч, а их было три, но на последней встрече Игорь Вячеславович попросил меня помочь отыскать одного человека, своего однополчанина, если можно так выразиться. Он сказал, что своего знакомого можно найти через любое адресное бюро Москвы, а лучше через ГУВД Москвы, где есть возможность проверки. Мы, как это и положено, составили письменный запрос и отправили через МИД в московское ГУВД. Адресату запрос по какой-то причине не попал. МИДовские чиновники скорее всего заволокнули. Но и Игоря Вячеславовича с тех пор я не встречал, а о его организации и обращениях в Посольство даже не подозревал.

– И какой из этого вывод?

– А вот ты вспомни, что ты указывал в своем запросе по делу Трофимова, которое так заинтересовало Станкова и Головачука?

– Только фамилию, имя и отчество, год и место рождения, номер, серию паспорта, когда и кем выдан, номер и дату получения гражданства и просил проверить по всем имеющимся учетам.

– Вот именно. Ты составил запрос по всей форме, принятой в наших заграничных представительствах в нормальных государствах дальнего зарубежья.

– Да, это устоявшаяся практика.

– А в ближнем зарубежье введена так называемый облегченный учет российских граждан, то есть фамилия, имя, отчество, некоторые другие паспортные данные, сведения о гражданстве. И все это учитывается лишь в департаменте консульской службы МИДа. Твой запрос попал тоже к нормальному дипломатическому работнику – нормальному в том смысле, что он получил определенный опыт либо в командировке в дальнем зарубежье, либо собаку съел на

консульской службе. И этот нормальный сотрудник отправляет данные Трофимова для проверки по всем учетам. Куда ты думаешь?

– В ФСБ, МВД, Службу внешней разведки и министерство обороны, – Сергей, как школьник, шлепнул себя ладонью по лбу, – и именно в СВР и ФСБ к персоне Трофимова проявили интерес. И сейчас мне пришла в голову мысль, что именно этот старик во время нашей первой встречи в консульском отделе подсказал мне формулировку “проверить по всем видам учета”. Но зачем ему нужен весь этот шум? И что может означать его исчезновение вместе с супругой и всей ветеранской организацией. Что это там впереди? Должно быть сигнализация на какой-то машине сработала, – указал Сергей на мигающие впереди в метрах ста габаритных огнях.

Васильченко, оглядываясь по сторонам, казалось не обратил внимания на слова Сергея.

– Я думаю, что все, кто был в этой организации, уже переехали в Россию на постоянное место жительства и выйти через них на Трофимова нашим друзьям будет очень трудно. Видимо старик и это предусмотрел. А вот по поводу шума, как ты выразился, у меня такие соображения. Можешь считать меня ненормальным, но, по моему разумению, Трофимов сознательно организовал эту карусель вокруг своего имени. В первый раз он действовал через меня, зная, что я офицер безопасности, и прямо указал, куда необходимо отправить запрос. В ГУВД, да и в МВД в целом, есть особый перечень вопросов, по которым последние должны в обязательном порядке связаться с ФСБ и наоборот. Как ни грызутся эти службы между собой, но этого положения они не нарушают. Однако первая попытка Трофимова не удалась – письмо где-то затерялось. Время тогда было напряженным: расстрел Белого дома, смена властей, выборы в Государственную Думу и так далее. Второй же раз он стал действовать через тебя. И здесь ему повезло. Добросовестный молодой дипломат сделал все так, как нужно старику. В результате мы и имеем эту круговерть.

– Все логично. На последней нашей встрече Трофимов просил о помощи в продолжении его дела, как он сказал, борьбы с фашизмом. Но это всего лишь, я думаю, прикрытие. Здесь у него какие-то другие интересы.

– И в этом я с тобой согласен. Но учти, на сегодняшний день здесь за рубежом для Станкова ты остаешься единственной ниточкой, связывающей Трофимова и непонятные интересы станковской службы. Чуют мои раны, что влипли мы с тобой в очень неприятную историю, папахивающую могильной прохладой.

– Ну, вот, опять как в кино! Все ужасами и длинной рукой КГБ пугаешь.

– Нет, предчувствую.

– И причем здесь ты? Ведь в этом деле замешен я один.

– Да пойми ты, – повысил голос Васильченко. – Если спецслужбы или какая-нибудь мафия взяли за Трофимова, то они выйдут и на первое его обращение в ГУВД и того, кто его готовил, то бишь на меня. В результате я стану такой же ниточкой, как ты, только в Москве.

– Ну, если только в этом дело, то я завтра раненько приеду в Посольство и до начала рабочего дня пороюсь в архивах и сопру копию, которая у нас обязательно должна быть.

– А что ты будешь делать с подлинником? В Москве-то?

– Так ведь ты говорил, что она пропала?

– А вдруг нет? Вдруг просто подшили в дело и забыли о ней? Тогда Станков и компания, узнав о пропаже копии в архиве консульского отдела, твои поиски в нем, получит в свои руки дополнительный козырь против нас. Это еще хуже. В данном случае, мне представляется, необходимо передать ход нашим друзьям и посмотреть за их телодвижениями. Вот что, я оставляю тебе все мои координаты, по которым меня можно будет найти в Москве, а ты меня ставь в известность, как здесь будут развиваться события.

– Хорошо. Но мне кажется, ты несколько преувеличиваешь.

– Дай Бог, дай Бог, – растягивая слова проговорил Васильченко пристально глядя в зеркало заднего вида.

Глава 21

В темной пыльной комнате стояла старая металлическая кровать, застеленная прожженным в нескольких местах ватным одеялом, грязный, залитый бурой жидкостью стол, несколько стульев и покосившийся трехдверный шкаф с зеркалом. На маленьком современном телевизоре «Сони» стоял оклад от иконы. Святой лик заменяла мятая, небрежно вырванная из журнала репродукция Рублевской «Троицы». Саму икону хозяин квартиры загнал на рынке, когда понадобились средства на выпивку, и, как человек набожный, до сих пор раскаивался в этом, по ночам, когда был трезвым, на коленях молил прощения у репродукции.

– Как, Пчелка, все карманы облегчаешь? – осведомился Костыль вытаскивая из сумки бутылку «Киндзмараули».

Силеверстова Афанасия Михайловича прозвали Пчелкой еще в далекой молодости, когда он в первый раз попал на нары за мелкое воровство – в голодные годы украл из заводской столовой буханку хлеба, за что был приговорен к трем годам и отправлен в «СЛОН» – соловецкий лагерь особого назначения – для перевоспитания.

В лагере его действительно «перевоспитали» – через год за примерное поведение он вышел высококвалифицированным вором-карманником. А примерное поведение Афанасия заключалось в том, что в самых тяжелых и суровых условиях содержания в Соловецком монастыре он ухитрился разводить соорудить пчел и баловать свежим медком лагерное начальство.

Начальник лагеря не хотел отпускать парнишку на свободу, а даже наоборот – прибавить ему дополнительно годков пять. Но Пчелка сумел-таки втолковать тугодумному энкавэдэшнику, что на свободе он лично ему, начальнику лагеря и начальнику его оперативной части принесет больше пользы – каждые полгода будет высылать по бочонку меду, что намного больше, чем получали с лагерной пасеки. (Получал начальник лагеря в действительности немного, так как большая часть уходила для укрепления здоровья воров в законе и прочим воровским авторитетам, считавшимися социально близкими к руководству страны, чем осужденные по известной пятидесят восьмой статье).

Таким образом, Пчелка оказался на свободе, но, к чести сказать, слово свое он сдержал и свежий мед всегда был на столе начальника лагеря, пока вскоре он сам не стал политическим заключенным.

– Не, надоело. Я теперь самый что ни на есть законопослушный гражданин. Веду честную жизнь – бутылки собираю. Штучка – полтыщи. На площади у трех вокзалов, а иногда, если конкуренты проспят, то и в электричках. Место рыбное. Все знают, что я там промышляю. Ни одна паскуда конкурентная на мою территорию не сунется. Меня там уважают.

– И как у тебя с деньгами? – спросил Костыль, разливая вино по стаканам, которые его напарник тщательно, с мылом, отдраил в ванной.

– Так себе. В принципе, если поднапрячься, за день можно до сотни штук насшибать, но расходы уж очень большие. Сам знаешь, почему горючее для моего «ржавого мотора».

Пчелка опрокинул стакан, налил себе еще, а бутылку спрятал в шкаф, пояснив:

– Соседке остатки. Пусть порадуется. Кто же о ней, старой, еще позаботится.

– Да уж, какой ты внимательный – радость – на склоне лет, – Костыль вытащил из кармана две хрустящие сотенные купюры. – Новенькие, только из банка.

– А мне-то что?

– Викентьяча знаешь?

– Это который по машинам? Знаю. Его хотели вместо вас, сорванцов, к суду за кражу привлечь, но кто-то подсобил и отмазали. Гуманисты, как сейчас в газетах пишут.

– А Григория, Дениса, которые у него подмастерьям работали? Ну, что пожар в его мастерской учинили?

– Знаю. Денис совсем малой, лет семнадцать. Вежливый, здороваётся. Уважает меня. А Григорий – это ваш человек. У нас бают, что это его рук дело.

– Пусть, что хотят твои кореша говорят. Мне этого малого, Дениса, найти надо. Он смылся куда-то. И срочно нужен. Получишь еще пять бумажек.

Костыль знал, к кому обратиться. Пчелка с его общительным характером и авторитетом ловкого вора знал все о столице и ее окрестностях: о жизни местных наркоманов, грабителей, убийц. А с Григорием и Денисом жил по соседству, так что ему и карты в руки.

Пчелка посмотрел купюру в сто тысяч на просвет.

– Ты еще на зуб попробуй.

– Ладно. И не из-за денег, а токма лишь из душевного к тебе отношения, Костылечек. Мы ж друг друга уважаем, правда, брат мой?

– Узнаю, что динамишь... – сразу же решил предупредить старика Костыль.

– Ладно, ладно, не маленький...

К порученному делу Пчелка отнесся со всей ответственностью. Пришлось побегать, попотеть. Зато, когда вновь объявился Костыль, Пчелка небрежно протянул ему мятый тетрадный листок, исписанный корявым почерком.

– Вот тебе адреса, где его можно найти. Гони бабки...

... – Работать надо, а не теории строить! – хлопнул ладонью по столу начальник УВД. – Чтoб мальчишка был найден. В самое ближайшее время.

Генерал был взвинчен, так что досталось и начальнику уголовного розыска, и Квасову Кириллу Климовичу (или в простонародье среди работников уголовного розыска – Трика – три буквы «К») как старшему группы по раскрытию недавних четырех убийств.

Упреки были определенно незаслуженными. Да, под руку генералу лучше было бы не попадаться, но начальственные громы и молнии отскакивали от Квасова, как дробь от танковой брони. Он делал свое дело, а что об этом думают наверху или внизу, или вообще где бы то ни было – его совершенно не волновало.

Дурное расположение духа начальника управления было вполне объяснимо. В последние дни неприятности посыпались одна за другой. Лейтенант-гаишник, напившись до умопомрачения, не поладил со своим сослуживцем – самогонщиком – разошелся в определении стоимости продукта, после чего хотел попугать табельным пистолетом, спьяну выстрелил, отправив на больничную койку. Это раз. На улице хулиганы налетели на подвыпившего участкового, и пока тот пытался объяснить – мол, не надо грубить, драться, – его отколотили и оставили без «черемухи» и пистолета. Это два. Ну а третье – утром угнали оперативный уазик с рацией, радиотелефоном и двумя задержанными в кормовом отсеке машины.

– Ну что, досталось тебе от маршала нашего? – спросил Кононенко, сучающе шелкающий семечки.

– Плевать хотелось, – отмахнулся Квасов.

– Кир, у тебя еще сотню тысяч рублей на мою бедность не найдется? – перевел разговор Кононенко.

– Что, Леночка и мою сотню успела оприходовать?

– Нет. Жена софу купила.

– За полтинник?

– Остальные теща дала.

– Ясно, – Квасов достал из кармана пять мятых десятков.

– Вместо мальчишки ты софу искал.

– Нет, мальчишку я тоже искал. Мы искали. И ищем.

Дениса на самом деле искали. Искали профессионально. Ориентировки, работа по связям, подключение гласных и негласных возможностей милицейского механизма. Этих самых возможностей вроде бы и немало, но пока все было впустую.

– Работать надо, как пчела, – поддел напарника Квасов. – Ас сыска. Придумай что-нибудь.

Кононенко работал в розыске почти что с детства с двадцатилетнего возраста. Шестнадцать годков службы, опыт и отличная зрительная память снискали ему славу человека – компьютера. Преступный мир он знал, пожалуй, лучше всех в отделе, не раз выручал при раскрытии опасных преступлений.

– О, елки—палки! – Кононенко с размаху хлопнул себя по лбу ладонью. – Пчелка, точно!

Пчелку Кононенко знал хорошо. И Пчелка знал старшего оперуполномоченного тоже неплохо. А еще лучше знал, чем он ему обязан. Однажды, будучи совершенно невиновным (правда, лишь в том преступлении), карманник подозревался в серьезном деле. Блестяще разобравшись в этой истории, Кононенко выручил его. А еще помнил Пчелка, что после этого был вынужден делиться сведениями строго конфиденциального характера. В результате этого бешеный Чингиз, на совести которого было пять убийств, был пристрелен при задержании, а группа Салаяна, трясающая подпольных миллионеров Корейко, получила долгую «прописку» в местах лишения свободы. За подобные услуги уголовному розыску Пчелке полагалось наказание, вовсе не относящееся в преступном мире к разряду исключительных – смерть.

Пчелка не получал с угрозыска денег и на бутылках зарабатывал поболее, предпочитал хитрить и морочить оперативников. Но при нажиме из него можно было порой выдавить ценные сведения.

Узнав, кто такой Пчелка, Трика пожал плечами недоверчиво:

– Думаешь, он может что-то знать?

– Не знает, так узнает. Такой жучок и проныра, каких поискать... Загружаемся в «БТР» и понеслись.

Когда зеленые «Жигули» остановились у добротного, восьмиэтажного, пятидесятих годов постройки, дома, которые в народе именуются генеральскими, Квасов удивился:

– Этот ханыга в таком доме проживает?

– Ну, да. Тут еще крутые новорусские бизнесмены и директор «почтового ящика» живут. Это опера в хрущобах ютятся, а карманнику не положено.

На звонок в дверь долго никто не открывал. Наконец-то послышались шаркающие шаги, и дверь медленно, со скрипом открылась.

– О, Василий батькович, извините, запамятовал отчество, как я рад тебя видеть! – Пчелка покачивался, от него несло перегаром, под глазами лежали синие тени. Он попытался придать своему помятому лицу счастливое выражение.

– Привет, Пчелка.

– А товарища твоего что-то не узнаю.

– Еще узнаешь, – успокоил его Квасов.

В комнате, пригласив незваных гостей сесть, Пчелка как бы невзначай положил газету на край стола. Кононенко заметил этот маневр, приподнял газету и ткнул пальцем в пять хрустящих сотенных купюр нового образца.

– Откуда?

– Да так, отдают люди старые долги.

– Помощь твоя требуется. Не откажешь?

– Как можно, – наигранно бодро отозвался Пчелка.

– Надобно одного человечка найти.

– Все кого-то ищут.

– Кто «все»?

– Да так, к делу не относится. Кого искать? – спросил Пчелка, поднимаясь с кровати. Он плеснул себе в стакан воды из литровой банки с этикеткой «маринованные огурцы» и начал жадно глотать.

– Соседа твоего, – Кононенко положил на стол две фотографии парня. – Дениса.

Пчелка поперхнулся и судорожно закашлялся. Откашлявшись и вытерев рукавом лицо, пряча глаза, он покачал головой:

– Я его плохо знаю. Где искать? Я человек старый, больной, всеми позабытый – позаброшенный.

– Не прибедняйся. Пчелка, а то у меня сейчас слезы на глаза навернутся, – усмехнулся Кононенко.

– Не, тут глухо. Хотя, конечно, можно попытаться, но я не гарантирую, потому что... – начал вяло тянуть вольты Пчелка, и стало понятно, что искать никого он не намерен.

– Значит, считай, что тебе не повезло, – негромко произнес Квасов.

– Это почему? – насторожился Пчелка. Этот человек ему не нравился. Похоже, он относится к худшей категории легавых – угрюмым фанатам. Такие, чтобы раскрутить дело и зафиксировать какого-нибудь беднягу – урку за решетку, готовы земной шар перевернуть вверх ногами.

– Потому что я человек трепливый, – Квасов вытащил сигарету, подошел к окну, распахнул форточку, чтобы проветрить комнату, и затыкнулся. – Могу невзначай проболтаться кому-нибудь, о твоих «подвигах» на благо правосудия.

– Василий батькович, что он говорит? Это же нечестно! Мы же всегда с вами по-человечески.

– Мне очень жаль, Пчелка. Я к тебе со всей душой, – развел руками Кононенко и, придвинувшись к Пчелке, прошептал. – Как раз сейчас прокурор проводит пресс-конференцию. Все ребята уже там.

Старик внимательно посмотрел на оперативников, что-то обдумывая в своей голове.

– А, ладно, – махнул он рукой. Достал из шкафа школьную тетрадку и ручку и стал что-то быстро писать – память у старика была отменной.

Оперативники, прочитав записку, в безмолвии и удивлении уставились на карманника. А тот, предвосхищая вопросы, рассказал все, что знал о Денисе.

Когда потрясение прошло, Трика спросил Пчелку:

– Так мог этот парень совершить эти страшные преступления?

– Не-а! Его уже в городе не было. А как только появились ваши цветные расклейки, одну из них с моим верным товарищем послал вдогонку, чтобы предупредить. Знаете как: предупрежден, значит вооружен, – изрек он древнюю мысль.

– Значит против нас работаешь?

– Нет, я против вас живу. А парень, чувствую, попал в беду. Но учтите, последний адресок с хитрецей. Номер дома-то я Костылю как раз на десяток уменьшил. Подумал, если найдет он Дениса, подумает, что я спяну ошибся, а не найдет – парню повезет. Вот так!

Глава 22

Жизнь в «имении» была хороша. Через недельку – другую Денис собирался покинуть гостеприимного хозяина местных гор. Исмаил решил лично провести парня через горы по одному ему известным тропам, показать места ночлегов и схронов, свести с нужными людьми на той стороне, которые помогут при крайнем случае. Еще одна неделя подготовки к их путешествию, и они будут готовы с Божьей помощью двинуться в неблизкий путь.

Но жизнь распорядилась по-своему.

Однажды утром Дениса разбудил Арслан и жестом показал, чтобы парень следовал за ним на улицу.

У выложенной из камня пристройки стоял Исмаил и что-то разглядывал на противоположном склоне плато в мощный, еще с военных времен, цейсовский бинокль.

– Давай собирайся! Кажись, джигит, пришел нам час двигаться в путь! – с тревогой и одновременно грустью в словах невесело промолвил горец.

– А что случилось? Ведь собирались только через неделю! – недоумевал Денис.

– А ты глянь сюда! – сказал Исмаил, протягивая Денису бинокль и рукой указывая место, которое он минуту назад так усердно рассматривал.

Денис навел бинокль на нужное место и увидел мелкие точки людей, около десяти, и какие-то продолговатые мешки или тюки, которые ровным рядом лежали на снегу.

– Что это за люди?

– Явно не гости. Хорошие люди предупреждают о своем приходе заранее и не высаживаются с вертолета за несколько километров от своего пункта назначения.

– Они, что, прилетели на вертолете?

– Да, вертолет высадил их на северном склоне плато и улетел. Их всего десять человек и шесть снегоходов, если ты заметил.

– Значит, то, что лежит на земле, это снегоходы. А почему тогда они не приземлились вблизи нашего дома?

– Мы находимся хоть и не намного, но все же выше того места, где высадились эти люди. А вертолет, скорее всего военный, старый и даже такую высоту не смог преодолеть. Это было видно, когда он уходил домой – вертолет шел низко над самыми скалами и ледяным плато. В это время его и услышал Бек, вожак моей упряжки. К тому же, если они ищут меня или тебя у меня, то никто во всем мире не знает мест, где я оборудовал свои схроны. В долине есть только один человек, который знает наверняка, на каком плато или у какой горы я буду находиться какое-то определенное время.

– А если этот ваш человек и привел сюда этих людей? Может быть они милиционеры и он сотрудничает с ними?

– Нет, ни с кем он сотрудничать не будет, – уверенно сказал Исмаил. – Его можно только заставить либо силой, либо купить за хорошие деньги.

– Значит, если этот человек сейчас находится в той группе, то тогда получается, что это бандиты – милиция не смогла бы ни выбить из него сведения, ни хорошо заплатить, – сделал вывод Денис.

– Да, я тоже об этом подумал. Выходит, к нам пожаловали очень плохие люди, – убрав бинокль от глаз произнес Исмаил, – мой человек с ними. У нас еще есть немного времени. Они немного порыщут по плато пока не напорются на наши вчерашние следы нарт. Тогда они быстро доберутся до нас. Смотри, они уже тронулись, пора и нам собираться.

Исмаил направился к сакле.

– Арслан, быстро запряги собак!

– Собаки не кормлены, не дадутся мне – покусают, – отозвался Арслан.

– Тресни Бека остолом, он сразу же на место поставит. Быстро!

Арслан убежал. Исмаил торопил Дениса:

– Куда мы?

– Не спрашивай. Главное – вырваться...

Старик заметил, что большая часть преследователей остановилась, напорвшись на следы нарт, и сейчас, по-видимому, решают в какую сторону продолжать поиски. Другие забрались на одиноко торчавшую из снега скалу. В бинокль Денис увидел, что эти люди неплохо вооружены, а на скале они развернули зонтик спутниковой связи.

– Чего копаешься? – окликнул его Исмаил. – Потом будешь природу в бинокль рассматривать.

Денис стал быстро грузить поклажу на нарты, которые Арслан уже запряг и выгнал во двор.

– Плохие люди! Плохие люди там! – крича на ходу прибежал Арслан указывая рукой на приближавшуюся вереницу снегоходов.

– Не кричи! Лучше возьми коробку с патронами и уложи в нарты под ноги, – оборвал «управляющего» горец, передавая Денису трехлинейную винтовку времен первой мировой войны и два таких же по возрасту карабина. – Они нас уже видят. Ступай через двор как можно спокойнее, оружие сложи в нарты, но не вздумай их привязывать.

– Понял. – И парень ушел...

Арслан, вернувшись, сказал:

– Уж как запряг – не спрашивай, Исмаил-джан.

– И то хорошо. Давай прощаться!

Преследователи, обнаружив жилище Исмаила и остановившись, из отдаления наблюдали, как во дворе сакли два пожилых человека протянули друг другу руки и обнялись. То, что Арслан запряг собак, а теперь вернулся к дому, озадачило их.

– Денис-джан! – крикнул горец. – Ты готов?

– Как пионер, всегда готов! – донеслось в ответ.

Собаки уже ожидали хозяина. Вожак стаи, кавказская овчарка Бек, привел в порядок всю свору и сейчас тихим рыком настраивал на тяжелую работу других собак. Упряжка здесь в горах была, скорее всего, не беговым, а тягловым средством передвижения. Беку передавалось настроение людей и чувство опасности, которое исходило от прилетевшей утром странной птицы и людей, которые выскочили из ее чрева, поэтому он был как никогда сосредоточен и повизгивал от нетерпения. Другим собакам настроение людей передавалось через Бека, который при необходимости послушавшегося пса бил могучей лапой по загривку и рычал, но при этом не допускал, чтобы в стае возникла ссора, а тем паче драка, и не пролилась кровь. Кроме того с утра собак не кормили, а это означало только одно – свой кусок мяса нужно добросовестно и честно отработать.

Исмаил видел напряжение собак. Он подошел к Беку и ласково потрепал жоака за ухом, заглянул в умные собачьи глаза, и тихо заговорил с ним на языке одного очень маленького горского народа, откуда пять лет назад взял Бека еще щенком:

– Ты мне как брат или даже больше, как сын. Я тебя никогда не обижал. Если тебе и доставалось, то ты всегда прекрасно понимал, что получал ты заслуженно. Но и ты меня ни разу не подводил. Сейчас нам надо уехать очень быстро. Обещай, что ты стрелой пролетишь плато. Сейчас от тебя одного и твоих собратьев зависит моя жизнь и жизнь этого парня, которому в жизни досталось много плохого. Если кого из вас убьют не останавливаясь, а мертвые пусть тащатся в постромках... Обещай это мне. А на всякий случай – прощай!

Собака внимательно, глядя в глаза хозяину и слегка повизгивая, слушала его тихую речь.

Исмаил поднялся, но пошел сначала в другую сторону, потом, будто что-то вспомнив, направился напрямиком к нартам.

Пришельцы крутили головами, пытаясь понять, сколько человек находится во дворе сакли и кто уезжает, а кто остается. На снежном насте, покрывающем и маскирующем саклю, запрыгали рубиновые отметки лазерных прицелов и дальномеров, послышался натужный рев моторов снегоходов, и вся кавалькада преследователей не спеша потянулась в гору к жилищу горца.

Исмаил устроился на первых нартах, незаметно для посторонних вытащил винтовку и тихо сказал:

– Денис, держи-ка карабин сверху...

Пора. Исмаил на глаз прикинул расстояние до каменной гряды, прикрывающей саклю с севера.

– Не сиди, – приказал он Денису. – Ляг.

– Зачем? – отозвался тот.

– Без разговоров. Потом узнаешь – зачем...

Как только цепь преследователей, натужно ревя моторами, скрылась за грядой, Исмаил, качнув примерзшие к снежному насту обои нарты, издал гортанный крик, немного пробежался, чтобы помочь собакам набрать с места разбег.

В этот момент случилось непредвиденное. Арслан от входной двери сакли вдруг повернулся в их сторону и резко замахал руками. Это заметил и Денис, снова привставший на нартах.

– Лежать, шайтан тебя бери! – цыкнул на него Исмаил.

Девяностолетний старик, дитя гор, совершил трагическую ошибку, которую уже нельзя было исправить. Исмаил не стал кричать ему, чтобы не привлечь внимание преследователей, первая машина которых уже показалась из-за гряды.

– Арслан, ты напрасно вернулся, я же тебе сказал где и как укрыться, никто тебя в жизни в этом схроне не нашел, а те люди, – махнул он в сторону приближающейся и набирающей скорость колонны, – думали бы, что нас здесь всего двое и мы оба уехали отсюда. Что ж ты наделал, старче!

– Не обижайся на меня. Попрощаться еще раз захотел, прости старика. Когда-то еще свидимся?

– Боюсь, что никогда, Арслан-ага... Напрасно, ох, напрасно... – недоговорил Исмаил.

Теперь Арслан, по всей видимости, был обречен. И взять его с собой не было никакой возможности – собаки бы не потянули и быстро бы сдались лошадиным силам моторов преследователей. Исмаилу приходилось оставить его на снегу на произвол судьбы.

– Уходи, может еще успеешь спрятаться. Может старика они не тронут.

– Ладно, прощай! – и по щеке Арслана скатилась старческая слеза.

Исмаил опять издал командный клич, собаки поднялись и резво с места набрали скорость.

– Держись крепче, – крикнул он Денису.

Преследователи, увидев удалявшиеся нарты, соскочили со снегоходов и вскинули оружие, чтобы единым залпом покончить с людьми и упряжками.

Пригнувшись к нартам из-под руки Исмаил увидел, как пули буквально разорвали Арслана, а снег окропили капли крови. Из-под собачьих лап взметало снежные вихри, но собаки набрали уже нужный темп и уходили от преследователей. горец хотел было ответить огнем на выстрелы бандитов, но раздумал, решил поберечь патроны.

Упряжки быстро преодолели открытый участок горной долины и ринулись к, так называемому, мосту – довольно крепкому снежному насту, накрывшему два близко расположенных отвесных склона скал-останцев. О мосте знали только он и убитый Арслан. Он же, мост, должен был стать орудием мести убийцам.

Глава 22

Вдалеке на пустынной темной улице запрыгали отблески фар приближающейся машины.
– Заметил машину? – спросил Сергей Валентинович. – Дверь не открывай – плафон салона как прожектор высветит нас. Посмотрим, кому не спится в столь поздний час?

Автомобиль приближался на большой скорости, за ним не отставая следовал еще один. Машины пролетели мимо Михайлова и Васильченко так быстро, что они едва успели разглядеть номера. На первой были дипломатические номера российского Посольства.

– Ну, вот, Василий Семенович уже тебя или меня ищет, а вторые номера запомни: это официальные номера местных коллег Станкова. Как видишь, Макаров не успел прилететь, а уже завел необходимые “дружеские” связи с местными контрразведчиками. Так, теперь минут через десять следует ждать их обратно. Сейчас немного продвинься вперед, где мигала сигнализация машины, там остановишься и по моей команде включишь аварийку.

В машине наступила тягостная тишина. Каждый думал о чем-то о своем, но мысли неизбежно возвращались к сложившейся ситуации и только что проехавшим мимо них автомобилям.

Сергей включил магнитола. Салон наполнила тихая музыка инструментальной композиции Ласта. Михайлов немного подумал и сказал:

– Сергей Валентинович, а если нам обо всем рассказать Послу. Я думаю, Владимир Васильевич все поймет.

– При чем тут Посол! Ты сможешь доказать тому же Станкову или Макарову, что не верблюд. Ты расскажешь им правду, но они ведь тебе не поверят и будут думать, что ты их держишь за баранов, а сам за их спинами творишь какие-то делишки вместе с Трофимовым. Сам подумай! – срываясь на крик пытался втолковать Михайлову Васильченко.

– Хорошо, я так и предполагал. Да, к тому же интересно, чем все это закончится?

– А я тебе могу сейчас сказать, что будет. В лучшем случае, если нам повезет, то на пенсии в кругу семьи мы будем с шуточками и прибауточками пересказывать эту историю как детективный роман.

– А в худшем?

– Про худшее лучше смотреть только в кино и читать книги. Поэтому мы с тобой должны сделать все, чтобы наступило это самое лучшее. Понял?

– Как тут не понять!

Васильченко весь этот разговор привел в действие. Он достал из бардачка свой органайзер и стал быстро что-то писать. Закончив свою работу, вырвал исписанный листок и протянул его Сергею:

– На, держи. Чувствую, перед моим отъездом другого такого разговора не получится. Здесь все мои связные телефоны. Домашние координаты не даю, потому что буду в Москве под контролем. Все эти ребята, – он указал на список, – надежны и в случае чего, смело к ним обращайся, обязательно помогут. А будет возможность, дам о себе знать через дежурного коменданта Виктора Ивановича. Он мужик хороший, ты с ним контакт наладь.

Немного помолчав, добавил:

– А этот Макаров тот еще жук. Такой прыти я от него не ожидал.

– Да и пил он прилично, а машиной управляет на узких улочках на большой скорости как заправский автогонщик.

– А еще какой вывод из увиденного сделаешь?

Сергей с полминуты размышлял:

– Его машина шла первой, а это значит, что только сегодня приехавший в столицу человек, да еще в городе, наводненной криминалом, ориентируется как у себя в квартире.

– Молодец. Слушай, Сережа, давай я тебе сделаю протекцию: ты бросишь эту нудную работу в МИДе и переходи в СВР – там такие башковитые ох как нужны! А? – лукаво спросил бывший офицер безопасности.

– Подумаю, но не обещаю, – с улыбкой в тон Васильченко ответил Михайлов.

– А теперь включай аварийку и, если кто—либо будет спрашивать, на все вопросы отвечай, что мне стало плохо и поэтому мы здесь остановились. Сначала притормозили метрах в пятидесяти сзади, так как меня начало тошнить, а потом заехали на тротуар, чтобы в нас никто не врезался.

Васильченко быстро вышел из машины, отошел на указанное расстояние, и Сергей только смог рассмотреть в свете мигающих габаритных огней согнутую пополам фигуру. Затем Васильченко подбежал к машине размазывая слюну по рубашке, попросил Сергея выйти из машины и стать на тротуар. Сам же сел на заднее сиденье и проделал у самых колес машины то же самое, что и минутой раньше.

– Все, будь готов, кто-то едет, – произнес Васильченко.

– Ничего я не вижу, – глядя в темноту сказал Сергей.

Вдруг в метрах ста зажегся дальний свет автомобиля. По всей видимости, до включения фар водитель машины пробирался в кромешной тьме на ощупь. Легковушка выехала на встречную полосу движения и остановилась напротив машины Михайлова.

– А я вас уже было потерял, – изображая на лице радость встречи воскликнул Макаров освобождаясь от ремней безопасности и вылезая из машины.

– Знаешь анекдот, Василий Семенович? – поднявшись и шаткой походкой направившись к Макарову произнес Васильченко. И не дождавшись какой-либо реакции со стороны нового офицера безопасности начал рассказывать:

– На подводной лодке, на глубине в сто метров идет вечерняя поверка или по-другому проверка личного состава. И вот боцман вызывает: “Иванов!” – “Я!”, “Петров!” – “Я!”, “Сидоров!” – “Я!”, “Михайлов!” – “Я!”, “Васильченко!” – в ответ молчание. Боцман опять: “Васильченко!” – опять молчок. Боцман еще несколько раз повыкрикивал этого Васильченко, а потом, делать нечего, стал искать его по всем отсекам подлодки. И вот в торпедном отсеке нашел этого самого Васильченко. Боцман на него: “Почему, товарищ матрос, не на вечерней поверке, почему не откликаешься?” А в ответ: “Да куда я на хрен денусь с подводной лодки, товарищ боцман!” Вот и мы, Семеныч, куда на хрен денемся в этом славном городе. Просто меня немного укачало. Сейчас чуть-чуть получшает и тронемся в путь.

– Сделаем так, – почти в приказном тоне сказал Макаров, я отвожу домой Сергея Валентиновича, а то его уже жена ищет, все телефоны оборвала: завтра ведь домой, в Москву летят. Вы же, Сергей Альбертович, следуйте домой. Завтра утром езжайте прямиком в Посольство, а за Вашим пассажиром я заеду. В машине ничего не забыли, Сергей Валентинович? – Макаров держа за руку Васильченко нагнулся, осмотрел салон автомобиля, усадил к себе своего заместителя, попрощался и уехал.

“Шустрый ты что-то уж больно, – мысленно обращаясь к Макарову подумал Сергей, – Не прошло и получаса, как тебя отвезли в гостиницу, а ты успел и позвонить жене Васильченко, из Посольства вызвать дежурную машину, связаться с местной госбезопасностью, проехать домой к Васильченко, там переговорить с его женой, настрашать ее так, чтобы бедная женщина начала обзванивать друзей, знакомых и сослуживцев мужа для обеспечения правдоподобности твоих слов и приехать обратно. Чувствую, что с такой твоей ловкостью у меня уж точно будут проблемы”.

Сергей бросил взгляд на часы – было уже около часа ночи. Он запустил двигатель, включил дальний свет и не спеша поехал домой.

Глава 23

В сыском агентстве «Кристи и Пуаро» далеко за полночь уже третий раз просматривали видеозаписи, сделанные камерами скрытого наблюдения у дома, где снимали жилье студенты. При этом каждый выполнял определенные их службой обязанности: кто сидел с секундомером в руках и хронометрировал происходившие на экране события; кто отмечал всех людей, которые попадали в фокус объектива; кто считал оружие; кто прослушивал аудиозапись и сравнивал ее с действием на экране монитора.

На экране, словно в кино, было хорошо видно, как из подъезда вышел старик с «племянником». После отъезда старика еще несколько человек вышли из дому и заспешили на работу. Камера, установленная в подъезде напротив квартиры, ничего интересного не зафиксировала – на всем протяжении съемки до конца устроенного во дворе побоища из квартиры никто не выходил и не входил.

Во время боя тоже ничего интересного зафиксировано не было. Вот из окна студенческой квартиры показалась физиономия парня. «Должно быть, Палыч!» – подумал Иван Пашин, бывший старшим наряда наружного наблюдения. Палыч кому-то что-то крикнул и быстро достал помповое ружье, но выстрелить не успел – окно и стены ровной строчкой прошла автоматная очередь.

Затем в окне снова показалось ружье Палыча и он выпустил в белый свет пять патронов. Цементная и кирпичная пыль, появившаяся в окне, показала, что нападавшие поправили прицел и их пули легли точно в оконный проем.

В другом окне людей видно не было, но два ствола, автомата Калашникова и охотничьего ружья, периодически извергали свинец и пламя. Потом короткий взмах, кадр немного встряхнулся (взрывная и звуковая волна «достала» и ее) и черно-серая дымка на несколько секунд закрыла стреляющих. Когда дым рассеялся, на подоконнике лежал убитый студент, сжимавший в руке охотничью двустволку. Второго стреляющего в окне уже не было.

Из окна рядом с лестничной площадкой появился еще один молодой человек с ППШ в руках и выпустил длинную очередь во весь магазин в направлении «родственников» деда. На мгновение на лбу парня показался рубиновый зайчик лазерного прицела, и вот уже его автомат летит из окна во двор, а сам стрелок с пробитой головой раскинувши руки свалился во внутрь квартиры.

Тотчас показался Палыч; прижимая к груди ружье, он стоял боком к стрелявшим и остекленевшими глазами смотрел на своего, только что убитого товарища. Рубиновый зайчик тут же взобрался ему на висок, постоял там мгновение, опустил вниз и на рукаве джинсовой куртки Палыча расплылось темное кровавое пятно, а сам он исчез в окне.

– Его крик есть на пленке, – по ходу просмотра объяснил Иван. Никто не ответил – все продолжали в безмолвии смотреть страшные кадры боя.

Помощник Пашина по тому дежурству, Володя Игнатьев, сидел с хронометром в руках и следил за таймером на мониторе.

– Остановите кадр, – попросил он заместителя директора агентства Константина Алексеевича, который сидел за пультом управления видеоманитофона. – Смотрите, здесь что-то непонятное: по времени уже приехала милиция; сейчас они во дворе разбираются с трупами. А посмотрите на тени в квартире студентов: по крайней мере еще два человека перемещаются по комнатам.

– Да, а по данным милиции результатом перестрелки были пятеро убитых и ни одного раненного. Что-то не сходится! – вставил Иван.

– «Давайте пойдем логическим путем!» – вставил цитату из широко известной комедии директор агентства Котин Павел Николаевич, до этого не проронивший ни слова.

– «Пойдем вместе!» – в тон ему и такой же цитатой из того же фильма ответил Небольсин.

– Я буду рассуждать вслух. Пусть каждый возьмет лист бумаги и, если будет с моими мыслями не согласен или увидит что-то новое, пусть записывает, а обсудим позже.

Первое, – Павел Николаевич взял исписанный мелким почерком и какими-то непонятными значками блокнот. – Нападение явно не связано с поручением нашего клиента, которое выполняли Пашин и Игнатъев. Я еще ни разу не слышал, чтобы из-за угнанной машины разворачивался настоящий бой, да еще и среди белого дня. Значит здесь мы оказались случайно, и с нашей работой эта бойня не связана.

Второе. По нашим оперативным данным в квартире было шесть человек. Четверых мы видели на пленке. Можно предположить, что два человека, тени которых заметил Игнатъев, это недостающие из этой группы. Тогда возникает сразу же несколько вопросов: Почему они не отстреливались? Почему милиционеры сказали, что в квартире только пять трупов? Чей труп, лежащий у стены на улице: подстреленный нападавший или выпавший из окна студент? Но арифметика все равно не бьет – получается один – два лишних в квартире у студентов! Я не думаю, что наши люди плохо сработали и не определили точно, сколько же людей находится в квартире студентов.

Третье. Алеко сказал, что появится в окне, дабы проверить реакцию одного из «племянников», а Иван и Владимир увидели его в окне квартиры деда. Как он туда попал, если камера не зафиксировала, чтобы кто-то выходил из их квартиры? Да и по счету Алеко не попадает в искомое нами число.

Четвертое. Вы обратили внимание, что до появления, как совершенно справедливо заметил Игнатъев, двух человек, в комнате опять взорвалась граната. Предположительно, конечно. И через секунды зашевелились их тени. Что взорвалось в комнате? Через двери и окна туда залететь ничего не могло – они находились под постоянным наблюдением.

Пятое. Мы знаем, что камера с обратной стороны дома, куда выходит одна лоджия из квартиры студентов, была сбита со своего места то ли животным, то ли ветром, то ли веткой. Но приглядитесь! Эта камера зафиксировала какую-то квадратную тень, кроссовки и нижнюю часть джинсовых брюк и конец альпинистской страховочной веревки, спускающуюся откуда-то сверху. Если кто-то из студентов ушел с поля боя этим путем, то нам просто необходимо побывать на месте и повнимательнее рассмотреть этот участок. Это нам может дать какую-либо зацепку для раскрутки этого дела.

Шестое. Кто такой Юрий Николаевич и его роль в этой операции? Телефон его мы знаем. Необходимо в ближайшее время собрать на него досье.

Седьмое. Заметьте, что снайпер с лазерным прицелом сначала было решил убрать этого, как вы сказали, Пашин, Палыча. Тот был открыт для стрельбы по нему, а профессионалу, а стрелял мастер своего дела, этот Палыч как неподвижная мишень в тире. Затем передумал и только лишь ранил. Почему? Куда делся раненый Палыч?

Восьмое, кто такой «Доктор»? Какова его роль в этой операции наших студентов?

Девятое и самое главное. Кто такой этот дедушка? Кто или что за ним стоит? Откуда у него такая охрана? Откуда такие деньги на оргтехнику и прочее? Почему на окнах его квартиры пуленепробиваемые стекла, а входная дверь – шедевр нашей металлургии и электронной техники? Ведь старик – «божий одуванчик»: ездит на «Москвиче», одет по старинке, в магазине покупает только самое необходимое для жизни пенсионера. Вот бы о ком узнать побольше. Но трогать его пока не будем. Судя по результатам побоища, это сопряжено с большой опасностью. К тому же я думаю, что люди «старика», а они, видимо из его службы безопасности, засветили наших ребят. Но это покажет время!

– А не одно ли лицо в этом случае старика – пенсионера и «Доктора»? – спросил Небольсин.

– Об этом, как и обо всем другом мы поговорим попозже. Сейчас же еще раз прослушаем запись разговоров милицейской опергруппы и следователей прокуратуры, а затем разъезжаем по домам – часа через два уже светать начнет. А вы, Константин Алексеевич, с Пашиным и Игнатьевым сейчас же выезжайте на место происшествия и внимательно осмотрите обратную сторону здания и прилегающие окрестности. Я думаю, что студентам все-таки что-то удалось выбросить из окна квартиры, а одному из них, по-видимому, даже скрыться.

Да и не забудьте о старушках пенсионерках. Весьма, знаете, любопытный материал можно у них собрать.

После работы всем отдыхать. Встречаемся вечером подвести итоги уже сегодняшнего дня.

Глава 24

Поставив машину в гараж Михайлов в глубине двора заметил фигуру одиноко стоящей женщины, которая освещала себя маленьким фонариком, будто давая понять Сергею, что пугаться ее не стоит.

Но все же соблюдая осторожность Михайлов быстрым шагом направился к своему подъезду. Женская фигура осветила фонариком свое лицо, и Сергей узнал в женщине свою квартирную хозяйку.

– Доброй ночи, Светлана Яковлевна, что вы так поздно делаете во дворе. Зашли бы в квартиру, у Вас же есть второй комплект ключей.

– Доброй ночи, Сергей Альбертович, я жду Вас, чтобы предупредить: минут двадцать назад кто-то залез к вам домой.

– А Вы откуда знаете?

– В нашей квартире стоит сигнализация. Один мой знакомый посоветовал установить. Если дверь открывается не фирменным ключом, а отмычкой или взламывается, то включается свет и сирена. Но так как электричества сейчас нет и квартиру я вам сдала, то попросила переделать сигнализацию. И сейчас, если в квартиру заходит посторонний, то в моей комнате, где я сейчас живу, загорается обыкновенный фонарик и звенит будильник, которые работают от батареек. В этот раз, как только сигнализация сработала, я потихоньку пришла в наш двор и спряталась за гаражами. У подъезда стояла автомашина, и в ней сидел один человек и курил. Минут через пять вышли еще двое, у одного из них в руках был какой-то сверток. Мужчины о чем-то поговорили, я не расслышала, потом один из них сказал в телефон или рацию по-русски: “Кое-что есть, как ты и говорил”, и они уехали. Я решила дождаться Вас и предупредить.

У женщины был вид, будто это она виновата в том, что произошло. Она все время мяла и нервно обтирала руки.

– Не беспокойтесь, Светлана Яковлевна! Сейчас разберемся. Говорите, это были русские?

– Да нет же, это были наши, коренные, с местным диалектом. Просто один из них по рации или телефону говорил с кем-то по-русски.

– Понятно. Но вообще-то ничего нет такого, что может заинтересовать воров или этих незваных гостей. Давайте, Светлана Яковлевна, зайдем в квартиру и посмотрим. Я думаю, что они пытались что-то украсть у вас.

– Да вот, я старая совсем забыла. Я запомнила и записала номер машины. – И она показала на тропинку, проходившую между гаражей.

Они вместе вернулись к гаражам и хозяйка, подсвечивая фонариком, показала написанный веткой на утрамбованной земле номер.

Три буквы номера были теми, которые назвал получасом раньше Васильченко и которые относились к местной госбезопасности.

“Значит точно, гости приходили ко мне. Но что они могли у меня искать и найти? – размышлял Сергей. – Архив деда Трофима!” – чуть не вскрикнул Михайлов и направился домой таким скорым шагом, что хозяйка еле за ним поспевала.

Войдя в квартиру Сергей бросился на кухню, зажег керосиновую лампу, зашел в комнату и нерешительно встал посередине. “Куда я ее тогда засунул?” – напряженно вспоминал он.

В это время хозяйка поднялась в квартиру и с помощью своего фонарика стала осматривать книжные полки, так как по ее разумению в доме из всех ее ценностей были только книги.

– Светлана Яковлевна, где-то здесь должна быть небольшая импортная коробочка серого цвета из-под бумаги. Я там хранил некоторые свои ненужные и отработанные документы, – соврал Михайлов, справедливо полагая, что хозяйку не должно интересовать, что в той коробке.

– Я видела какую-то коробку в прихожей. Когда за Вами входила сюда, споткнулась о нее. Она стоит у входной двери под вешалкой.

Сергей поставил лампу на стол, сходил в прихожую, взял коробку и поставил ее на письменный стол. Раскрывать и проверять ее содержимое перед хозяйкой он не стал.

– Сергей Альбертович, Вы не брали книги по древнегреческой архитектуре, быту скифов и древних славян?

– Нет не брал. А что, нет на месте?

– Нет, на полке их нет. Значит те люди взяли именно эти книги. Но зачем они им понадобились. Вон в том шкафу стоят книги по архитектуре изданий прошлого века. За них, если их продать на рынке, хоть какие-то деньги выручить можно!

– А может они просто схватили в темноте первые попавшиеся, а потом посмотрят да и выкинут?

– Может быть и так. Но по своему поведению эти люди на воров не похожи.

– Да, это, скорее всего, не воры, в квартире они были совсем мало времени, машину с водителем оставили у подъезда, взяли первое, что под руку подвернулось. Ничего не понятно!

– А Вы, Сергей Альбертович, будете заявлять о краже в полицию?

– А разве какой-то смысл в этом есть? Тут грабежи, разбойные нападения и убийства одно из десяти расследуется, а кто возьмется за дело по пропаже этих книг? Наоборот, сами, скажут, книги продали или пропили!

– Я тоже так думаю. Бог с ними, с книгами. Главное остальное все на месте.

– А может они нас с Вами хотят поссорить. Дескать, постоялец книги налево сплавляет, продает за валюту достояние народа. Дверь и замки целые. Так вот чем занимаются российские дипломаты у нас в стране?! И вот Вам скандал обеспечен.

– Что ж, – вздохнула хозяйка, – сейчас и такое может быть. Но если так, то они здорово просчитались. – Она заулыбалась. – Давайте на них поведем наступление.

– Я вижу, у Вас есть какой-то план!

– Я напишу заявление, а они потом за свою наглость получат по носу.

– Дорогая Светлана Яковлевна! Давайте подождем до завтра. Как говорится: утро вечера мудренее. Завтра утром при дневном свете Вы еще раз все осмотрите, а потом уже примем решение.

На том они и попрощались.

Сергей закрыв за хозяйкой дверь подошел к письменному столу, где стояла коробка с бумагами. Руки сами потянулись развязывать шпагат, как вдруг резко зазвонил телефон.

Звонил дежурный комендант по поручению офицера безопасности Макарова удостовериться, что “господин Михайлов благополучно добрался домой”.

Сергей положив на место телефонную трубку вспомнил слова Васильченко и включил автоответчик на прослушивание, но на пленке не было ни одного сообщения даже за предыдущие дни, о чем красноречиво указывала цифра “0” на телефонном дисплее.

Михайлов открыл крышку автоответчика и даже при плохом свете керосиновой лампы заметил, что микрокассета была другой, не той, которой комплектовался аппарат в магазине...

“Надо будет завтра попытаться встретиться с Васильченко до его отлета”, – подумал он. Сергей устало потянулся и решил, что изучать бумаги Трофимова слишком поздно, а завтра он возьмет их с собой на работу и там спокойно, в тишине своего кабинета полистает.

Глава 25

Павел Николаевич Котин включил обработанную и подготовленную аудиозапись событий, последовавших за побоищем в квартире студентов. Перед ним для большей наглядности лежала большая схема двора и квартиры, в которой произошла трагедия. На схеме синими тенями были обозначены студенты, которых видела и слышала группа наблюдения, синим контуром – предполагаемые лица из той же компании. Красными на схеме были обозначены нападавшие «родственники».

Павлу Николаевичу предстояло по этим схемам, а также видео- и аудиозаписям восстановить все таки картину происшедшего, а главное понять: изначальную причину этого происшествия. Ведь не каждый день на улицах второразрядного городишка, за Москвой происходит подобное, а на его памяти, включая долгие годы добросовестной службы в правоохранительных органах, такого не было вообще.

Рассматривая схему и время от времени бросая взгляд на экран монитора, на котором который раз мелькали эпизоды нападения, Павел Николаевич пришел к неожиданному выводу: эпицентром всего происшедшего был стари-пенсионер или его квартира. К сожалению, камеры были установлены напротив окон и дверей квартиры студентов и не фиксировали, что творилось в жилище этажом ниже, а это внесло бы определенную ясность в прошедшие события. К тому же кое-что в это дело может внести запись разговора оперативных работников милиции и ФСБ, прибывших на место преступления почти одновременно и, к немалому удивлению Павла Николаевича, работавших дружно и согласованно, что ранее директор сысского агентства не замечал. Этот факт также вносил некоторые нюансы в это дело.

Павел Николаевич включил магнитофон и приготовил ручку и блокнот для пометок своих впечатлений от первого прослушивания записи. Так учил его первый учитель – Сыскарь с большой буквы, прослуживший на Петровке в уголовном розыске более сорока лет.

Директор агентства стал слушать пленку с того места, когда стрельба уже закончилась и доносилась трель сирен милицейских машин, въезжавших во двор дома.

В комнате, которую имел возможность прослушивать аппарат службы наружного наблюдения, было тихо, только время от времени был слышен тихий то ли стон, то ли хрип. Затем послышались чьи-то шаги и чей-то голос, который они раньше не слышали, тихо сказал: «Этот ранен, бери его аккуратно за ноги и понесли. Осторожней у окна, не засветиться бы.» После этого на несколько минут в квартире воцарилась тишина.

Несколько гулких ударов свидетельствовали о том, что омовцы или руоповцы ломаются в дверь. «Всем лежать! Оружие на пол!» – вбегая в квартиру громко кричали бойцы.

«Да здесь одни трупы! – раздался голос какого-то милиционера. – Два в той комнате и один в коридоре. Вызывайте оперативников, пусть приезжают и разбираются. Нам здесь уже делать нечего.»

Послышались шаги выходивших из комнаты людей. Через десять минут, по всей видимости, в квартире начали работать оперативные сотрудники МВД, ФСБ и следователи прокуратуры.

«Ну, что, сыщики? Давайте обмозгуем это происшествие, а то мне через полчаса докладывать городскому прокурору обо все этом безобразии. Так хотелось бы знать вашу точку зрения, – сказал представитель прокуратуры. – А тот, гляди, Генеральному сразу побежит на доклад. Дело, по моему разумению, громким будет. За всю мою службу не припомню такого.»

«Вы скажите, что по предварительным данным это криминальная разборка между двумя враждующими группировками,» – отозвался второй собеседник.

«Ну, конечно, ФСБ, как всегда, хочет побыстрее умыть руки: мол, здесь криминал, а не организованная преступность или угроза национальной безопасности, пусть милиция и разби-

рается,» – послышался язвительный хриплый голос третьего собеседника, явно представляющего местное УВД.

Прокурор. Хватит вам переругиваться. Вот так каждое расследование начинается: ваше, наше. Да сначала никто не может сказать, к какому ведомству дело отнести.

Милиционер. А это не трудно определить. Через недельку-другую станет ясно, что дело «висяк», да еще глухой. Ну, тогда это уголовка виновата, что дело не раскручивается. А как только на горизонте виден свет в конце тоннеля, так сразу же понаедут соседи и «Дело государственной безопасности – забираем!» и укатили. А чтоб помочь чем-то, так кучу виз собрать надо, чтобы только к их оперативнику подойти!

Фэсбэшник. Да, брось ты. Ну, впрямь, каждое дело, на которое с тобой выезжаю, этими словами начинается.

Прокурор. Зато раскручивается. А возмущение его, как талисман. Пока не поругается – дело с места не сдвинется.

Милиционер. Ну вот. Прокуратура и ФСБ против уголовного розыска спелись. Слова сказать не дают.

Фэсбэшник. А ты говори, но по делу.

Милиционер. Мы живем в демократическом обществе, а он, посмотрите, коллеге рот затыкает!

Фэсбэшник. Во век бы не видел этой ср... демократии во главе с самым главным демократом всех эпох и народов.

Прокурор. Вот распелся! Сразу видно, что на пенсию вскоре собираешься, потому и «хозяина» поносишь.

Милиционер. Ох, дал Бог нам «хозяина» и взял бы его к себе обратно, да побыстрее.

Фэсбэшник. Ладно, чего это мы не по делу раскудахтались. Как говорил Ги де Мопассан, «ближе к телу». Капитан, что у нас там?

Раздался голос подчиненного офицера:

– Странно, но документов при убитых нет. При первом осмотре их тоже не нашли. Погибшие явно не профессионалы – об этом можно судить по набору оружия. Сейчас с коллегами из угро пытаемся выяснить, кто на кого напал, а кто оборонялся.

Фэсбэшник. Хорошо, идите. Проверьте их ключи. Может быть где-то во дворе стоит машина этих парней, а там и документы. Я выскажу свое мнение, как здесь развивались события.

Эта группа готовила на кого-то засаду. Как только появились те, на кого они собирались напасть, один из этих парней не выдержал и открыл стрельбу. Но те, на улице, подготовлены явно лучше. Они открыли ответный огонь и уничтожили всех нападавших из квартиры. В довершении, на всякий случай, бросили в окно гранату, или связку гранат, только этим можно объяснить дыру в полу соседней комнаты. Это предварительное впечатление. Более точно можно сказать, когда будет проведена баллистическая, дактилоскопическая, криминалистическая экспертизы.

Прокурор. В принципе, я согласен. Так и буду докладывать прокурору.

Милиционер. Давайте подождем еще пару минут. Мои нукеры сейчас соблазняют старушек из окрестных домов. Те с утра сидят во дворах и обязательно много интересного расскажут.

Фэсбэшник. А не разбежались твои старушки от первых выстрелов.

Милиционер. Ну, что ты за человек, какими категориями ты мыслишь. Да наша старушки-пенсионерки лучшие старушки в мире и верные помощницы милиции. Ты привык иметь дело с разного рода взяточниками, взятодателями, хапугами-бизнесменами, руководителями, политиками, и с тех высот на нашу грешную землю не спускаешься.

Фэсбэшник. Хорошо, хорошо. Где твои нукеры, соблазняющие старушек?

М и л и ц и о н е р. А вот и один из них! Представляю вам, дорогие коллеги, лейтенанта Тарасова. Только пришел из академии, а уже вскружил голову всему женскому населению УВД. Если так пойдет и дальше, то, как сказывал Салтыков-Щедрин, в скорости он увеличит население нашего города вдвое, а то и втрое. Ну, женский сердцеед, что тебе рассказали твои девицы.

Т а р а с о в. Товарищ полковник, вы точно меня когда-нибудь скомпрометируете в глазах всего городского начальства.

М и л и ц и о н е р. Тебя не скомпрометирую, а то, что у тебя в форменных брюках, понял, дамский угодник? И заканчивай лясы точить, по лицу вижу, раскопал что-то интересное.

Т а р а с о в. Да, кое-что интересное есть. Вы правы, эти старушки – настоящий клад информации, только, если бы не этот доклад, узнал побольше бы.

Ф э э с б э ш н и к. У вас, лейтенант, еще будет время более скрупулезно поработать со свидетелями. А сейчас, пожалуйста, несколькими словами общее представление об этом деле.

Т а р а с о в. Значит так. Стрельба началась в 9.15. Сначала во дворе на лавочках сидели парочки и по отдельности несколько молодых людей. Скорее всего они местные, потому что их видели здесь уже давно, так что они примелькались.

Пред стрельбой во дворе как раз никого не было, и несколько старушек из «башни» напротив сидели на скамейке у подъезда и, от нечего делать, перебивали своими языками косточки одной такой парочке, парню и девушке, которые целовались под липами.

В 9.15, а это время точное – одна старушка спросила у подруги, «Который час?» – эта парочка и еще несколько парней, все со спортивными сумками, внезапно поднялись и ускоренным шагом направились к этому дому. Выйдя на середину двора у детской площадки, один из них что-то крикнул, показывая на окна одной из квартир. Одной моей новой знакомой показалось, что в окне был виден человек. Затем все эти молодые люди быстро вытащили из спортивных сумок автоматы с глушителями. Начали ли они стрелять первыми, свидетельницы не знают, только увидели, как из этой квартиры по ним открыли огонь. Первая же очередь попала в одного парня, ранив его в ногу. Тот без крика несколько раз перевернулся на земле и залег у детской песочницы. Было видно, что он сделал себе какой-то укол. Я так думаю, что это было обезболивающее. И как только оно подействовало, тоже включился в стрельбу.

Остальные же спрятались за стоящую во дворе машину и стреляли по окнам. Один парень добежал до двери подъезда и скрылся там.

Потом из окна в нападавших бросили гранату. Она разорвалась прямо на машине, ранив при этом девушку и одного из парней. Девушка сама отползла к другой машине и там затихла, парень же, видимо раненный в правую руку, продолжал стрелять с левой руки.

Когда дым от взрыва гранаты рассеялся, старушки увидели, что на земле лежит без признаков жизни один из тех, кто стрелял из окна.

Как только стрельба прекратилась, откуда ни возьмись, покатали две машины, иномарки, в них загрузили раненных и те укатили. Оставшиеся живые собрали оружие раненных и убежали через двор – там их тоже ждали машины.

С л е д о в а т е л ь. А не сказали твои свидетельницы, сколько было нападавших? Хотя здесь трудно сказать, кто был нападавшим, а кто обороняющимся. Так сколько их было?

Т а р а с о в. Мы еще не всех успели опросить, но картина получается следующей. Нападавших во дворе было семеро, среди них одна девушка. Добавьте четырех водителей машин. Кроме того, по наблюдениям одной моей знакомой, а она смотрит в четыре глаза – очки носит – были еще двое. Девушка – она стреляла через кусты сирени из короткоствольной винтовкой с глушителем и оптическим прицелом. Откуда она появилась и куда исчезла, никто не видел. Другим был парень – он стоял под аркой дома напротив и что-то говорил в маленькую радиостанцию или мобильный телефон. Когда все закончилось и было слышно приближение милицейских машин, он спокойно ушел через арку на проспект. Мы должны были встретить его, так как проезжали через эту арку во двор. Но никто из других свидетелей эту парочку не видел.

С л е д о в а т е л ь. Ну, а в квартире они кого-нибудь заметили?

Т а р а с о в. По квартире можно сказать только приблизительно, потому что некоторые стреляли не высовываясь из окон. По мнению старушенций, здесь в квартире было семь человек, да моя четырехглазая еще говорит, что видела в окне квартиры, что под нами, еще одного человека с винтовкой или автоматом. Тот, якобы, прицелился через стекло, но почему-то не стрелял. И опять же, никто, кроме нее этого человека не видел. Сейчас опросим всех жильцов дома напротив. Может, кто из них выглядывал в окно во время этого побоища?

Ф э э с б э ш н и к. Хорошо, а твои всевидящие дамы не видели, как кто-то из нападавших, будем так именовать эту команду со двора, бросили гранату или что-нибудь подобное в эту квартиру?

М и л и ц и о н е р. Это ты насчет дыры в полу?

Ф э э с б э ш н и к. Да, если эти старушки так, довольно подробно видели все случившееся, тогда они должны были видеть и бросок гранаты. Чем же тогда ты объяснишь эту дыру в полу?

С л е д о в а т е л ь. То, что в соседней комнате был взрыв гранаты, ясно даже младенцу. На паркете видны характерные полосы от осколков гранаты, а стены, потолок и группы ими посечены основательно. На месте взрыва же образовался пролом.

Ф э э с б э ш н и к. Да, с проломом понятно: граната взорвалась, вектор ударной волны в большей степени был направлен в пол, дом старый, вот перекрытия и рухнули. Ты мне другое скажи: как сюда смогла бы залететь граната?

М и л и ц и о н е р. Я тоже только сейчас обратил на это внимание. А ну-ка, друг Тарасов, по описаниям свидетельниц не было ли среди нападавших такого, знаешь, амбала метра под два роста с мощными бицепсами, качка, одним словом?

Т а р а с о в. Нет, такого не было. Все нападавшие, по описаниям старушек, примерно одного роста, около ста семидесяти пяти сантиметров; девушки, те пониже. Телосложение у всех среднее, у некоторых даже худощавое. А причем здесь амбалы и качки?

М и л и ц и о н е р. А ты выгляни в окно и прикинь, сколько метров отсюда и той разбитой машины, за которой укрывались нападавшие!

Т а р а с о в. Метров шестьдесят.

М и л и ц и о н е р. Да прибавь к этому еще высоту четвертого этажа старого сталинского дома, к тому же размер окна – метр двадцать на полтора. По всему видно, что метавший гранату человек сильный с длинными руками и довольно меткий. Ну-ка, аллюр три креста, сгоняй к своим дамам и расспроси этот нюанс! Живо, две минуты тебе на все про все!

Т а р а с о в. Понял. Я мигом, товарищ полковник.

Ф э э с б э ш н и к. А кроме того, такую дырень в полу может сделать только мощная граната, Ф-1, к примеру, но она тяжелая, и даже амбал на такую высоту и такую дальность не швырнет, да еще и под огнем обороняющихся.

С л е д о в а т е л ь. Да далась вам эта граната и дырка от нее. Вы лучше думаете, что здесь произошло и о чем каждый своему начальству докладывать будет.

Ф э э с б э ш н и к. Что-то мои раны заныли. А это верный признак того, что, если разберемся с этой гранатой, то сразу же сдвинемся с мертвой точки. Капитан, свяжись, будь добр, с военкомом. Пусть высылают сюда саперов из воинской части. Вот они то нам и расскажут, там ребята толковые, их даже в Москву, бывало, вызывали. Сейчас они все на службе, так что будут минут через десять – пятнадцать.

М и л и ц и о н е р. А мне сдается, что пахнет здесь не криминальной разборкой, а тем, что кто-то, скорее всего погибшие, по ошибке нарвались на какую-то организацию и поплатились.

С л е д о в а т е л ь. Только давайте не начинайте снова валить друг на друга, кому это дело расследовать. Вы лучше мне вот что скажите: если старушка, которая самая зрячая, видела здесь, включая нижнюю квартиру, семь человек, то куда делось еще два человека?

М и л и ц и о н е р. Может они через дверь вышли?

Ф э э с б э ш н и к. Нет, дверь, как только наши ребята взломали, я осмотрел – она была закрыта на внутренний засов, если только, конечно, трупы не закрыли ее за ушедшими сообщниками.

С л е д о в а т е л ь. Вот вам вопрос так вопрос, а вы все твердите: граната да воронка. Куда делось еще двое? Не испарились же они в самом деле?

Ф э э с б э ш н и к. А может старушки ошиблись?

М и л и ц и о н е р. Вряд ли. Тарасов парень толковый. Он этот вопрос не упустит. Вот посмотришь: сегодня к вечеру будем от него иметь и описания всех участников.

К а п и т а н. Товарищ полковник, саперы приехали.

Ф э э с б э ш н и к. Передайте, пусть он со своими людьми начинает работать.

С л е д о в а т е л ь. Ну, коллеги, хватит штаны просиживать, пошли к специалистам. Сейчас, я думаю, один ваш вопрос проясним.

В динамиках послышался скрип мебели и шаги покидавших комнату людей.

Глава 26

На следующее утро за чашкой чая Михайлов все же решил хотя бы бегло посмотреть документы из коробки, отобрать наиболее ценные или представляющие интерес для последующего изучения. Быстро развязав веревку Сергей снял крышку и ... застыл в изумлении и недоумении. В коробке лежали книги.

Вынув их и разложив на столе он убедился, что это те самые пропавшие книги по древнегреческой архитектуре, быту скифов и древних славян. На самом дне коробки лежали несколько листов ксерокопий каких-то документов. Еще не отойдя от столь сногшибательных впечатлений о работе непрошенных ночных визитеров Сергей, сложив листки и положив в карман, вышел из квартиры.

“Теперь все становится на свои места, – размышлял Михайлов по дороге. – Эти друзья Макарова или Шевцова из госбезопасности проникли в квартиру. Один сразу же занялся телефоном: поменял микрокассеты, затем, возможно, поставил “жучок”. Второй обыскивал комнаты. Найдя коробку, они вынули ее содержимое и, логично рассуждая, что я не сразу кинусь пропажи ее содержимого, так как бросил ее в прихожей даже не развязав. “Гости” схватили первые попавшиеся под руку книги, примерно подходившие по весу бумаг и габаритам, уложили их в коробку, а содержимое, уложив в пакет, унесли с собой. Выходит так, что они знали, что искать. И надоумил их и навел не кто иной, как Макаров. Какой же из всего этого вывод? Да, простой же, балда ты эдакая! – обращаясь к самому себе подумал Сергей. – Все, что говорили Трофимов и Васильченко – чистая правда! Но откуда они узнали о коробке? Тьфу ты, склеротик, я же сам сказал Степашину, что был у Трофимова и тот дал мне почитать какие-то свои или мемуары, или архивы, или документы их ветеранской организации. А Шевцов все это вытянул из Сан Саныча. Понятно?! А теперь извечный русский вопрос: что делать?”

Первое. Ты должен вести себя как обычно: работать усердно, улыбаться, шутить, выпить пивка с мужиками и так далее, и тому подобное. Второе. Дать каким-то образом знать Васильченко о случившемся прошлой ночью. Третье. Смотреться вечером к Георгию – все-таки, я думаю, он знает, как найти деда Трофима. Четвертое. По возможности понаблюдать за действиями Макарова и Шевцова”.

Утренние события заставили молодого дипломата снова удивляться суетности этого бренного мира.

На утреннем совещании Посол Трубецкой официально представил своего нового помощника по вопросам безопасности Макарова и, простившись от имени всего Посольства с Васильченко, объявил, что Сергей Валентинович улетает в Москву сегодня через два часа. В свою очередь советник – посланник потребовал от Степашина и Михайлова в срочном порядке документы по работе с русскими религиозными общинами. В результате Сергей просидел у него битый час, так ничего принципиально не решив.

Поняв, что это все было затеяно для того, чтобы не дать попрощаться с Васильченко, Сергей с тяжелыми думами о том, что в круговерти этих событий он остался один, пошел на свое рабочее место.

Но и здесь все сюрпризы на сегодняшний день не кончились. В консульском отделе по инициативе или указанию нового офицера безопасности произошло большое “переселение народов”. Практически все работники поменяли свои кабинеты.

Сергею достался кабинет в дальнем конце коридора напротив кабинета заведующего консульским отделом Степашина, с точки зрения охранника Саши, в самом безопасном месте, так как посетитель прежде, чем попасть к Сергею на прием, проходил три пункта проверки и контроля.

“Теперь “всяк, ко мне входящий” будет трижды контролироваться Макаровым или его людьми, которые прилетают уже на следующей неделе, а в новом моем кабинете даже шепот слышен через гипсокартонную стенку. Ну, хорошо, Василий Семенович, от Вас сыпятся шах за шахом, но до конца партии еще ох как далеко и посмотрим кто кому поставит мат”, – с такими мыслями Сергей начал осваивать новое рабочее пространство: перенес папки с делами, повесил карту республики на стенку, установил на стол и подключил компьютер.

Успокоившись после столь бурного начала рабочего дня Сергей достал уцелевшие документы и стал их изучать.

Это были какие-то документы времен Великой Отечественной войны на немецком языке. Причем, если один был представлен полностью, то второй был лишь частью какого-то другого документа. Видимо похитители в темноте вытащили не все документы из злополучной коробки.

На обратной стороне каждого документа был сделан перевод. Сергей сразу обратил внимание, что переводили эти материалы сразу после войны, о чем гласили даты поставленные под подписями переводчиков.

В первом документе сообщалось следующее:

“Директива начальника штаба при верховном командовании от 14 января 1945 года.

Совершенно секретно.

Только для высших офицеров Вермахта и РСХА. Командующему ВМС Рейха. Оперативному управлению Главного штаба Вермахта. Оперативному отделу штаба руководства войны на море.

А. Фюрер тщательно изучил возможность продвижения русских войск и их союзников на территорию Рейха и пришел к следующим выводам:

1) Помимо организации всенародного сопротивления вражеским армиям в их оперативных тылах (директива Верховного командования вооруженных сил № 003814, совершенно секретно), используя развитую систему рек и каналов Рейха, Генерал-губернаторства, Голландии и Бельгии для боевого обеспечения отрядов движения сопротивления организовать переброску разведывательных и диверсионных групп с использованием сил и средств ВМС, а именно малогабаритных подводных лодок и буксировщиков торпед.

С этой целью Главному штабу ВМС организовать и провести в кратчайшие сроки гидрографическое исследование указанных водоемов в целях проверки возможности и целесообразности использования указанных выше средств ВМС. Особое внимание уделить районам Гамбург, Шверин, Берлин, Ганновер, Дюссельдорф, Гаага.

2) Ответственность за быстрейшее выполнение указанных распоряжений фюрера возложить на Главный штаб ВМС.

Б. Подготовку личного состава организовать:

1) по управлению морскими транспортными средствами – силами ВМС, при этом разрешено снять необходимое количество солдат, матросов и офицеров с выполнения операции “Рыба – меч”;

2) по разведывательным, контрразведывательным и диверсионным мероприятиям среди гражданского населения – на РСХА;

3) по тем же мероприятиям в военной области – на абвер и РСХА.

Подпись – Кейтель.

Верховное командование вооруженных сил. № 003844. Совершенно секретно”.

Второй документ, видимо, представлял собой выдержку из рапорта одного из командиров частей по охране Гитлера и высшего руководства вооруженных сил и партии:

“... Таким образом и произведено распределение выделенного личного состава:

А. Личная охрана фюрера:

– по разряду А – 18 человек (из них от ВМС – 1, от ВВС – 1);

- по разряду В – 64 (соответственно 6 и 2);
- по разряду С – 282 (27 и 12), из них 11 офицеров личной охраны дуче.

В. В распоряжение рейхслайтера Бормана:

- по разряду В – 24 (4 и 2 соответственно);
- по разряду С – 72 (13 и 7).

С. В распоряжение рейхсминистра Гимmlера:

- по разряду В – 86 (16 и 9);
- по разряду С – 165 (32 и 24).

D. В распоряжение отдела “Армии Востока”:

- по разряду С – 826 (12 и 3).

E. В распоряжение отдела “Армии Запада”:

- по разряду С – 106 (3 и 3).

G. В распоряжение службы “КОМ”:

- по разряду С – 265 (71 и 5).

H. В распоряжение службы “Резерв – Юг”:

- по разряду С – 2637 (734 и 159).

I. В распоряжение службы “Резерв – Север”:

- по разряду С – 1082 (357 и 209).

Итого выделено личного состава:

- по разряду А – 18 (1 и 1);
- по разряду В – 174 (26 и 13);
- по разряду С – 5435 (1260 и 422);
- иностранцев – 942 (из них 20 человек из личной охраны дуче).

В данном перечне, – говорилось далее в документе, – не учитывались личный состав дивизии “Бранденбург – 800” и выводимые с фронта специальные подразделения национальных формирований войск СС (англичане, русские, украинцы, татары, киргизы, лезгины, арабы, литовцы, эстонцы, латиноамериканцы), которые были передислоцированы в указанные ранее районы заблаговременно.

В. Для осуществления данной акции разработаны следующие операции (с выделением нижеуказанных сил и средств):

1) Оперативным отделом “Армии Востока” (генерал-лейтенант ГЕЛЕН): ...”

На этом документ обрывался. И хотя из всего прочитанного ничего конкретно понять было нельзя Михайлов уже догадался, что все столь огромные финансовые возможности организации ветеранов Трофимова связаны с прошлым. А именно с немцами, точнее с гитлеровцами. И вся “борьба против распространения фашизма”, как декларировал дед Трофим, всего лишь прикрытие каких-то непонятных действий по контролю за финансовыми средствами нацистов.

Глава 27

Упряжки Исмаила и Дениса с трудом, таща за собой в построюках убитых и раненных собак, вытащили нарты за ледяной мост. Резиновые движители снегоходов на высокогорном льду не смогли соперничать с собачьими мускулами и когтями, и преследователи заметно отстали.

Исмаил, предвидя свое с напарником бегство из сакли, с самого начала все время боялся, что в случае стрельбы ненадежный мост может обвалиться и лишить их всякой надежды на спасение. Но бандиты, хвала Аллаху, вели огонь из оружия, оснащенного приборами бесшумной и беспламенной стрельбы, поэтому вековую тишину горных расселин нарушали лишь противное повизгивание шальных и рикошетных пуль да хриплый натруженный лай собак.

Денис, было, хотел пугнуть преследователей из своего карабина, но в силу незнания, как с ним обращаться, и грозного окрика горца уложил его обратно на прежнее место.

Исмаил специально не стал стрелять в ответ на нападение неизвестных: он понимал, что этим мало чего добьется, хотя его вооружение имело одно важное преимущество – из винтовки и карабинов старик с парнем могли вести прицельный огонь до одного километра, в то время как бандиты для подобной стрельбы были вынуждены бы подходить чуть ли ни на пистолетный выстрел. К тому же горы скрадывали расстояния, что прекрасно знал Исмаил и не могли знать налетчики. Поэтому они и не могли взять точный прицел. И только очередь, выпущенная приятелем Исмаила, достигла цели, уложив несколько собак в обеих упряжках. Но только и всего.

Из недостатков исмаилового арсенала был громкий выстрел. Преследователи это прекрасно понимали при организации налета на жилище Исмаила и Арслана и заранее обзавелись (или у них уже были) автоматами с глушителями.

Но старого горца не так легко провести. именно этот недостаток своих винтовки и карабинов он задумал использовать для того, чтобы оторваться от преследователей, передвигавшихся к тому же, не в пример Исмаилу и Денису, на мощных снегоходах.

– Ну, кажется, пронесло, – громко выдохнув, произнес Исмаил, останавливая упряжку около торчавшей из снега скалы, по виду похожей на зубчатую башню какой-то древней крепости.

– Мы что, дальше не поедем? Ведь здесь они нас быстро достанут и выкурят! – спрыгивая с нарт и отряхивая снег с овчинного полушубка воскликнул Денис.

– Это, парень, не твое дело. Ты слушай и делай, что старшие велят! Лучше выпряги убитых собак и зарой их в снегу у скалы. А с этими убийцами я сам разберусь, – распорядился Исмаил и сам себе под нос по-стариковски проворчал. – Ну и молодежь пошла! Все норовит старым людям поперек дороги стать, да еще и учить! Ох-хо-хо! Что ж это деется в мире грешном?

Денис, выполняя указания старика, внимательно наблюдал за его действиями. Вот он подошел к жожаку собачей стаи, большой, красивой, сильной кавказской овчарке Беку, потрепал его по загривку и смазал настойкой горных трав и мхов лапы псу и рваную рану на ухе, которую тот получил во время ухода от преследователей. Затем отдал баночку с настойкой Денису и жестом показал, что то же самое необходимо проделать с другими оставшимися собаками.

Юноша принялся за работу, а старик, хотя были уже слышны жужжащие звуки захлебывающихся от недостатка кислорода снегоходов нападавших, не спеша, как в замедленной съемке, вытащил из-за пазухи небольшой сверток, достал из него оптический прицел времен войны, протер его тряпочкой и приладил к винтовке.

На охоте Исмаил никогда не пользовался оптикой – зрение у него было как у горного орла и никогда не подводило, и горец бил зверя, используя механический прицел, не портя шкуры прямо в глаз.

Но здесь был случай особый. То, что задумал старик, требовало филигранной точности в стрельбе. А задумка Исмаила состояла в том, чтобы одним-двумя выстрелами из винтовки подрубить остов уже и без того подмытого тальми водами моста. А звуковой резонанс и снег dokonчили бы задуманное стариком. Поэтому и понадобился ему снайперский прицел.

... Вот из-за большого валуна, свалившегося несколько лет назад с горной кручи, показались преследователи. Поднявшись на плато и увидав беглецов, моторы их снеговых коней заработали громче и дружнее. На каждом снегоходе сидело по два человека. Одеты преследователи были в белые с грязно—серыми разводами камуфлированные комбинезоны, которые Денис видел на бойцах московского ОМОНа.

Приблизившись к мосту, но не так близко для действенного огня их автоматов, бандиты остановились и было видно, что они о чем-то переговаривались. Видимо, их несколько озадачило поведение старика с парнем – те, передвигаясь по плато в полный рост, ухаживали за собаками, готовя их в дальнейший путь, и поправляли поклажу на нартах, не обращая внимания на кучку людей и техники.

Сидевший сзади водителя головного снегохода человек, по всей видимости, их проводник и знакомый Исмаила, показал что-то в направлении старика, привстал и дал длинную очередь из автомата. Непривычная к такому оружию рука дала слабину, и беззвучная цепочка пуль прошла высоко над головами отдохавших путников. Несколько пуль, вылетевших из ствола первыми, упало вблизи упряжек, подняв в воздух осколки льда и встревожив лежащих собак.

Видя, что стрельба не принесла желаемого результата, проводник махнул рукой, и вся кавалькада из десятка снегоходов тронулась дальше.

Непрерывно наблюдая за действиями преследователей, Исмаил приказал Денису отогнать упряжки и освободить за скалу и освободить собак от построшков, а сам, заранее облюбовав удобное для стрельбы место среди камней и уложив там снайперскую винтовку, быстро изготовился к стрельбе.

Первый выстрел в безмолвной тишине гор оказался оглушительным. Выпущенная старым охотником пуля, пробив бедро одного из бандитов, попала в мотор второго за головным снегохода, и тот сразу же встал как вкапанный на середине арки снежного наста. Остальные снегоходы, натываясь друг на друга, тоже вынуждены были прекратить преследование. Бандиты находились довольно близко, и их очереди начали рыхлить снег и лед у подножья каменной россыпи, где укрылся горец.

Исмаил, наблюдая за всем происходящим через импровизированную бойницу между камней, ждал, когда первый снегоход сойдет с моста. Первая машина выбралась на плато и развернулась – ее экипаж, хотя и слышал выстрел старика, не мог понять причину задержки остальных машин. Эту заминку и использовал Исмаил.

Выставив на пару секунд в бойницу ствол винтовки, он пустил две пули в основание огромного ледяного сталактита, который выполнял роль дальней опоры моста.

Денис из своего укрытия видел, как от сталактита откололись несколько кусков льда, выбитых пулями, а затем опора переломилась пополам, и глыбы льда ринулись, обгоняя друг друга, в пропасть. Снежный наст, покрывший за несколько лет ледовый мост вздрогнул, немного осел и, увлекая с собой находившихся на нем преследователей, как лист бумаги со стола, скатился в бездну. Крика людей не было слышно – их поглотил разверзшийся грохот схода лавины.

Двое с головного снегохода стояли и, словно загнипнотизированные глядели на то место, где только что стояли их сообщники.

Когда шок от только что увиденного у оставшихся преследователей прошел, знакомый Исмаила что-то сказал своему напарнику. Тот в знак согласия кивнул и заглушил двигатель снегохода. Они подняли высоко над головой свое оружие и швырнули его подальше от себя в направлении скалы.

Исмаил, не доверяя действиям сдающихся на милость победителя и не спуская с них прицел винтовки, осторожно выбрался из своего укрытия. Не отрывая от них взгляда, он позвал Дениса:

– А ну-ка, Денис-джан, достань карабин и держи этих абреков на мушке! Чуть шелхнутся – стреляй!

– Зачем же сразу стрелять, Исмаил-ага? – услышав приказание старика, на сванском наречии отозвался его знакомый. – Ты же видишь, мы сдаемся на твою милость.

– А, это ты, Роин! Так я и знал, что проводником у этих татей может быть только один человек, у которого за душой ничего святого нет. За сколько ж сребреников на этот раз тебя, Иуда неверная, купили эти бандюги?

– Ну зачем же ты так грубо, Исмаил-ага? – обидчивым голосом отозвался Роин.

– Зато я сказал правду и в лицо, а не за спиной. Но это твой последний поступок, иродова твоя душа.

– Убить меня хочешь? А не грех тебе моих детей оставлять сиротами, праведник горский?

– Никто тебя, покуда стоишь с поднятыми руками, убивать не станет, а если придется выполнить это богоугодное дело, то не волнуйся, о детях твоих как-нибудь позабочусь.

Видя, что дело обретает худший в их положении оборот, Роин начал подходить с другой стороны:

– Знаешь ли ты, кто эти люди, которых ты заманил в ловушку и закопал в снежной могиле. Они представители власти. Их сюда прислали словить особо опасного преступника, который хладнокровно убил своих родителей и еще несколько человек. Власти поймут, что ты соблюдал закон гор – закон гостеприимства и не знал, кто этот парень, а о погибших мы скажем, что они попали под лавину. К тому же за парня этого, – он показал на высунувшегося с карабином в руках Дениса, – дают хорошее вознаграждение – аж десять тысяч американских долларов. Мы их с тобой поделим и заживем лучше прежнего, – распаялся дольше Роин, видя, что его речь производит впечатление на этого древнего старика. – Ты купишь дом в районном центре, будешь работать проводником, ведь лучше тебя гор никто не знает...

– Хорошо, я тебя понял. Речь твоя пришлась мне по душе, и я подумаю над твоим предложением. Только вот скажи мне две вещи.

– Слушаю тебя, Исмаил-ага, – подобострастно заюлил Роин. Бурная радость родилась в груди Роина и, почти не таясь, выглянула из его маленьких припухших глаз.

– Не перебивай старого человека! Если стоящий позади тебя человек – представитель власти, то что нам с ним делать. Он же все видел!

Старый горец произнес эти слова таким тоном, что предатель подумал: «Стало быть и для тебя деньги не мало значат в этой жизни!»

– Здесь ты, Исмаил-ага не волнуйся! Где похоронены остальные, там найдется место и для этого. Пусть эта работа останется за мной, – Роин настолько был уверен в правильности своей догадки, что вмиг опустил руки и приосанился и лицо его приняло важно—самодовольное выражение. – Переходи ко второму своему условию!

– Хорошо, здесь я все понял. Тогда скажи, как ты собираешься воскресить мне моего приятеля Арслана? А еще скажи, как это власти, людей которых ты воровским способом привел к моему дому, и за что не говоря ни слова начали по нам стрелять и убили ни в чем не повинного старого человека, который не был вооружен и не мог, даже если бы и хотел, оказать

какое-либо сопротивление? И какая это такая эта власть, которая позволяет такому человеку, как ты, лишать жизни своего человека?

По мере того, как Исмаил ставил вопросы, голос его повышался, а на последнем слове от звукового резонанса с горы сорвался камень или льдина и грохот поставил точку в речи старика.

– Что ты, что ты? Мы сами с тобой здесь, в горах высшая власть. Над нами только Аллах, а это неверные: чем больше их згинет в наших местах, тем лучше для всех нас, – побледнев и начиная дрожать, пробормотал Роин, сообразив наконец, что дело прошло совсем не так гладко, как ему представилось.

Глаза предателя с опасливым недоумением оглядывали то Исмаила, то юношу с карабином в руках. Денис и второй преследователь не понимали, о чем говорят два горца, но высокий тон концовки разговора одного насторожил, а другого напугал. Второй бандит, парень лет двадцати – двадцати пяти, стоял неподвижно с поднятыми руками и украдкой поглядывал на брошенные в снег автоматы, примеряясь, как бы сподручнее достать один из них, поскольку по всему было видно, дело обретало не лучший для них поворот.

Поняв намерения роинова напарника, горец обратился к нему по-русски:

– Смотри, паря! У меня не забалуешь! – и повел в его сторону стволом винтовки.

Глава 28

... Прошел еще почти целый месяц с тех июльских событий.

Жара по-прежнему стояла сильная, бывало, на улице или в машине, казалось, мозги закипают и голова ничего не соображает.

Работа шла своим чередом. Поток российских граждан, а для Михайлова ветеранов и бывших военнослужащих не иссяк, но даже несколько увеличился.

Дед Трофим по-прежнему не давал о себе никакой весточки. “Должно быть убрался восвояси на Большую землю”, – размышлял Сергей. Никто, ни Шевцов, ни Макаров, ни Головачук, не проявляли какого-либо мало-мальски заметного интереса к работе Михайлова и его связям.

Вот уже две недели как приехали новые телохранители Посла, но ничто не указывало на то, что они являются оперативными работниками ФСБ и ведут какую-либо работу среди персонала Посольства.

Только неделю назад закончили техническое обслуживание служебной машины Сергея, и он не заметил каких-то положительных сдвигов в работе двигателя и ходовой части. Даже наоборот: сколько не пробовал Михайлов разогнать машину, больше шестидесяти километров в час она не выжимала – сказывалась умелая рука “хороших” технарей.

Ответ на запрос по поводу проверки анкетных данных Трофимова Игоря Вячеславовича пришел от начальника московского ГУВД с положительными выводами. Сергей уже оформил и заверил у Трубецкого списки ветеранов на получение медали Г.К. Жукова. Фамилия Трофимова фигурировала в нем одной из первых. Оставалось только ждать пока объявится сам проситель.

Но первого сентября эта история завертелась по-новому и стала набирать обороты.

Утром на совещании Посол Трубецкой объявил о предстоящей поездке в Турцию. Эти поездки проводились регулярно, потому что Посольство закупило несколько машин – опели и форды – турецкой сборки. А в силу того, что в республике не было налажено никакого автосервиса и обслуживания иномарок, то была необходимость в их техническом обслуживании на территории Турции. Этот случай старались использовать все для закупки там от служебных машин до продуктов питания, не говоря уже о приобретении дешевых кожаных и галантерейных изделий и золотых украшений.

В списки счастливиц, собирающихся в соседнюю страну, попал и Михайлов. Видимо, указание Посла на этот счет для Макарова осталось в силе, а как раз он и занимался составлением этого списка. Кроме того, хотя в списке были дипломаты и более высокого ранга, чем офицер безопасности, но именно он был назначен старшим всей этой группы.

До поездки оставалось два дня и Сергей решил в оставшееся время подольше задерживаться на работе, чтобы подогнать все хвосты.

Однажды, уже после рабочего дня, когда все работники консульского отдела уже разошлись по домам, а в комнате охраны сидели и пили чай охранник Саша и один из телохранителей Посла, Алексей, в приемную зашел посетитель.

Это был мужчина лет тридцати пяти, одетый как и все обычные посетители Посольства, как говорят сыщики, без особых примет. Вел он себя уверенно, наверняка зная куда и как надо обращаться.

Михайлов как раз в это время освобождал свой кабинет от лишних стульев, которые он брал накануне для одной делегации и услышал, как посетитель настойчиво просился на прием именно к Михайлову.

Охранник Саша уже взял у этого гражданина его местное удостоверение личности и заносил данные из него в книгу записей посетителей, Алексей же проявлял настойчивое желание

узнать цель столь позднего гостя, почему ему нужен именно Михайлов и откуда он узнал, что необходимый ему дипломат после работы не дома, а на рабочем месте. В противном случае он грозился не пустить его дальше входной двери консульского отдела и вызвать наружную охрану из местной государственной безопасности.

Мужчина ничем не показывал, что хоть сколько-нибудь испугался угроз Алексея, и на все его излишне любопытные вопросы только лишь отвечал, что у него дело к Михайлову и только ему он все объяснит.

Не известно, чем бы закончился их разговор, если бы в это время Сергей не вошел в комнату охраны.

– Пусть посетитель пройдет ко мне в кабинет, – тоном, не терпящем возражений, проговорил молодой дипломат.

– Но, Сергей Альбертович, у меня инструкции. В вечернее время после работы никого из иностранных посетителей в консульский отдел не пускать, а если такая настоятельная необходимость возникнет, то проверить, чтобы посетители ничего, что может угрожать безопасности дипломатического состава, с собой не имели, – четко, по-военному отчеканил выдержки из инструкции Алексей.

Сергей обратился к посетителю:

– У вас с собой что-нибудь подобное имеется?

– У меня с собой ничего подобного нет, только пакет.

– Что в пакете? – взял в руки инициативу Михайлов.

– Только бумаги, – сказав это посетитель вынул средних размеров конверт из плотной желтой бумаги и открыв его клапан показал его содержимое. Там лежали свернутая в несколько раз газета, блокнот и несколько листков бумаги.

Сергей обратил внимание, как Алексей впился взглядом в документы. Казалось, он хотел глазами их вынуть из конверта, развернуть и прочитать.

– Ну, я думаю, формальности мы уладили, – сказал Михайлов и жестом пригласил посетителя в свой кабинет. Краем глаза Сергей заметил, что телохранитель кивком головы подал знак охраннику, и тот немного запинаясь обратился к дипломату:

– Сергей Альбертович, в удостоверении гражданина Самойлова не указано место жительства!

– А разве в журнале посетителей есть графа “место жительства”? Что-то я этого не припомню! – видя реакцию Саши и Алексея на поздний визит этого самого Самойлова парировал Михайлов.

Сергей уже по той атмосфере, которая в данный момент сложилась в комнате охраны, понял, что этот посетитель не совсем обычный человек, потому что этим посетителем был тот самый Георгий – попутчик Сергея, который в настоящее время проживал в доме, где Михайлов встречался с Трофимовым. Видимо, какую-то значимость этой встречи поняли и те, кто “охранял” молодого дипломата.

Глава 27

Пленный не внял предупреждению Исмаила. Он совершил головокружительный кувырок через правое плечо, прикрываясь небольшой снежной дюной, распрямившись в воздухе, стрелой пролетел метра два-три и, сгруппировавшись, накрыл телом один из автоматов, который валялся ближе всего к нему.

Бандит был настолько поглощен своей задумкой, что команду «Хоп!» он воспринял, как мягкий хруст снежного наста под ногами. Тут же от скал отделилась большая серая тень и, оттолкнувшись от камней, где сидел Денис, полетела наперерез беглецу. Как только тот накрыл своим телом автомат и уже раздумывал в какую сторону сделать поворот, чтобы избежать пули Исмаила, и открыть по нему огонь, его буквально вдавила в мелкий снег пятипудовая туша Бека. Парень такого фокуса от старика не ожидал и теперь лежал ошеломленный ударом телом пса, не осмеливаясь даже шевельнуться.

– А ну, гад, руки вытяни вперед и помедленнее, если не хочешь, чтобы Бек откусил твою дурную голову, – командовал Исмаил, довольный действиями своего собачьего друга и любимца. – Одно в толк не могу взять: на охоте Бек, если прыгает сверху на горного козла, барана или волка, сразу же ломает ему хребет, а ты живой. Странно!

– Наверное, бронжилет у него, – вставил слово, до этого не произнесший ни звука Денис.

Через пять минут связанные Роин и второй бандит сидели у камней и Исмаил приступил к допросу.

– Начну с тебя, горский Иуда. Рассказывай, как перед Аллахом, Роин, как ты оказался среди этих бандитов! И без брехни, ты же знаешь древний способ горцев проверить, кто лжет, а кто говорит правду? – сказав это, старик вынул из своей сумки кусок воска горных пчел и залепил им уши молодого напарника Роина, а затем надел мешковину тому на голову, отчего парень начал ерзать по снегу, видимо, думая, что его сейчас будут убивать.

– Давай рассказывай!

– Все, как на духу перед Аллахом!

– Не беспокой имя Аллаха своим вонючим ртом! Говори по делу и по-русски, чтобы Денис-джан слышал – он не последнее лицо в этом деле.

– Значит, было так. Два дня назад, под вечер привел ко мне мой сосед человека, который назвался Виктором. Так вот, этот Виктор сказал, что он и его люди разыскивают одного преступника, который находится в беге. Они его уже давно выследили в наших предгорьях и загнали в ущелье Карачай. Но, облетев ущелье на вертолете не смогли найти беглеца. А потом стояла долгое время плохая погода и поиски они прекратили. Я поинтересовался, какое же преступление совершил этот парень, – Роин кивнул на Дениса, – он показал мне его фотографию. «Он убил своих родителей, учителя, милиционера и украл у него важные документы. Поэтому он нам нужен живой или мертвый, но только так, чтобы мы смогли его опознать и отвезти в Москву».

«А какая помощь от меня требуется. Ведь если этот парень в Карачае, то горы там доступные и не опасные, и вы сами его можете там достать, потому что перевалов там нет?» – спросил я.

«Наши люди с горами не знакомы, а этот убийца в отчаянии может перевалить и через эти горы. Следовательно, если не найдем его здесь, придется перемахнуть и нам эти горы, но найти нам его обязательно нужно.»

Я думал, что эти люди из милиции или ФСБ, а помогать государству даже в таком богоугодном деле мне не хотелось и решил было от них отвязаться, сославшись на трудности и необходимость зарабатывать тяжким трудом на хлеб насущный. Виктор понял мою задумку и сказал:

«Мое руководство готово оплатить услуги проводника. Вот аванс!» – и он достал из нагрудного кармана пачку долларов и по одной купюре выложил передо мной – там было десять тысяч американских долларов. Ты же знаешь, дорогой Исмаил-ага, как моей семье тяжело живется, вот Аллах меня и попутал. Я согласился стать проводником у Виктора и его людей.

– Ты не пытайся меня разжалобить и слезу выбить – как ты живешь у нас все знают. По делу говори!

– Я по делу и говорю. Здесь я сразу понял, что это не милиция и к ФСБ они никакого отношения не имеют: откуда у тех такие деньги лежат просто так в карманах. Но отступить было некуда – деньги лежали уже у меня в кармане. Видя, что я согласился, Виктор достал карту наших гор. Интересная такая карта, вся из фотографий сделано. На ней даже стадо горных баранов архаров было видно. Виктор спросил: «Куда он мог деться из ущелья Карачай?»

«Если, – говорю, – кто и мог указать правильную дорогу через горы, так это только наш всеми уважаемый Исмаил-ага и я. Другие местные жители этот путь не знают. Но Исмаила-ага сейчас в долине нет, он в горах. И если ваш преступник сумел таки перебраться через горы, то искать его следует только в горах, где сейчас живет этот горец со своим напарником Арсланом, да позаботится о его душе Аллах!»

«Значит завтра, если позволит погода, – распорядился Виктор ты поведешь часть наших людей в горы, а, чтобы наше дело сильно не затягивать, полетите сразу на вертолете к вашему Исмаилу, а я с другой часть обшарю ущелье Карачай. И запомни, если ты сможешь нам найти этого человека, получишь еще столько же, понял?»

– Вот и все, как перед Аллахом исповедался. Дольше ты сам все знаешь, Исмаил-ага, – закончил свой краткий рассказ Роин.

– Хорошо, тебя я выслушал. Теперь послушаем, что нам твой товарищ по несчастью нам расскажет, – с этими словами Исмаил снял мешковину с головы пленного и вытащил воск из ушей.

– Как зовут тебя, парень?

– Называйте как хотите, хоть Тимохой.

– Значит Тимофей. Хорошее имя ты выбрал для себя. Ну, рассказывай!

– А что рассказывать? – начал наглеть Тимоха.

Исмаил двинул парня стволом винтовки в живот. Послышался глухой звук удара винтовки о металл бронежилета, и старик, поняв свою оплошность, развернул свое оружие и прикладом слегка вскользь проехался по челюсти пленника.

– Спрашивайте, буду отвечать, – уже с испугом в голосе пролепетал Тимофей.

– Кто ты, откуда?

– Об этом говорить не буду, вам это не интересно.

– Хорошо, оставим этот вопрос на после. Кто такой Виктор?

– Не знаю. Приехал из Москвы, а нам приказали его слушаться и выполнять все его распоряжения. А расспрашивать у нас не принято – вмиг рассчитают по всем статьям.

– Что вы делаете здесь в горах?

– Нам только сказали, вот этот парень, – он кивнул подбородком в сторону Дениса, – украл у какого-то мента в Москве важные документы. Мы должны были найти эти документы и притащить парня живого или мертвого.

– Понятно. А еще какие преступления он совершил, вам говорили?

– Нет, речь шла только о документах. Даже описали папку, в которой они находились раньше у того мента.

– Виктор где сейчас находится?

– Он остался с основной группой и сейчас осматривает ущелье.

– У вас была с ним какая-либо связь?

– Да, у нас была станция спутниковой связи, но она вместе с остальными рухнула в пропасть.

– Как давно вы ищете этого парня?

– Да уже больше месяца, наверное. Точно я сказать не могу. Нас подключили только тогда, когда москвичи обстреляли его из вертолета в горах. Но говорят, что шли за ним по пятам от самой Москвы. Да только взять никак не могли. Слышал даже, как Виктор ругался, что какая-то неведомая сила помогает этому парню. Уплывал от его ребят прямо из-под носа.

– Откуда у вас вертолет, снегоходы, оружие и горное снаряжение?

– Были бы деньги, – ухмыльнулся Тимофей, – а техника найдется.

– А по точнее?

– Техника наша, но откуда, поверьте, не знаю. Вертолет – старый милицейский: на нем до сих пор ГАИ написано, с трудом перемахнули через хребет. Была бы машина поновее, вопросы сейчас задавали бы не вы.

– Слушай, Тимоха! А почему ты такой наглый? Твой проводник тоже поначалу наглед, а сейчас сидит в обгаженных подштанниках и радуется, что живой.

Роин нервно заерзал по снегу.

– А знаешь, Тимоха, что вот этот человек, – Исмаил указал на проводника, – полчаса назад хотел отправить тебя к твоим товарищам на тот свет.

– Да, видать он с Виктором одного поля ягода: перед отлетом тот приказал, что, как только найдем парня и вызовем вертолет за группой, этого жирного борова оставить здесь в горах навеки.

– Но ты не волнуйся, мы не такие кровопийцы, как ты с Виктором, оставляем вам вашу поганую жизнь. Кстати, когда прилетит вертолет?

– Если связи не будет, то завтра в три часа после обеда. А так – по нашему сигналу.

– Хорошо, значит у нас еще есть много времени. Слушайте, вы, холуи продажные. Вашей крови нам не нужно. Но только боюсь, что, оставив вас вдвоем, вы друг дружку порешите по чем зря. Тогда сделаем так. Каждого из вас в отдельности на веревках я спущу с гор в долину с разных сторон скалы. В этом случае вы друг с дружкой не встретитесь. Роин горы малость знает, на время укрыться сможет. А ты, Тимофей, после спуска дуй прямо на север. К концу дня выйдешь на то место, где вас вертолет выгружал.

– Неужели вы нас отпускаете по добру, по здорову? – как в сказке тихо промолвил Тимофей.

– Да, мы вас отпускаем, но накажут, и притом жестоко, ваши же бандюги, вроде Виктора. Так что это не спасение вам, а тяжкое наказание. Останетесь живы, считайте, что крупно повезло. Ну, а порешат вас ваши же дружки, за то не обессудьте – заслужили.

На этом Исмаил закончил вести разговоры с пленниками и, как и обещал, спустил их с разных сторон скалы. Сделать это ему не представляло труда, так как крупнейшие клыки Бека не давали помышлять Роину и Тимофею о чем-то другом. Затем они осмотрели трофейный снегоход, достали из его багажника альпинистское снаряжение, а саму машину, предварительно сложив в нее автоматы пленных, засыпали снегом у подножья каменной гряды.

– Пригодится когда-нибудь, – пояснил Исмаил.

Проделав эту работу, путники расстелили спальные мешки и заснули в окружении собак, больше не опасаясь своих преследователей.

Глава 28

Войдя в кабинет Самойлов осмотрел его убранство, стены и окно и сел на предложенный стул.

– Самойлов Иван Иванович, – представился посетитель. – Я к вам по вопросу оказания помощи общине молокан, проживающей в горах на востоке республики.

Георгий сейчас говорил совершенно без акцента.

– Слушаю вас, Иван Иванович, – делая акцент на имени и отчестве Георгия – Самойлова улыбаясь ответил Сергей, а сам внимательно наблюдал за действиями Самойлова.

Тот, не прекращая своего рассказа о тяжелой судьбе, как и всех русских в этой республике, молокан, достал из пакета блокнот, вырвал листок, положил его на чистую поверхность стола и стал быстро что-то писать.

Михайлов в тон Самойлову бросая реплики по ходу беседы взял протянутый листок и стал его внимательно читать.

“Вам передает большой привет Игорь Вячеславович. Он просит извинения за доставленные из-за него хлопоты и принимает Ваше предложение по изучению немецкого языка. И еще просит о небольшом одолжении во время Вашей поездки в Турцию”.

Сергей взял карандаш и ниже этой записи написал: “Я также приветствую вас и Игоря Вячеславовича. Но куда он пропал? В самую ответственную минуту не смог его найти!”

“Он вынужден был срочно уехать. К нему стали проявлять повышенный интерес все, кому не лень. В ближайшее время, а именно после Вашей поездки в Турцию, он обязательно с Вами встретится”.

“Передайте Трофимову, что у меня дома небезопасно. Месяц назад в моей квартире произошел инцидент, во время которого пропали все бумаги, которые он мне давал” – быстро отписал Михайлов.

“Он в курсе этого дела. Не беспокойтесь. Впредь, если у вас будет что-либо срочное передать нам, то это можно сделать через Вашу квартирную хозяйку”.

За время этих письменных переговоров Сергей не уставал удивляться, как они до сих пор не потеряли нить их разговора вслух о молоканах.

“В Посольстве некоторые сотрудники, – продолжал писать Михайлов, – очень интересуются Игорем Вячеславовичем. Я думаю, это связано с его прошлой работой или его архивами”.

“Я это ему передам. Спасибо”.

“Вы сами будьте осторожны. Эти ребята на выходе Вас так просто не отпустят”.

“Понимаю. Я попрошу Вас проводить меня до выхода. На улице уже темнеет, попробую от них оторваться”.

В это время раздался стук и в приоткрытую дверь показалась голова охранника Саши.

– Сергей Альбертович, не хотите ли чайку для себя и Вашего гостя? Мы с Алексеем как раз свежий приготовили.

Самойлов кивком головы отказался.

Сергей, видя, какими глазами Саша смотрит на исписанные тонкие листочки, сложенные стопочкой на краю стола, ответил:

– Спасибо, Саша, но мы уже почти закончили.

“Что-то они сегодня слишком добрые, как бы нам эта их доброта боком не вышла” – быстро написал Сергей как только дверь за охранником закрылась.

Самойлов кивнул, давая понять, что полностью разделяет его точку зрения.

“А что от меня нужно Игорю Вячеславовичу в Турции?”

“Все написано на таком же листочке в газете. И еще: Игорь Вячеславович просил передать. Если Вы по каким бы то ни было причинам откажетесь нам помочь – мы пойдем и к Вам от нас никаких претензий не будет”.

“Да нет уж. Чего останавливаться на полдороги. Я все выполню, что в моих силах. Самому интересно, что из этого получится!”

Прочитав последнюю запись Сергея Самойлов кивнул, собрал все листочки, сложил их на пепельнице и поднес к ним зажженную зажигалку.

Сергей такого еще не видел: мгновенная вспышка ярко-желтого света и от лежащих на пепельнице несколько листков бумаги не осталось и следа.

Самойлов – Георгий взглянул на оторопевшего Михайлова улыбнулся и протянул ему блокнот, из которого были вырваны эти листки.

– Пригодится, – еле слышно прошептал он.

Быстро собравшись Сергей сунул конверт с блокнотом в кожаную папку, и они направились к выходу.

У входной двери в консульский отдел стояли Саша и Алексей, перекуривали и о чем-то тихо разговаривали с двумя молодыми парнями. Попрошавшись с ними Сергей и Самойлов пошли к автомобильной стоянке.

– Ну, всего доброго, Сергей Альбертович, и пусть у Вас будет удача в парусах Вашей жизни, – с местным акцентом произнес Георгий.

– И Вам всего хорошего! Вы на чем будете добираться?

– У меня отсюда в двух кварталах машина. проверю, чтобы за мной никто не увязался и поеду домой.

На том они и распрощались.

Сергей вошел в здание Посольства и направился к дежурному коменданту сдать ключи от кабинета.

Дежурный комендант Виктор Иванович увидел Михайлова и вышел из дежурки ему на встречу и тихонько в одно дыхание выпалил:

– Вам привет от Сергея Валентиновича. У него все в порядке. И еще я вас хочу предупредить. Алексей, телохранитель Посла, звонил полчаса назад Макарову. Тот прилетел сюда весь взвинченный, о чем-то переговорил по телефону с Шевцовым и вызвал остальных ребят – телохранителей. Каждому из них, по его приказу, я выдал по машине, и они куда-то укатили. Но в их разговорах, хотя они и говорили еле слышно, я услышал вашу фамилию. Видно, в отношении Вас на сегодня что-то намечается. Так что, если у Вас есть какие планы на вечер, будьте осторожны.

– Спасибо Вам, Виктор Иванович!

Михайлов взял ключи от своей “шестерки”, немного, раздумывая, задержался в дверях дежурки:

– Виктор Иванович, можно я у Вас до завтра оставлю эту папку. Что-то неохота домой ее тащить в такое время, а если электричества не будет, то все равно работать не придется.

– Я Вас понял, Сергей Альбертович. Все будет в порядке и сохранности. Если Вы завтра к моей смене не приедете, то я здесь задержусь и Ваша папка будет со мною.

На улице уже стояла непроглядная темнота, а электричества еще не было, но на душе Сергея было весело.

“Хороший сегодня день. Хорошо, что я здесь не один. Хорошо, что я здесь кому-то нужен. Хорошо, что есть люди, которые о тебе помнят и беспокоятся,” – размышлял Михайлов, направляясь к машине.

Глава 29

... Когда вновь проглянуло утреннее солнце, путники тронулись в путь, придерживаясь берега «ледяной реки», как условно, только для себя, называл Исмаил длинный, в несколько километров ледяной желоб, покрытый в отдельных местах крепким снежным настом. Вначале местность, по которой они шли, а местами и ехали на упряжках, была пологой с почти неприметным подъемом, но уже к вечеру первого дня она стала переходить в отдельные, все более высокие холмы, а затем – в скалистые, покрытые лишайниками и мхом горные скалы.

Еле заметная тропа извивалась меж дикими нагромождениями скал-останцев столь крутыми и причудливыми петлями, что, как казалось Денису, следуя по ней, они по крайней мере втрое удлинит свой путь, сделали его при этом и для людей, и для собак более трудным.

Но Исмаил отлично знал здешние места и тропу, по которой уверенно вел нарты, держа нужное направление по одному ему известным приметам.

Узкая тропа вела их мимо скал и расселин, то спускаясь вниз, то поднимаясь, пока к вечеру она не уперлась в пещеру, до половины занесенную снегом, который, подтаяв за день, образовал ледяное полукольцо вокруг нее.

Используя ножи и альпинистские колья, взятые из багажника снегохода, путники поднялись по ледяной стене в пещеру и перетащили туда собак, нарты и поклажу.

Забравшись в пещеру, Денис зажег протянутый ему стариком факел.

– Только не пугайся, Денис-джан, – успел сказать горец, потому что юноша, осветив вход в пещеру, от испуга чуть не выронил факел из рук. У входа в пещеру, как бы охраняя ее от непрошенных гостей, сидело два трупа в немецкой военной форме, которая была знакома Денису по фильмам о Великой Отечественной войне.

– Ты их не бойся, – успокаивал парня Исмаил. – Это вояки из гитлеровского корпуса «Эдельвейс». Видно, здесь охраняли склад да и замерзли. Видишь, сидят друг дружку обнимаючи. Я давно к ним привык, и ты привыкнешь. Когда я сам забредал в эти края и устраивался в этой пещере на ночлег, разговаривал с ними как с живыми. Уже считай полвека здесь сидят, а все молодые. Принесла ж их нелегкая в наши края!

Денис поближе рассмотрел солдат. Действительно, это были молодые ребята, может быть чуть постарше нынешнего Дениса, но бывалые: на альпийских куртках виднелись какие-то нашивки, а у одного на шее висел крест.

– А как они сюда попали? – поинтересовался Денис.

– Трудно сказать. На войне ведь всякое бывает, – что-то вспомнив свое задумчиво произнес Исмаил. – Я тогда молодой еще был. Выполнив одно поручение советского командования, я возвращался через горы. Но там, – он показал на горный хребет, откуда они только что пришли, – уже как неделю шел сильный снег, и я пошел вдоль хребта. Командир, посылавший меня на задание, под большим секретом поведал мне, что в этих местах в самом начале войны солдатами был заложен тайный склад с оружием, боеприпасами и прочим снаряжением. Вот на обратном пути я должен был его разыскать и проверить на месте, что и как.

– У командира, что, не было карты или какой другой схемы, где был обозначен этот склад?

– Наверное, не было у него ничего. Ведь склад устраивали в начале войны, да и то в первой попавшейся подходящей пещере. А обстановка в то время была жуткой. Тех, кто здесь работал, отправили на передовую и они в первые месяцы войны сложили там свои головы. Начальники старались держать место склада в голове – бумаге боялись доверять, да, видать, и сами сгнули. А моему командиру кто-то назвал примерный район, вот он меня и озадачил этим поручением. Я в те годы горы знал уже неплохо и наметил себе, где бы я сам устроил этот склад.

Неделю, помню, лазил по местным скалам, искал подходящую пещеру, а их здесь ох как много. Но нашел ее все же, но уже с этими околевшими немцами. Отчего они замерзли, никак не могу взять в толк.

Немцы, видимо, с помощью местного проводника или сами, но наткнулись они на этот склад. И так он им понравился, что сделали здесь и свой собственный. Но самое главное для местных условий то, что они притащили сюда большой запас дров и керосина, а продуктов, тушенки и других консервов, здесь и без того хватало. Вот и говорю, что странно, как они могли замерзнуть, если были дрова, керосин, спички и продукты. Здесь какая-то другая причина.

Денис еще раз подошел к погибшим и осветил их факелом.

– А документы у них не смотрели?

– Да, вон на ящиках их солдатские книжки лежат. Если по-немецки читать можешь, посмотри, а то и возьми с собой – смотришь, в будущем и пригодятся. Может найдешь их родственников. Но про склад никому ни слова: здесь оружия, автоматов, пулеметов, винтовок, боеприпасов, не пересчитать. А времена сейчас лихие – потянутся лиходеи всякие, от того только худо будет простому человеку. Конечно, склад этот можно и взорвать, да я тоже им иногда пользуюсь.

Юноша немного углубился в пещеру. Мерцающий свет факела прыгал по покрытым изморозью и инеем каменным стенам. Сначала, в довольно широком проходе стояли огромные штабеля дров. Дальше тоннель расширялся и вышел в большую комнату, из которой тянулись два узких тоннеля. Вдоль стен комнаты в определенном порядке стояли штабеля ящиков, окрашенных в белый цвет с германским орлом и маркировкой на боках. На каждом штабеле была прикреплена бумага, из которой становилось ясно, что и в каких количествах здесь хранилось.

Денис заглянул в боковой отвод и увидел здесь штабеля с оружием, но уже советского производства. Дальше идти самому не хотелось, хотя юношеский интерес необъяснимо тянул вперед. Немного потоптавшись в «советском» складе, он вернулся к Исмаилу.

Старик к этому времени развел огонь и в старом медном котелке варил похлебку из консервов пятидесятилетней давности.

– Открой-ка консервы из того ящика и дай собакам, они их заслужили, – распорядился горец.

Собаки, видно, не однажды были в этой пещере, потому что не боялись мертвых солдат и заискивающе поскуливали, зная, что им достанется на ужин.

Путники поужинали, подложили в костер еще охапку дров и легли спать.

На другой день, покинув гостеприимную пещеру, приютившую и обогревшую их, и перемахнув незаметно для Дениса Главный хребет, путники начали спуск. Тропа пошла резко под уклон и к ночи вывела путешественников к истокам одной известной, описанной в стихах и поэмах великих русских поэтов, реке.

А еще через день, когда позади остались гряды холмов, Исмаил и Денис достигли своего пункта назначения.

На ночь они остановились в разрушенном войной доме на окраине брошенной жителями-изгнанниками деревни. Исмаил предупредил, чтобы юноша огня не разводил, а сам ушел посмотреть, какова обстановка в этом населенном пункте.

Вернулся он не один, а с каким-то местным жителем, с которым, по-видимому, был хорошо знаком и даже дружен. Войдя, тот поздоровался с Денисом и, представившись Гибоем, сразу же на ломаном русском языке начал свою речь:

– Какой большой ты человек, Денис-джан! О тебе знают даже здесь, у нас.

– Как знают, кто знает? – не сдержался парень.

– Да, ты не беспокойся! По всей видимости, ты кому-то здорово наступил на лапу или, по-вашему, на любимый мозоль. Во всех предгорных селах и деревнях развешено предупреждение о том, что органы правопорядка ведут поиски местного убийцы точь-в-точь по фото-

графии похожего на тебя, но малость пополюе убийца то будет. А зовут его Денис Пересветов. Фамилию его не указывают: якобы, у него документов сейчас нет, но он постарается выправить себе новые.

– Но самое интересное в этом деле то, – вставил слово Исмаил, – что свои преступления перед человеком и богом он совершил здесь, в столице этой республики. Догадываешься, что он натворил?

– Догадываюсь, – мрачно ответил Денис. – Значит тот парень был прав и меня будут искать повсюду, пока не найдут.

– А ты, парень, не отчаивайся! Эта бумажка, расклеенная здесь, честному и здравомыслящему человеку говорит о многом. И главное, что в этой истории твоей вины нет, а все это подстроили хозяева тех бандитов, да попадут их души в руки шайтана! – подняв руки к небу, взмолился Исмаил.

– А когда появилась эта листовка? – спросил юноша.

– Правильно мыслишь, сынок, – сказал Гибой. – Ее развесили какие-то незнакомые местным жителям люди два дня назад. А самое интересное, наш участковый об этом не знал. Но завтра я выведаю у него, кто и по чьему распоряжению развесили эти бумажки и что представляет собой этот убийца? А сейчас, вот, поешьте немного южных фруктов. Небось, баранина и другие мясные блюда уже приелись?

Гибой протянул корзинку, доверху наполненную яблоками, грушами, сливами и другими яствами.

– Как вкусно, – по детски, перемалывая сильными зубами упругую мякоть яблока, сказал Денис. – В Москве такие дорого стоят, не всякий купить сможет.

– Вот и хорошо. Перекуси и ложись спать, – распорядился Исмаил, – а мы с твоим новым знакомым еще немного поговорим.

Погода была теплой, и Денис впервые за все время, пока он находился под опекой старого горца, не просыпался от холода, а беспробудно проспал всю ночь. Разбудил его утром Гибой. На импровизированном столе лежала нехитрая еда и было видно, что старшие уже поели.

Денис вышел из разрушенного войной здания и увидел, что Исмаил уже был готов продолжать путь. Все собаки, кроме Бека, были повязаны одним постромком и мирно лежали на траве у густых кустов.

– Почему меня раньше не подняли, Исмаил-ага? – спросил старика Денис.

– Потому что на этом месте наши пути расходятся. Опять старших хочешь перебивать? – увидав, что парень открыл было рот что-то сказать, взорвался горец. – Ты лучше слушай и мотай себе на ус. Гибой отведет тебя к верному человеку, которому я дальше вверяю твою судьбу. О тебе и твоей истории он уже знает и готов оказать тебе помощь. Ты же чти его и оказывай уважение. Он не намного младше меня – будет тебе за отца. От него узнаешь, как сейчас обстоят дела у тебя дома в Москве, и как там твоя сестра. А я сейчас возвращаюсь домой. Нужно похоронить Арслана. От меня получи подарок. Бек, ко мне! – позвал он собаку.

Бек тут же поднялся и подбежал к старику, на ходу виляя хвостом.

– Вот, отдаю тебе своего друга. Пусть и он станет для тебя хорошим товарищем и защитником. Кстати, эту собаку подарил мне тот человек, к которому ты идешь. У него есть точно такая же – они с Бекком родные братья и обучались этим человеком вместе. Бек понимает все русские команды и еще на каком-то иностранном языке, ну а я выучил его своему наречию. Так что вы поймете друг друга.

Исмаил нагнулся над Бекком, потрепал его по загривку и начал с ним разговаривать на своем языке. Казалось, пес понимает все, что ему говорил человек, и взволнованно поскуливал. Он то и дело оглядывался на Дениса и порывался лизнуть Исмаила в лицо.

– Ну, что, пора прощаться и в путь, – поднявшись сказал Исмаил. Он по местному обычаю расцеловался с Гибоем и крепко обнял Дениса.

– Я на тебя рассчитываю, парень. Не подведи и не осрами старика. А захочешь прийти ко мне в гости – в дороге ты сдал хороший экзамен на знание гор, да и тропу ты неплохо выучил, в случае чего до пещеры дорогу сам и без проводимых найдешь. Кроме того, Гибой или тот человек знает как меня найти. Только в старом жилище меня не ищи – сам знаешь почему. И помни старый Исмаил всегда готов оказать помощь тебе и твоим друзьям, – в глазах старика стояли слезы. – Я тоже, если на то будет воля Аллаха, постараюсь бывать у вас. Ну, все, и так слишком долго прощаемся, не по-мужски. Свидимся!

Помахав на прощанье и взяв постромок, Исмаил направился с оставшимися собаками в сторону гор. Бек стоял рядом со своим новым хозяином и, порываясь побежать, смотрел вслед уходящему старику, пока тот не исчез в перелеске.

Вечером того же дня Гибой и Денис постучались в ворота дома в одном из престижных районов столицы этой республики.

Глава 30

Во дворе, подойдя к своей “шестерке”, Сергей обратил внимание, как в одной из посольских машин на мгновение показался огонек сигареты.

“Меня, должно быть, караулят. Ну и пусть!” – подумал Сергей.

Запустив двигатель и тихонько выехав на улицу заметил, что “караульная” машина за ним не тронулась. Сергей прибавил газу и направился домой.

На площади в свете фар еще кое-где были видны одинокие фигуры прохожих, которые в столь поздний час торопились либо домой, либо купить хлеб у торговавших здесь же, на проезжей части перекупщиков.

Михайлов остановился, чтобы купить на вечер свежего хлеба, как вдруг мимо него на приличной скорости промчалась белая “копейка” и взвизгнув шинами и коротко просигналив перебежавшему улицу в неполюженном месте пешеходу свернула в улочку, ведущую через старый город к железнодорожной станции. За ней тут же проскочил еще один “жигуленок”, а за ним тоже на большой скорости и нарушая правила дорожного движения прошла машина с дипломатическими номерами Российского Посольства. В последней машине сидел только один водитель.

“Наверное, один из телохранителей. Интересно, за кем это они сегодня гоняются? – спросил сам себя Сергей. И тут же завел машину и поехал за этой троицей.

Темнота обеспечивала Михайлову скрытность наблюдения: габаритные огни все трех автомобилей были видны издали. И хотя Сергей старался выжать из машины больше скорости, но вскоре у товарной станции он их потерял.

Уже было решив возвращаться домой после столь неудачной “погони” Сергей заметил, что у самого выезда из станции, которая, по сути дела, представляла собой глухую окраину столицы, стена одного из пакгаузов освещена светом фар.

Сергей припарковал машину у полуразрушенного строения, которое в довоенное время называлась будкой стрелочника, и скрываясь в темноте складов и подъездных путей, непрерывно кляня себя за такую неосторожность и мальчишество, стал подкрадываться к пакгаузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.